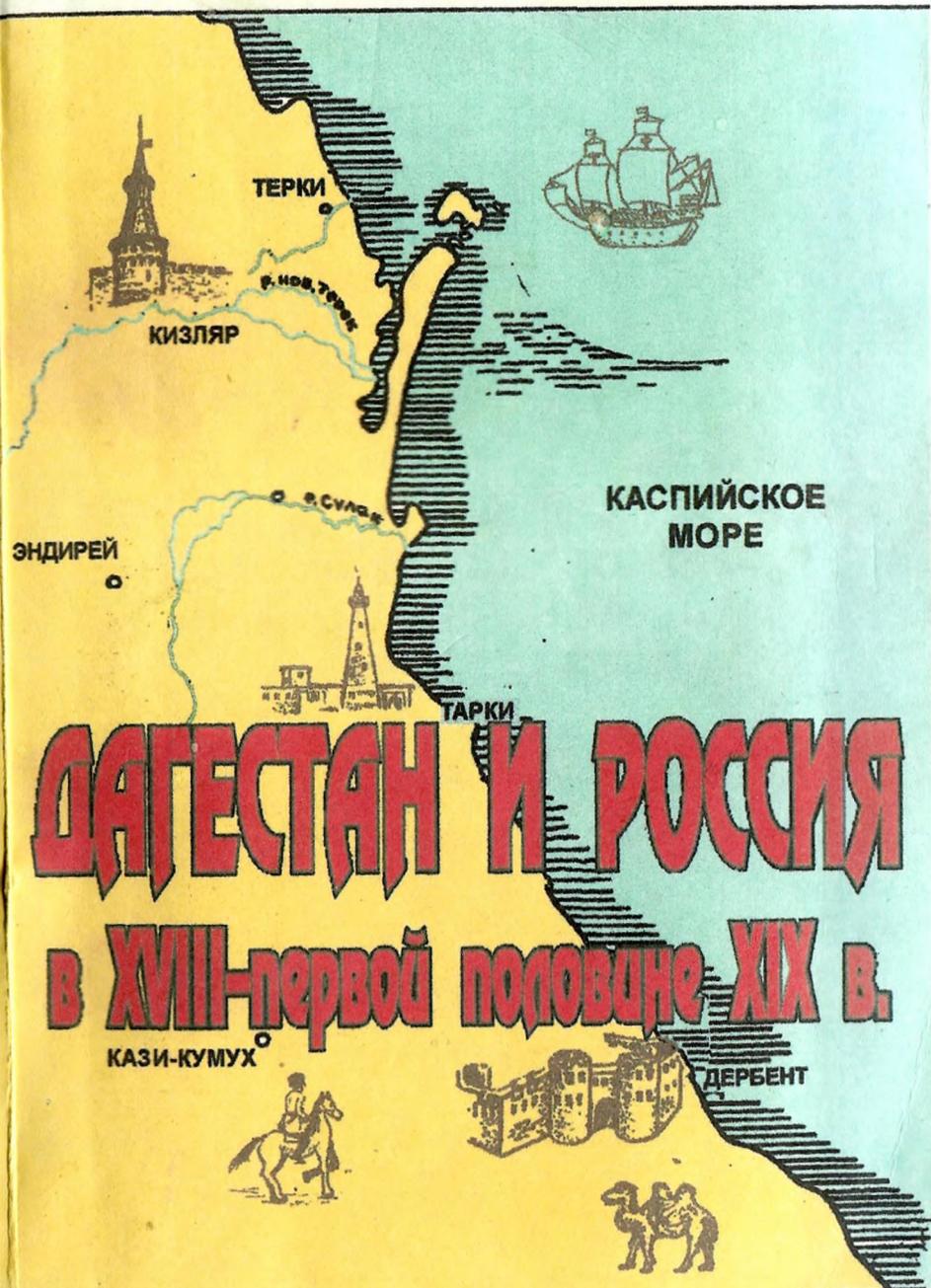

Е. И. Иноземцева

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

Е.И. ИНОЗЕМЦЕВА

**ДАГЕСТАН И РОССИЯ
В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.:
ПРОБЛЕМЫ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ВЗАИМООТНОШЕНИЙ**

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

instituteofhistory.ru

Махачкала – 2001

УДК 94 (470.67)
ББК 63.3 (2Рос-Даг)
И-11

Ответственный редактор – заслуженный деятель науки РФ и РД,
доктор исторических наук, профессор **В.Г. Гаджиев**.

Рецензенты:

- доктор исторических наук **Б.Г. Алиев**;
- кандидат исторических наук, доцент **В.П. Егорова**;
- доктор исторических наук, профессор **М.-С.К. Умаханов**.

Е.И. Иноземцева. Дагестан и Россия в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы торгово-экономических взаимоотношений. – Махачкала: ДНЦ РАН, 2001. – 188 с.

ISBN 978-5-905784-14-9

История развития многовековых торгово-экономических взаимосвязей между Дагестаном и Россией – проблема, представляющая большой познавательный и практический интерес. Экономические факторы в русско-северокавказском сближении играли весьма и весьма значительную роль, без уяснения которой трудно понять глубинные причины российской активности на Северном Кавказе, в Дагестане – в частности. Этот процесс был длителен, достаточно сложен и противоречив, но он был предопределен долговременными положительными перспективами, что в конце концов и привело к вовлечению Дагестана в хозяйственно-экономический ритм России, во всероссийский рынок, стимулировало включение региона в товарно-денежные отношения. А это, в свою очередь, играло огромную роль в социально-экономическом развитии самого Дагестана. Именно через торговые контакты шел обмен не только товарами, но и происходил важнейший процесс интегрирования технических достижений, научных знаний, культурных ценностей.

Данная работа – первая попытка специального обобщающего изучения русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений на одном из важнейших этапов их развития. В монографии на основе широкого круга опубликованных данных, а также впервые вводимых в научный оборот архивных источников, опираясь на достижения отечественного кавказоведения, обстоятельно освещается динамика развития процесса взаимообусловленного, обоюдогодового торгово-экономического взаимодействия Дагестана и России в XVIII – первой половине XIX в. Раскрывается характер, интенсивность, место и роль торговли в социально-экономическом развитии края. Обосновывается перспективность русско-дагестанской торгово-экономической интеграции. Книга рассчитана как на историков-специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей края.

ISBN 978-5-905784-14-9

© Иноземцева Е.И., 2001

*Феодаевой Фариде Заидовне –
учителю и другу с чувством глубокой
признательности посвящая.*

ВВЕДЕНИЕ

Проблеме русско-кавказских взаимоотношений в целом и важнейшей ее составляющей – русско-дагестанским отношениям в отечественной историографии традиционно уделялось пристальное внимание в силу ее неоднозначности, многогранности и неослабевающей актуальности. Эта тема в различные периоды приобретала различной степени остроту и звучание. Если первоначально советские историки, отбросив апологетические построения дореволюционных авторов, подвергли справедливой критике национальную политику царизма, игнорируя, однако, прогрессивное влияние передовой России на исторические судьбы народов Кавказа, то начиная с 40-х годов кавказоведы взяли на вооружение получившую в то время широкое хождение «теорию наименьшего зла», которая, приобретая вскоре универсальный характер, стала применяться без учета конкретных условий ко всем присоединенным к России окраинам, в том числе и к Дагестану. В последующее время отечественное кавказоведение, обогатившись многими ценными исследованиями, базирующимися на разностороннем историческом материале, убедительно доказало объективно исторически прогрессивный характер вхождения народов Кавказа в состав России. Однако следует отметить, что среди ученых имеются разногласия в оценке характера и времени присоединения народов Северо-Восточного Кавказа к России. Ряд историков придерживается мнения, что оно происходило насильственно, в итоге Кавказской войны, в частности, так был присоединен Дагестан.

Особое звучание и остроту проблема русско-дагестанских взаимоотношений приобрела в связи с реальностью сегодняшнего дня, когда распад Советского Союза вызвал волну национальных движений и военных конфликтов на Кавказе. В историографии стали появляться работы, в которых переоценивается значение России в истории народов Кавказа, искажается позитивная, прогрессивная ее роль, раздуваются антироссийские настроения. При этом зачастую в этих работах построения авторов слабо подкреплены данными исторических источников, архивных документов. В создавшихся условиях весьма актуальной представляется дальнейшая разработка отдельных аспектов проблемы русско-дагестанских взаимоотношений, в том числе торгово-экономических, базирующаяся на обстоятельном документальном фундаменте, на достоверных исторических фактах.

Изучение торгово-экономического взаимодействия, определение его характера, форм, интенсивности представляет важное звено в воссоздании социально-экономической истории того или иного региона, того или иного государства. Включение Дагестана еще в древности в орбиту систематических торгово-экономических контактов с Россией, через Россию – с Европой стало определяющей движущей силой процесса социально-экономического развития региона.

С другой стороны, изучение экономических факторов русско-кавказского сближения, игравших значительную роль, весьма и весьма важно, так как без уяснения этой роли трудно распознать глубинные причины российской активности на Кавказе, в Дагестане – в частности.

Историческая перспектива общности экономических интересов предопределила многообразие форм русско-дагестанских торгово-экономических отношений. В XVIII – первой половине XIX в. они развивались в русле неоднозначных, порой взаимоисключающих, но взаимосвязанных процессов, обусловленных рядом исторических, политических и естественно-географических факторов, не прерываясь даже в годы политической нестабильности в крае. Традиции и опыт русско-дагестанского торгово-экономического взаимодействия в XVIII в., предопределенного жизненной необходимостью как для одной, так и для другой стороны, еще не обобщены, система торгово-экономических взаимосвязей недостаточно изучена.

Своевременность исследования русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов в XVIII – первой половине XIX в. обусловлена также тем, что в последние годы благодаря трудам кавказоведов накоплен богатый разносторонний материал, без систематизации, теоретического осмысления и обобщения которого невозможно воссоздать сколько-нибудь объективную, правдивую картину этого процесса.

Нельзя сказать, что предмет нашего исследования не привлекал до сих пор внимания кавказоведов: ряд аспектов проблемы нашел отражение как в квалификационных трудах, отдельных публикациях, так и в обобщающих исследованиях. В этих работах различной степени анализу подверглись отдельные периоды развития торгово-экономических отношений Дагестана с Россией, показана степень участия в этом процессе отдельных народов Дагестана, но тема как единая, взаимосвязанная проблема в поставленных хронологических рамках в них не рассматривалась.

Выбор для исследования XVIII – первой половины XIX в. объясняется тем, что для истории Дагестана это был цельный хронологический период, характеризующийся, несмотря на сложные политические процессы, стабильным расширением и укреплением взаимовыгодных русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений, постепен-

ным интегрированием Дагестана в единую экономическую систему России.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые в дагестановедении специально рассматривается проблема русско-дагестанского торгово-экономического интегрирования с широким диапазоном ее аспектов в указанных хронологических рамках на основе комплексного изучения и использования всей совокупности имеющихся источников и литературы. В работе на конкретном материале обосновывается взаимовыгодность, жизненная необходимость и взаимообусловленность русско-дагестанского торгово-экономического взаимодействия в XVIII – первой половине XIX в., а также перспективность экономической интеграции России и Дагестана в будущем. Новизна работы и в том, что в ней впервые вводятся в научный оборот малоизвестные и новые письменные источники.

Целью монографии является на основе анализа разнохарактерного фактического материала с учетом последних достижений отечественного кавказоведения показать развитие русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов в один из важных и сложных периодов истории Дагестана и России.

В рамках поставленной цели в монографии определены следующие задачи:

- раскрыть обоюдную заинтересованность в экономических контактах как России, так и Дагестана, их жизненную необходимость, взаимообусловленность и перспективность;

- показать динамику развития русско-дагестанского торгово-экономического взаимодействия в XVIII – первой половине XIX в. в русле сложных, неоднозначных, но важных для народов Дагестана политических процессов;

- охарактеризовать основные центры торгово-экономических взаимоотношений народов Дагестана с Россией;

- изучить ассортимент товаров контрагентов;

- раскрыть таможенную политику как России, так и владетелей Дагестана;

- показать процесс постепенного вовлечения Дагестана в сферу экономических интересов России, интегрирования российского капитала во все важнейшие отрасли хозяйства региона и значение этих процессов для развития экономики края.

Методологической и теоретической основой исследования служил принцип историзма, предполагающий изучение любого явления в конкретных исторических условиях и связях, выявление его исторической перспективы, рассмотрение его в единстве настоящего, прошлого и будущего, утвердившееся в отечественной историографии учение об эко-

номических и политических взаимоотношениях, о решающей роли экономических основ для развития общества.

Автор в своем исследовании исходил из достижений таких кавказоведов как Е.Н. Кушева, А.В. Фадеев, Х.-М.О. Хашаев, Р.М. Магомедов, С.Ш. Гаджиева, В.Г. Гаджиев, Х.Х. Рамазанов, А.Р. Шихсаидов, М.Р. Гасанов, Б.Г. Алиев, М.-С.К. Умаханов и др. Они помогли выделить те аспекты исследования, которые являются наиболее актуальными в свете современных представлений о предмете и задачах исторической науки.

Выгодное географическое положение Дагестана на перекрестке сухопутного и великого водного пути по Волге и Каспийскому морю предопределяло ему на протяжении тысячелетий историческую роль «моста», связывавшего два континента, два мира, своего рода «перекрестка цивилизаций», зоны активных и разносторонних связей Европы и Азии, Востока и Запада, Севера и Юга. Через торговые связи, осуществлявшиеся еще в древности по этой международной коммерческой артерии, шел не только обмен необходимыми товарами, но и происходил важный процесс широкого заимствования культурных, хозяйственно-технических достижений, знаний, традиций, идей.

Активизация международной транзитной торговли вдоль западного побережья Каспия стимулировала вовлечение местного населения в международный товарооборот, что, в свою очередь, оказывало благотворное влияние на уровень экономического развития населения региона.

Дореволюционные отечественные историографы считали, что «близкое знакомство» прикаспийских народов Кавказа с Русью возникло не позднее VII или VIII в. О торгово-экономических и политических отношениях Дагестана с Русью в средневековье сообщали арабоязычные авторы (Ибн-Хордадбе, Ибн-Хаукаль, Аль-Мукаддаси, Аль-Истахри и др.). Чрезвычайную ценность представляют собой сообщения о русско-дагестанском взаимодействии местных средневековых источников (Тарихи Дербенд-наме).

Историческая литература располагает интереснейшими сведениями западноевропейских памятников XIII–XV вв. об оживленной русско-дагестанской торговле по Каспию через Дербент и Астрахань, об ассортименте товаров обеих сторон и др. Богатый, разносторонний фактический материал, без которого невозможно воссоздать сколько-нибудь объективную картину дагестано-русских взаимоотношений в XV–XVIII вв., содержат труды русских и иностранных авторов, побывавших на Северо-Восточном Кавказе. В работах дореволюционных отечественных исследователей также собран и систематизирован огромный и очень ценный фактический материал. Однако следует подчеркнуть, что все эти работы скорее относятся к первоисточникам, нежели к собственно историографическим исследованиям.

Более высоким требованиям историографии отвечают труды отечественных историков, опубликованные в конце XVIII–XIX вв. Одной из таких работ является публикация С. Броневского¹, содержащая не только ценные сведения о морской и сухопутной торговле на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII – нач. XIX в., об экономике и торговле отдельных владений Дагестана, об ассортименте товаров, имевших хождение в регионе, о ценах на них, о таких центрах международной и внутренней торговли как Дербент, Кизляр, Астрахань, об экономическом соперничестве Англии и России на Каспии, но и попытки прийти к определенным оценкам и выводам.

Ценной работой является труд известного дореволюционного историка Н. Костомарова², посвященный изучению торговли Русского государства в XVI–XVII столетиях, где большое место отводится вопросам восточной торговли, раскрывается характер восточной экономической политики Русского государства.

Ценнейшим пособием для исследования поставленной перед нами проблемы является сочинение крупного историка дореволюционной России академика С.М. Соловьева. Первая глава XVIII тома «Истории России» всецело посвящена показу восточной политики Петра I³. Однако следует помнить, что С.М. Соловьев рассматривал Кавказе не как субъект, а как объект внешней политики самодержавия.

Советские кавказоведы создали фундаментальные исследования, раскрывающие роль России в судьбах народов Кавказа, убедительно доказав, что вся их история уже со второй половины XVI в. шла по пути сближения с Россией; этот процесс получил дальнейшее развитие и в XVIII в.

Из работ советской историографии, имеющих непосредственное отношение к освещению русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений, следует отметить монографию В.П. Лысцова⁴, посвященную изучению экономических и военно-политических предпосылок похода Петра I в Прикаспий. В ней на большом фактическом материале раскрываются экономические потребности русской мануфактурной промышленности в восточном сырье, делаются интересные наблюдения о развитии экономики региона, в частности Дербента. Однако к работе следует относиться критически, так как она имеет ряд недочетов.

Большой вклад в изучение русско-кавказских экономических взаимоотношений внесла известный исследователь-кавказовед Е.Н. Кушева. Главные исследовательские интересы Екатерины Николаевны фокусировались на проблеме истории взаимоотношений России с народами Кавказа. Е.Н.Кушева сумела проследить единую линию исторического процесса на Северном Кавказе, показать общерегиональные тенденции

развития в свете эволюции все более расширявшихся связей северокавказских народов с Россией.

Акцентируя внимание на политических предпосылках русско-кавказского сближения, Екатерина Николаевна подчеркивала его экономические факторы, без уяснения весьма значительной роли которых трудно или даже невозможно понять глубинные причины российской активности на Кавказе. Эти причины она усматривала в результатах социально-экономических процессов, протекавших в России. Именно они и стали сильнейшим детонатором кавказского направления российской политики⁵.

В монографии А.В. Фадеева⁶ подробно изучаются вопросы экономического освоения Россией районов Степного Предкавказья в дореформенный период, в частности, показаны характер и методы политики царизма, значение этого региона как источника сырья и объекта сбыта российских товаров.

В работах Н.П. Гриценко исследуется история городов Северо-Восточного Кавказа, их влияние в изучаемый нами период на развитие производительных сил региона. Здесь обстоятельно освещается экономическое развитие народов Причеречья, большое внимание отводится развитию торговли народов региона с Россией⁷.

Трудно переоценить вклад в дагестановедение таких крупных работ, как монографии Магомедова Р.М., Хашаева Х.-М.О., Гаджиевой С.Ш.⁸, где в той или иной степени были затронуты интересующие нас вопросы.

В фундаментальной монографии В.Г. Гаджиева⁹, где впервые в кавказоведении получили освещение конкретно русско-дагестанские взаимоотношения во всей своей сложности и многогранности, в широком диапазоне исследуются исторические связи Дагестана с Россией. В ней автор на разностороннем конкретно историческом материале раскрывает роль России в исторических судьбах народов Дагестана, подробно исследует и историю русско-дагестанских экономических связей на фоне политических событий как в Дагестане, так и вообще на Кавказе. Ценность его работы в том, что она является обобщающей по характеру и написана на основе многих архивных документов и литературных источников.

Большое значение для нашей работы имеет и публикация В.Г. Гаджиева, посвященная анализу источника первой трети XVIII в.¹⁰, которую трудно переоценить как в плане изучения внутренней социально-экономической и политической истории горских народов Кавказа, так и истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа, а также со странами Востока. Для правильного понимания диалектики русско-дагестанских взаимоотношений большое значение имеют и другие публикации В.Г. Гаджиева¹¹.

В плане теории изучения взаимоотношений народов Дагестана с Россией и народами Кавказа большой интерес для нас представляли такие важные в дагестановедении работы, обобщающие большой фактический материал, как монография Р.М. Магомедова¹², посвященная русско-дагестанским взаимоотношениям с древних времен; работы А.-Г.С. Гаджиева о прогрессивной роли русского народа в истории Дагестана и др.¹³

Невозможно достаточно полно осветить проблему русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов в XVIII – первой половине XIX в., осмыслить их историческую перспективу без учета таких публикаций, как работы И.Р. Нахшунова, Х.Х. Рамазанова, А.Р. Шихсаидова и др.¹⁴

Следует быть отмеченной как по широте затрагиваемых вопросов, так и по глубине их освещения фундаментальная монография Г. Абдуллаева, посвященная изучению взаимосвязей Азербайджана с Россией¹⁵, основанная на большом количестве архивных материалов, литературных сообщений и других источников. Особенно познавательны для нас главы, посвященные исследованию торговых связей Азербайджана с Россией в XVIII в., где значительное место отводится торгово-экономическим взаимоотношениям России с Дербентом и Ширваном, освещению экономической политики России в регионе.

Из работ советской историографии, посвященных изучению восточной политики России, следует выделить монографическое исследование О.П. Марковой¹⁶, где на богатом архивном и литературном материале освещается история русско-кавказских взаимоотношений во всей их сложности и многогранности. Для нашей работы особенно ценна глава II «Экономические связи России с Закавказьем и Ираном в XVIII в.». Здесь на конкретном архивном материале показаны экономическая политика России в регионе, англо-русское экономическое соперничество в бассейне Каспия, освещаются торговля России с Закавказьем и Ираном, ее характер и тенденции, приводятся данные о морской и сухопутной торговле Астрахани и Кизляра. Этой же теме посвящены и публикации Н.Г. Кукановой¹⁷ и А.И. Юхта¹⁸.

Ценным вкладом в разработку проблемы являются труды исследователя русско-дагестанских взаимоотношений Ф.З. Феодаевой. В специальной главе своей диссертации¹⁹, посвященной изучению русско-дагестанских экономических взаимоотношений во II пол. XVIII – нач. XIX в., на основе широкого круга архивных документов, извлеченных автором как в центральных, так и в республиканском архивах, автор рассматривает торговую политику России в Дагестане в этот период, освещает ассортимент товаров с обеих сторон, основные торговые центры и их роль в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений, подчеркивает обоюдную заинтересованность России и

народов Дагестана в дальнейшем усилении этих связей, показывает огромное значение этого процесса для развития экономики и производительных сил края. Этим же вопросам посвящен и ряд ее публикаций²⁰.

Следует быть отмеченной и работа В.Н. Гамрекели²¹, посвященная изучению торговых связей Восточной Грузии с народами Северо-Восточного Кавказа. Большое место здесь отводится изучению торговли Грузии с народами Дагестана. На наш взгляд, автор, мягко говоря, заблуждается, давая заниженные оценки уровня развития товарно-денежных отношений в высокогорном Дагестане в XVIII в., что мы и попытались опровергнуть в нашем исследовании, основываясь на фактическом материале.

Собственно русско-дагестанским экономическим отношениям последней четверти XVII – первой половины XVIII в. посвящена кандидатская диссертация Р.К. Киласова²². Исследование базируется на изучении материалов Астраханской таможни. В работе привлечен интересный фактический материал, позволяющий иллюстрировать ассортимент товаров, ввозимых из России в Дагестан через Дербент, Терки, затем крепость Святого Креста, объем торговых сделок, состав торгующих и т.п. Особенно важны сведения об ассортименте товаров местного происхождения. В своих публикациях²³ Р.К. Киласов исследует также историю развития экономических связей Дагестана и России в конце XVII – I пол. XVIII в., приводя массу данных архивных материалов, извлеченных автором в Государственном архиве Астраханской области, в Центральном Госархиве Ленинградского отделения Института истории АН СССР, Центральном архиве древних актов в Москве. Правда, Р.К. Киласов по независящим от него обстоятельствам не смог в своих работах использовать местные материалы Кизлярского комендантского архива, а именно фонд коменданта Крепости Святого Креста, Дербентского коменданта и др.

Определенное место русско-дагестанским торговым связям в XVIII в. и роли Кизляра в их развитии отведено в публикациях известного краеведа Д. Васильева²⁴.

Большой интерес для нашего исследования представляет монография Н.Г. Голиковой²⁵, где на материале городов Нижнего Поволжья исследуется их экономическая жизнь конца XVII – нач. XVIII в. Большое внимание в книге уделено рыночным связям, в частности Астрахани, как одного из центров складывающегося всероссийского рынка, ее роли в развитии восточной торговли; рассмотрены операции купечества ряда городов юга России, связанных с восточной торговлей, в том числе и Терскому городу – центру транзитной торговли России с Прикаспием. Исследование базируется на богатом архивном материале.

Из работ отечественного кавказоведения, затрагивающих различные аспекты русско-дагестанского экономического интегрирования в

XIX в. следует выделить труд Т.Х. Кумыкова²⁶, где освещаются торгово-экономические взаимоотношения России с Кабардино-Балкарской, а также отдельными народами Северо-Восточного Кавказа и прогрессивные последствия вовлечения этих народов во всероссийский рынок. В монографии большое внимание отведено освещению роли меновой торговли в русско-кавказских взаимоотношениях. В монографии Л.Ф. Курпьяновой²⁷, посвященной изучению процесса становления капиталистического города на Северном Кавказе, автор исследует глубинные процессы социально-экономической жизни городов региона, прослеживает ход интеграции Предкавказья в систему единого общенационального рынка. Для нас представляют большой интерес страницы, посвященные истории развития экономики г. Кизляра, характера его торгово-экономического взаимодействия с народами региона.

В 90-е гг. отечественная историография обогатилась интересным исследованием Н.А. Сотавова²⁸. Развитие экономических взаимоотношений России и Дагестана в изучаемое время происходило в русле неоднозначных, взаимозависимых политических событий в регионе, в этом плане работа представляет и для нас большой интерес. В монографии с привлечением обширного архивного материала и литературных источников показаны место и роль Северного Кавказа и, в частности Дагестана, в стратегических планах как России, так и Ирана и Османской империи, освещаются крупные политические события в регионе в этот переломный этап в истории народов Кавказа, выявляются факторы, определившие ориентацию горских народов в тот период на Россию.

Монография И.Л. Омельченко²⁹ посвящена истории образования терского казачества, его общественному устройству, характеру отношений с горскими народами Северо-Восточного Кавказа. Для нас в этой работе большой интерес представляют фрагменты, освещающие торгово-экономические взаимоотношения терского казачества с соседними народами Дагестана.

Немаловажный вклад в разработку темы внесли статьи М.-С.К. Умаханова³⁰, в которых с привлечением местного архивного материала освещаются некоторые аспекты изучаемой нами проблемы. Автор делает попытку показать пути интегрирования русского капитала в экономику Дагестана еще в XVIII в., освещает роль торговых центров региона в развитии товарно-денежных отношений в регионе в XVII–XVIII вв.

Большое значение для понимания и решения некоторых вопросов изучаемой нами проблемы имеет и квалификационный труд М.-С.К. Умаханова³¹, где на основе глубокого анализа всех имеющихся источников и литературы с учетом достижений отечественной историографии автор дает научно обоснованную характеристику торгово-экономическим, политическим и культурным взаимосвязям народов Дагестана в XVII – начале XIX вв., освещает предметы, пути и центры тор-

говли, обосновывая их жизненную значимость для дагестанцев, показывает их роль в формировании общедагестанской экономической общности.

В исследовании Б.Г. Алиева³², основанном на обширном круге архивных и литературных источников, с привлечением местного полевого материала, собранного автором в горных районах Дагестана, освещаются социально-экономическое развитие и структура административно-политического управления союзов сельских общин Дагестана в XVIII – I половине XIX вв. Здесь большой интерес для нас в главе, посвященной хозяйственной деятельности союзов сельских общин, представляет параграф, освещающий торговлю, торговые пути и торговые центры как внутренней торговли, так и внешней, с Россией.

Среди работ конца 90-х гг. несомненный интерес для нас представляет исследование Н.А. Магомедова³³. Глава IV этой работы посвящена изучению развития ремесла и кустарных промыслов Дербентского ханства в XVIII – нач. XIX в., таких как ткачество, ковроделие, металлообработка и т.п. Особое значение имеют сведения, содержащиеся в главе V, посвященной торговой деятельности Дербентского владения. Автор приходит к выводу, что ведущее место во внешней торговле Дербентского владения в изучаемое время отводилось России. В этой главе Н.А. Магомедов определяет главные статьи дербентского экспорта в Россию, такие как шелк разных видов, изделий из шелка и хлопка и т.п., освещает степень участия дербентских купцов в транзитной торговле России с восточными странами, показывает роль Дербента как связующего звена между нагорным Дагестаном и Россией, куда стекались товары со всего Дагестана, и где горцы могли приобрести как русские, так и европейские товары. Этим же вопросам посвящается и специальная глава его монографии³⁴.

Много лет изучением многогранных ногайско-русских взаимоотношений занимается Д.С. Кидирниязов. Интересные наблюдения и выводы по развитию взаимовыгодной торговли между ногайцами и Россией в XVIII в. получили отражение в его квалификационном труде и различного рода публикациях³⁵.

Ценным вкладом в разработку проблемы следует считать монографию и докторскую диссертацию Акбиева А.С., в которых автор, исходя из конкретных архивных данных, наряду с другими вопросами, рассматривает и торгово-экономические связи кумыков с Россией в XVII–XVIII в.³⁶

Различные аспекты изучаемой нами проблемы получили освещение в ряде квалификационных трудов и монографий дагестановедов последних лет³⁷. Из них особо следует выделить диссертации Э.А. Джахиевой, в специальном параграфе которой Кумыкская плоскость освещается как важный регион в торговле России с народами Кавказа и Востока в конце

XVIII – начале XIX в.; Н.Н. Гаруновой, где раскрывается особая роль Кизляра в развитии русско-кавказских экономических интеграционных процессов в XVIII – первой половине XIX века³⁸. Большой интерес представляет и квалификационное исследование Ж. Аганесовой, в котором освещается роль армянского купечества в развитии торговли в Кизляре в изучаемый нами хронологический период.

Ценный фактический материал и теоретические выводы содержатся и в обобщающих трудах «Очерки истории Дагестана», «История Дагестана».

В «Истории народов Северного Кавказа»³⁹, в создании которой принял участие ряд видных кавказоведов, на основе исследований, проведенных за последние десятилетия, освещаются сложные и многообразные аспекты прогрессивной роли России в судьбах народов Северного Кавказа. И что особенно важно для нашего исследования, здесь показано огромное значение экономических связей народов региона с Россией.

Особо следует выделить цикл работ известного кавказоведа В.Б.Виноградова и представителей его научно-педагогической школы, посвященный разработке концепции русско-кавказского историко-культурного партнерства, взаимодействия, политической и духовной интеграции⁴⁰. В свете развития современных исторических знаний это научное направление о российско-кавказском сотрудничестве, имеющем как геополитическое, так и геокультурное, «цивилизационное», измерение, открывает новые перспективы в определении и освещении места и роли Северного Кавказа в истории многонационального Российского государства, как и роли России в исторических судьбах народов региона.

Освещение восточной экономической политики России в XVIII в. невозможно без учета достижений отечественной историографии в этой области. С этой целью нами были привлечены такие исследования как монография Б.Б. Кафенгауза, где на большом архивном материале освещаются вопросы образования единого внутреннего рынка России⁴¹, работа С.М. Троицкого, посвященная финансовой политике России в XVIII в.⁴², монография А.И. Аксенова, изучающая московское купечество, его торгово-промышленную деятельность в XVIII в.⁴³, сведения которой вкупе с местными архивными данными позволили нам проследить судьбы крупных московских купеческих фамилий, надолго связавших свои коммерческие интересы с Дагестаном. Небезынтересны для нашего исследования и работы П.А. Хромова⁴⁴, Ю.П. Тушина⁴⁵ и др.

Источниковой базой исследования послужили архивные материалы центральных и местных архивохранилищ, как вошедшие в известные публикации, так и извлеченные и вводимые в научный оборот автором

диссертации и другими исследователями. Ценнейшие документы местного происхождения хранятся в ЦГА Республики Дагестан (РД).

Наибольший интерес для нашего исследования представляет собой комплекс письменных памятников, объединяющий около 8 тыс. ед. хр., под названием «Кизлярский комендантский архив», который находится в Центральном госархиве Дагестана (ЦГА РД). Долгое время это уникальнейшее хранилище документов по истории взаимоотношений народов Северного Кавказа, в частности Дагестана, с Россией в XVIII–XIX вв. оставалось малоиспользованным дагестановедами, а научно-техническая обработка и описание этого архива были завершены лишь в 1977 г.⁴⁶ В последние годы учеными Института ИАЭ ДНЦ РАН предпринято планомерное изучение материалов этого архива в различных аспектах, результатом чего явилась подготовка к публикации и выход в свет ряда научных статей⁴⁷.

Все документы, выделяемые нами из обширного комплекса памятников Кизлярского комендантского архива, можно подразделить на две основные группы: русские и дагестанские. Первая группа документов превосходит вторую и в свою очередь подразделяется на следующие подгруппы: а) официальные документы царского правительства (государственные указы и распоряжения Сената и коллегий, в частности, Государственной коллегии Иностранных дел, Коммерцколлегии); б) переписка кизлярской администрации с астраханской губернской администрацией и центральными правительственными учреждениями; в) исходящая корреспонденция центральных и местных учреждений к дагестанским владельцам; г) таможенные ведомости, донесения с форпостов в Кизлярскую комендантскую канцелярию, показания купцов.

Документы дагестанского происхождения, являющиеся наиболее надежными из первоисточников, представляют собой письма и русские переводы с писем, исходящие от феодальных владельцев Дагестана, представителей сельских общин, духовных лиц с просьбой о пропуске их подвластных через Кизляр в Астрахань или казачьи городки для торговли или работы, выдать паспорта на проезд с товаром отдельным лицам в Кизляр или Астрахань и обратно, разрешить купить определенные товары в Кизляре, уменьшить таможенные сборы и т.п.

Здесь необходимо отметить, что документы местного происхождения написаны в основном на северо-кавказском тюрки арабской графикой, почти всем им соответствуют переводы на русский язык, которые в отличие от тюркоязычных оригиналов, не всегда «паспортизированными», содержат и дату, и сведения об адресате, год, число и месяц получения письма и даже имя доставившего корреспонденцию. Итак, язык большинства документов русский. Написаны они скорописью XVIII в.

Архивные документы первой группы, особенно таможенные ведомости и донесения с форпостов, являются самыми насыщенными сведе-

ниями по изучаемому вопросу. В ведомостях и донесениях фигурируют имена подвластных или доверенных людей «аксаевских, андреевских, костековских, кумторкалинских, бойнацких, дженгутаевских» владельцев, тарковского шамхала, уцмия Кайтага, хана Казикумуха, дербентского султана. Здесь мы можем сделать наблюдения и выводы по поводу ассортимента товаров, ввозимых и вывозимых в Кизляр, а через Кизляр в Астрахань и далее, здесь же отражены и данные о русских и российских купцах, об ассортименте товаров, вывозимых и ввозимых ими, цена на товары.

Характеризуя вторую группу памятников Кизлярского комендантского архива, а именно документов дагестанского происхождения, необходимо отметить, что эта группа документов представляет в плане нашего исследования особый интерес. Это ценные первоисточники, привлечение которых позволяет осветить такую чрезвычайно важную проблему, как торговые интересы и связи с Россией дагестанских народов. Это в первую очередь письма феодальных владельцев Дагестана, шамхала тарковского, казикумухского хана, владельцев Засулакской Кумыкии и др., в которых владельцы просят «предъявителю сего» позволить купить железо, или свинец, нашатырь, или олово и т.п.

Ценные документы по исследуемой нами теме хранятся и в Рукописном фонде Института ИАЭ ДНЦ РАН. Наряду с источниками местного происхождения здесь имеются заверенные копии архивных документов, выявленных кавказоведами и дагестановедами в центральных архивохранилищах: РГАДА, РГВИА, фотокопии документальных материалов РГВИА СПб и др.

В монографии широко использован опубликованный документальный материал. Из дореволюционных изданий наиболее существенными являются публикации «Полное собрание законов Российской империи» (ПСЗ), «Акты, собранные Кавказской археографической комиссией» (Тифлис, 1866–1873, Т. I–V), «Приказы и письма Петра Великого» (Отечественные записки. СПб., 1876. Т. 30; Русский вестник. СПб., 1867. Т. 68). Использованы также документы, опубликованные в «Сборнике Императорского русского исторического общества» (СПб., 1885–1891. Т. 49, 52, 64, 75), «Архив Российского государственного совета» (СПб., 1869. Т. 1).

Ряд публикаций, соответствующих теме нашего исследования, был осуществлен в советское время. Из них прежде всего следует отметить сборник документов «Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII в.» (Составитель Р.Г. Маршаев) (Махачкала, 1958). Ценные документы помещены и в публикации «Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.» (М., 1957. Т. 1–2), а также в сборнике документов «Материалы по истории Дагестан и Чечни 1801–1839» (Махачкала, 1940). Особенно ценной публикацией, осуществленной не так давно

коллективом составителей, является сборник документов «Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.» под ред. В.Г. Гаджиева (М., 1988), куда вошли извлечения из РГАДА, АВПр, РГВИА и документы Кизлярского комендантского архива ЦГА РД.

Не менее ценной публикацией следует признать и сборник документов, изданный под редакцией Г.-А.Д. Даниялова, где мы находим важный для нас материал о состоянии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в 20–50 гг. XIX в.⁴⁸

Экономическое значение Волжско-каспийской торговой артерии издавна привлекало пристальное внимание европейских государств, вступавших на путь капиталистического развития. Азиатский восток и европейский запад были заинтересованы в максимальной свободе сношений через Россию. Особенно остро встала проблема московского транзита к XVII в., когда Англия и Голландия – крупнейшие торговые державы эпохи первоначального накопления с их развитыми мануфактурами стали нуждаться в привозном сырье и в рынках сбыта. Для достижения своих целей они пускали в ход все средства – и дипломатическую ловкость и торговую изворотливость. Не отставала от них и Германия. В этот период Северо-Восточный Кавказ с различными целями посещает значительное число европейцев. Среди них и посланники западно-европейских правительств к кавказским и ближневосточным правителям, и купцы, побывавшие в Прикаспии. Все они оставили описания увиденного и услышанного.

В этом плане следует быть отмеченными записки советника голштинского посольства Олеария⁴⁹, побывавшего в Москве и в Персии. Целью посольства было заключение договоров с Россией и Ираном о торговле. На обратном пути А.Олеарий побывал в Шемахе, Дербенте, Тарки, Терки.

Записки голландского путешественника Яна Стрейса⁵⁰ при всей необходимости строгого критического подхода к ним заслуживают внимания. Правда, Стрейс очень много позаимствовал у своего предшественника Олеария. Но это не лишает ценности его сочинения. Проблема московской и восточной торговли и является ведущей темой описания третьего «путешествия».

Здесь следует отметить интересные материалы турецкого путешественника Эвлия Челеби⁵¹, который побывал во всех концах Османской империи, в Восточной и Западной Европе, а также на Кавказе, в частности в Дагестане. Его сочинение, этот ценный источник знаний не только по Османской империи XVII в., составило 15 томов. Для нас интересны его сведения о городах и населении Дагестана, о кр. Терки и др., хотя используя их, следует помнить, что Эвлия Челеби был сыном своего времени, преданным подданным султана, и относиться к его данным критически.

В связи с активизацией внешней политики России в первой четверти XVIII в. интерес к изучению Северо-Восточного Кавказа усилился. Было предпринято всестороннее научное изучение побережья Каспийского моря. Для изучения западных берегов Каспия Петр I снарядил большую экспедицию под руководством посланника А.П. Волынского в Сефеведское государство.

Указ Петра I об отправлении Артемия Петровича Волынского был издан 30 мая 1715 г. За указом следовала императорская совершенно секретная «Инструкция», которая представляет определенный интерес для разработки изучаемой нами темы.

В свите А. Волынского находился в качестве врача Джон Белл, в 1722 г. он состоял при главной квартире во время «Персидского» похода Петра I, позже – секретарь английской миссии в России, в 1737–1738 гг. выполнял дипломатическую миссию в переговорах между Турцией и Россией. В 1747 г. вернулся в Шотландию. Его воспоминания увидели свет в 1776 г.⁵² Описание путешествия Д. Белла при миссии Волынского содержат сведения о Южном Дагестане, Терки, Аграхане, шамхальстве и др.

9 марта 1718 г. Волынский отправил А. Лопухина сухим путем из Шемахи через Дербент в Астрахань, приказав ему «инкогнито», чтобы он смотрел и описал тамошний путь от Низовой пристани до Терка...». Его путевой «журнал» и является для нашей работы одним из ценных источников⁵³.

Среди источников первой трети XVIII в. по истории Дагестана и всего Северо-Восточного Кавказа, как по широте охватываемых вопросов, так и достоверности сообщаемых сведений исключительное место занимает сочинение И.Гербера, вышедшее в свет двумя изданиями⁵⁴. Во время подготовки похода Петра I в Прикаспий И. Гербер по его заданию объехал побережье Каспия с целью обозрения пути будущего похода русских войск. В Прикаспии Гербер пробыл до 1728 г. Его наблюдения жизни и быта народов Кавказа, разнообразный материал по истории и этнографии народов региона и легли в основу его труда, являющегося неоценимым историческим источником. Тексты этого важнейшего источника сообщают чрезвычайно ценные для нас исторические сведения о занятиях и промыслах народов Дагестана, о торговых взаимоотношениях их как с Россией, так и внутри региона.

В 1719 г. для обследования берегов и гаваней Каспийского моря Петром I был послан Ф.И. Соймонов, впоследствии автор ряда научных работ по гидрографии и экономическим вопросам. В 1731 г. им была составлена общая карта Каспия и описание Каспийского моря, где содержится богатый материал по истории торговли на Каспии⁵⁵.

Ряд интересных сведений мы находим и в известной публикации Голикова⁵⁶. Часть VII этого труда посвящается описанию похода Петра I в Прикаспий.

Будучи личным врачом чрезвычайного посланника России князя Голицына к Надир-шаху с 1732 по 1735 г., доктор медицины Иоанн Якоб Лерх, человек широко образованный и наблюдательный, оставил после себя массу дневников и записей, где содержатся разнообразные научные и исторические данные⁵⁷, в частности о торговле России на Каспии.

В результате длительных переговоров в 1734 г. был заключен англо-русский договор сроком на 15 лет, по которому английским купцам предоставлялось право торговать через территорию России с Ираном. Уже в первый же период деятельности англичан на Каспии в Коммерц-коллегию и Коллегию иностранных дел стали поступать донесения от русской резидентуры в Персии, что англичане занимаются контрабандной торговлей, пытаются подорвать русскую торговлю и русско-персидские отношения. Англичане поставляли по Каспию продовольствие для войск Надир-шаха, который угрожающе близко подошел к южным пределам России, а также активно содействовали строительству персидского флота, тайно от России перебрасывая необходимые для этого материалы.

Относительно личности Д. Ханвея, участника этих событий, оставившего после себя весьма ценные записки, в исторической литературе существуют противоречивые мнения. Книга Д. Ханвея⁵⁸, несмотря на разноречивые оценки, является ценным источником не только по социально-экономической и политической истории Прикаспия первой половины XVIII в., но содержит важные сведения о деятельности агентов торговой «Русской компании» в прикаспийских областях. Следует также отметить, что этот труд содержит материалы и других ценных источников, в частности из дневника Д. Кука, бывшего хирургом в русском посольстве М.М. Голицына в Иране в 1747–1748 гг., а также отрывки из путевого журнала морского капитана Т. Вудруфа, находившегося на службе в Русской компании и объездившего вместе с Д. Эльтоном побережье Каспия и др. Учитывая тенденциозность и субъективное отношение авторов к описанным местностям, народам и событиям, труд требует к себе критического подхода. Здесь нет прямых сведений по нашей теме, тем не менее, данные этих источников в сочетании с архивными материалами помогут восполнить отсутствие конкретных сведений о русско-дагестанских торгово-экономических отношениях, особенно об экономической политике России в этот сложный политический период в Прикаспии (40-е гг. XVIII в.).

В 1767 г. Русской академией наук было поручено обследовать Прикаспий С. Гмелину, что и было им выполнено в 1769–1774 гг. в нескольких отдельных экспедициях. 5 июня 1770 г., выехав из Астрахани мо-

рем, Гмелин, осмотрев по дороге остров Чечень, проехал до Дербента, где задержался некоторое время, затем продолжил свой путь через Азербайджан в Иран. Пятитомное описание его путешествия⁵⁹ представляет собой интересный исторический источник. Наряду с богатыми сведениями по естествознанию и этнографии народов, населявших регион, содержатся сведения о производстве риса, шелка, кунжута, о шелковых фабриках, даны подробные описания отдельных местностей и городов: Моздок, Дербент, их торговли⁶⁰.

Другим участником этой экспедиции был И. Гюльденштедт. В январе 1770 г. он двинулся в Кизляр, откуда обследовал ближайшие народы по рр. Сунже, Аксаю и Койсу. Планы экспедиции были обширными; на долю Гюльденштедта выпало обследование всего Кавказа от Черного моря до Каспийского. Из его путевых записей и составилось «Reisen durch Russland und im Kaukasischen Geburge». Этот двухтомный труд⁶¹, заключающий в себе подробное, обстоятельное и в высшей степени добросовестное описание всего его путешествия, был переведен на русский язык. Для нашего исследования здесь интересны ценные сведения о развитии экономики народов Дагестана (шелководство, сельское хозяйство и т.п.) и, главное, о торговле⁶².

Богатейший фактический материал по истории Кавказа и, в частности, по исследуемой нами теме содержится в «Материалах для новой истории Кавказа, с 1722 по 1802 год»⁶³ П.Г. Буткова. Эта работа включает в себя большое количество исторических сведений, собранных самим автором. Ему были доступны различные материалы, преимущественно дипломатические и военно-исторические, секретная переписка царских властей с кавказскими владельцами, мемуары и описания современников. Он использовал данные из официальных актов, записок путешественников по Кавказу: Гербера, Лерха, Гмелина, Гюльденштедта и др. В это издание включены отдельные, очень обстоятельные и четкие описания Терков, Бойнака, Дербента и др., некоторые сведения о занятиях населения, торговле. Много ценных для нас сведений содержится также в его «Проекте отчета о персидской экспедиции в виде писем» и сведения о Кубинском и Дербентском владениях в 1796 г.⁶⁴

Поход русских войск в Прикаспий в 1796 г. связан с началом большого комплексного изучения истории, этнографии и экономики Азербайджана и Дагестана русскими чиновниками. Эти материалы хранятся в архивных фондах РГВИА и АВПр, часть из которых опубликована в сборнике ИГЭД⁶⁵.

Внимание к Дагестану особенно усиливается к концу XVIII в. Это было «начало организованного и систематического изучения Кавказа и его народов...»⁶⁶.

Сведения о занятиях населения нагорного Дагестана, о торговых связях и торговых путях как внутренней, так и внешней торговли, а

именно – с Россией, можно почерпнуть в трудах Д.И. Тихонова (Описание Северного Дагестана – 1796 г.), Ф.Ф. Симоновича (Описание Южного Дагестана – 1796 г. и Описание Табасарана – 1796 г.)⁶⁷.

В труде А.И. Ахвердова, кизлярского коменданта, хотя и датированном 1804 г., но основанном на сведениях предыдущего века, содержатся ценные сведения для нашего исследования об Эндирее, как о крупном торговом центре Северо-Восточного Кавказа. Здесь же сообщаются данные об Аксае, Костеке, Каракайтаге, Казикумухе, Анди и Дербенте.⁶⁸

Сведения об ассортименте российских товаров, привозимых в Дербент, содержатся в «Выдержках из описания Дагестана и Ширвана. 1806 г.» А.А. Кремского⁶⁹.

Труд С.М. Броневского⁷⁰, написанный на основе архивных, литературных, а также лично собранных материалов, является ценным источником, содержащим как общие исторические и географические сведения о народах Дагестана, так и по многим вопросам социально-экономического развития, в том числе и торговле.

Интересен для нас и труд Рейнеггса⁷¹, представляющий собой подробное географическое описание всего Кавказа, с большими экскурсами в область этнографии, истории, экономики. Первая часть этого труда посвящена Северному и Прикаспийскому Кавказу в XVIII в. Здесь мы находим сведения о занятиях населения, в том числе и торговлей, Акса, Эндирея, Тарки, Карабудахкента, а также Кубачей, Дербента. Но наибольший интерес для нас представляют сведения о русско-кавказских взаимоотношениях в XVIII в.

Ценный материал по изучаемой нами теме, содержится в трудах Е. Козубского, посвященных Дербенту и Темир-Хан-Шуре, а также в работе Равинского И.В. «Хозяйственное описание Астраханской и кавказской губерний» (СПб., 1804–1809 гг.).

Таков круг основных источников по теме нашего исследования.

Комплексное использование всей совокупности имеющихся источников и литературы с учетом достижений отечественного кавказоведения позволило нам реконструировать процесс развития русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII – первой половине XIX в.

¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М.: Тип. С. Селивановского. 1823. Ч. I–II.

² Костомаров Н. Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях. СПб.: Изд. Николая Тиблена, 1862.

³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен // Сочинения. М.: Мысль, 1993. Кн. IX. Т. 17–18. С. 336–395.

⁴ Лысов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1951.

⁵ Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1954; Ее же. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М.: Изд-во АН СССР, 1963.

⁶ Фадеев А.В. Очерки экономического развития Степного Предкавказья в дореформенный период. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

⁷ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – первой пол. XIX в. // Труды Чечено-Ингушского НИИ ИЯЛ. Грозный, 1961. Т. IV; Его же. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – серед. XIX века. Ростов-на-Дону, 1984.

⁸ Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII – начале XIX веков. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1957; Хашаев Х.-М.О. Общественный строй Дагестана в XIX веке. М.: Изд-во АН СССР, 1961; Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961.

⁹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965.

¹⁰ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекою Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

¹¹ Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. (История заключения и значение) // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – начале XX в. Махачкала, 1988. С. 66–83; Его же. Вхождение Дагестана в состав России // Дагестан в составе России: Исторические корни дружбы народов России и Дагестана. Махачкала, 1990. С. 15–25.

¹² Магомедов Р.М. Россия и Дагестан. Страницы истории. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1988.

¹³ Гаджиев А.-Г.С. Прогрессивная роль России, русского народа в истории Дагестана (вторая пол. XIX – 90 гг. XX вв.). Дисс. в виде науч. докл. на соиск. уч. степ. д-ра. ист. наук. Махачкала, 1995.

¹⁴ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1956; Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана: Материалы к истории народов Дагестана с древнейших времен до нач. XX века. Махачкала: Тип. ДагФАН СССР, 1964; Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972.

¹⁵ Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965.

¹⁶ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966.

¹⁷ Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – начале XVIII в. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1956. № 57. С. 232–254.

¹⁸ Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. М., 1957. № 3. С. 135–143; Его же. Торговля России с Закавказьем и Персией во второй четверти XVIII века // История СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. № 1. С. 131–146; Его же. Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в. // Историческая география России. XVII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С. 177–192.

¹⁹ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во II пол. XVIII – нач. XIX вв.: Дис. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1973.

²⁰ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. // Ученые записки / Дагфилиал АН СССР. Ин-т истории, языка и литературы. Махачкала, 1965. Т. 14.

²¹ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Вып. I. Тбилиси: Мецниереба, 1968.

- ²² Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможни): Дисс. ...канд. ист. наук. Москва, 1971.
- ²³ Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII – начало XVIII в.) // Ученые записки / Институт истории, языка и литературы Дагфилла АН СССР. (Серия общественных наук). Махачкала, 1970. Т. XX. С. 205–220; Его же. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII – I пол. XVIII вв.). // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. научн. сообщений. Махачкала, 1974. Вып. V. С. 151–167.
- ²⁴ Васильев Д.С. Загадка старого Кизляра // ВИД. Махачкала, 1974. Вып. 1. С. 35–58; Его же. Очерки низовьев Терека: досоветский период. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1986.
- ²⁵ Голикова Н.Б. Очерки истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982.
- ²⁶ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962.
- ²⁷ Куприянова Л.Ф. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1971.
- ²⁸ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991.
- ²⁹ Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Изд-во Ир, 1991.
- ³⁰ Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 26–38; Его же. Торговые центры Дагестана XVII–XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С. 9–20.
- ³¹ Умаханов М.-С.К. Взаимосвязи народов Дагестана в XVII – начале XIX вв. (Исследование экономической, политической и культурной интеграции народов). Дисс. ...д-ра ист. наук. Махачкала, 1994.
- ³² Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс. ...д-ра ист. наук. Махачкала, 1990.
- ³³ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX в.: проблемы политического положения и экономического развития: Дисс. ...д-ра ист. наук. Махачкала, 1999.
- ³⁴ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998. С. 137–204.
- ³⁵ Кидирниязов Д.С. Русско-ногайские взаимоотношения в XVIII веке: Дисс. ...канд. ист. наук. Баку, 1988; Его же. Ногайцы Северного Кавказа и их взаимоотношения с Россией в XVIII веке. Махачкала, 2000; Его же. Ногайцы в XV–XVIII вв. Проблемы политических, экономических и культурных взаимоотношений с сопредельными странами и народами. Махачкала, 2000.
- ³⁶ Акбиев А.С. Кумыки. Вторая половина XVII – первая половина XVIII века. Махачкала, 1988; Его же. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв.: Дисс. ...д-ра ист. наук. Махачкала, 2000.
- ³⁷ Мансуров Ш.М. Салатавия (Социально-экономическая и политическая история конец XVIII – первая половина XIX в.); Мансурова А.Г. Социально-экономическое положение Цудахарского союза сельских общин в конце XVIII – первая половина XIX в.: Дисс. ...канд. ист. наук. Махачкала, 1995; Её же. Цудахария (социально-

экономическая история в XVIII – 70-е г. XIX в.); Барышникова Н.В. Кавказская политика Петра I: Дисс. ...канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

³⁸ Джахиева Э.Г. Кумыкские владения в международных отношениях в конце XVIII – нач. XIX вв. (1774–1826 гг.): Дисс. ...канд. ист. наук. Махачкала, 1998; Гарунова Н.Н. Кизляр в XVIII – первой половине XIX века: проблемы политического, социально-экономического и культурного развития: Дисс. ...канд. ист. наук. Махачкала, 1999.

³⁹ История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. М.: Наука, 1988.

⁴⁰ Виноградов В.Б. О формировании новой концепции всемирной истории // Российский исторический журнал. 1996. №1. С. 6–10; Виноградов В.Б., Шейхи А. Кавказ в передовой общественно-политической мысли России (вторая половина XVIII – первая треть XIX в. Армавир, 1996; Российность: понятие, содержание, историческая реальность (на примере Кавказа: мат-лы аспирантско-преподават. семинаров. / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 1999. Вып. 2; На стыке гор и равнин: проблемы взаимодействия: мат-лы аспирантско-преподават. семинаров. / Под ред. В.Б. Виноградова. Армавир, 2000. и др.

⁴¹ Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII века (По материалам внутренних таможен). М.: Изд-во АН СССР, 1958.

⁴² Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука, 1986.

⁴³ Аксенов А.И. Генезис московского купечества в XVIII в. (Из истории формирования русской буржуазии). М.: Наука, 1988.

⁴⁴ Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. М.: Наука, 1988.

⁴⁵ Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII в.). М.: Наука, 1978.

⁴⁶ Гаджиев В.Г. Архив кизлярского коменданта // Известия СКНЦВШ (Сер. обществ. науки). Ростов-на-Дону, 1978. №2. С. 6–12.

⁴⁷ Оразев Г.М.-Р. Фонд "Кизлярский комендант" как источник по истории русско-дагестанских взаимоотношений // Тезисы докладов и сообщений на научной сессии Дагфилла АН СССР 22–24 апреля 1985 г. Махачкала, 1985. С. 18–19; Шихсаидова Р.С. Материалы фонда "Кизлярский комендант" как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII – нач. XIX вв. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987. С. 96–104; Иноземцева Е.И. Кизлярский комендантский архив как источник для изучения русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Источниковедение истории и культуры народов Дагестана и Северного Кавказа: принципы и методы изучения, оценка и использования. Махачкала, 1991. С. 144–148 и др.

⁴⁸ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20–50 гг. XIX века: Сб. документов. Махачкала, 1959 (Далее – ДГСВК).

⁴⁹ Олеарий Адам. Подробное описание путешествия Гольштинского посольства в Московию и через Московию в Персию и обратно в 1633, 1636 и 1639 годах, составленное секретарем Посольства Адамом Олеарием / Пер. с нем. П. Барсов. СПб., 1906.

⁵⁰ Стрейс Я.Я. Три путешествия // Пер. Э. Бородиной. Редакция А. Морозова. М.: Огиз Соцэкгиз, 1935.

⁵¹ Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века): Пер. и комментарии. М.: Наука, 1979. Вып. 2.

⁵² Бель Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: в Испагань, в Пекин, в Дербент и Константинополь. СПб., 1776. Ч. I–III.

РАЗВИТИЕ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII В.

§1. Место Дагестана в кавказской экономической политике России

В описываемое время в Дагестане происходило дальнейшее усиление феодальной раздробленности. Как и в предшествующий период, здесь имелись десятки феодальных владений и союзов сельских общин, неоднородных по уровню социального и хозяйственно-экономического развития, политически разобщенных¹.

С утверждением России на устье Волги Северо-Восточный Кавказ стал объектом ее активной политики. Возведение русских крепостей на Тереке, развитие торговых связей с горскими народами – таковы основные звенья в реализации этой политики, способствовавшей расширению и укреплению связей народов региона с Россией. Осуществление комплексной программы восточной политики России происходило в русле сложных политических процессов, имевших место в регионе².

В конце XVII – нач. XVIII вв. Россия завязывала широкие торгово-экономические связи со странами Запада и Востока, что было обусловлено глубокими внутренними процессами, происходившими в стране. Общественное разделение труда в недрах феодально-крепостнического хозяйства этого периода характеризовалось интенсивным ростом ремесла, промыслов и промышленных мануфактур. Усиленно развивались товарные отношения, преодолевалась средневековая замкнутость областей – страна поднималась на более высокую ступень экономического развития. Все эти важные изменения в экономике, с одной стороны, а также технико-экономическая отсталость страны – с другой, обусловили исключительную целеустремленность политики правительства Петра I, делавшего все возможное, чтобы в короткий срок создать промышленность и развить торговлю. Экономическая «политика Петра I способствовала не только расширению внешней торговли с Западом и Востоком, увеличению в несколько раз торгового оборота, но и значительному изменению структуры экспорта и импорта России, в частности увеличению вывоза изделий мануфактурного и ремесленного производства. Внешнюю торговлю Петр I рассматривал как один из важнейших источников государственных доходов: таможенные пошлины составляли немалую часть бюджета России. Вместе с тем внешняя торговля подчинялась решению общей задачи подъема производительных сил страны, и в частности промышленности»³.

⁵³ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // История, география и этнография Дагестана. XVIII–XIX вв.: Архивные материалы. Под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М.: Изд-во восточной лит-ры, 1958 (Далее – ИГЭД). С.6–59.

⁵⁴ Гербер И.-Г. Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль-сент. Т.17. №7. С.3–48; №8. С.99–140; Его же. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958; Гаджиев В.Г. Сочинение И. Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979.

⁵⁵ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном Российских завоеваниях, яко часть истории Петра Великого. СПб.: Тип. Импер. АН, 1763.

⁵⁶ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. Ч.VII. М., 1789.

⁵⁷ Лерх. И.Я. Выписки из путешествия Иоана Лерха, продолжавшегося от 1733 по 1735 год из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790. Ч.43–45; Его же. Известия о втором путешествии доктора и коллежского советника Лерха в Персию от 1745 по 1747 г. // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1790–1791. Ч.48–62.

⁵⁸ Hanway J. A historical account of the Brutish trade over the Caspian Sea. London, 1762. Vol.1, 2.

⁵⁹ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1771–1785.

⁶⁰ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII–XVIII вв. Сост., введ., вступит. статьи к текстам и прим. В.Г. Гаджиева. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1992. С.225–247.

⁶¹ Guldenstadt J.A. Reisen durch Russland und im Kaukasischen Geburge. St.Pbg. 1787. Bd.1; 1791. Bd.2.

⁶² Гюльденштедт И.А. Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из «Путешествия г-на Академика И.А. Гюльденштедта через Россию и по кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах». СПб.: Тип. имп. АН, 1809.

⁶³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1772 по 1803 г. В трех частях. СПб., Изд-во Имп. АН, 1869.

⁶⁴ См.: ИГЭД. С.200–212.

⁶⁵ История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. Архивные материалы под ред. М.О. Косвена и Х.-М. Хашаева. М., 1959. (ИГЭД).

⁶⁶ Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке // Кавказский этнографический сборник. М., 1955. Ч.1. С.289.

⁶⁷ ИГЭД. С.138–158.

⁶⁸ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.213–229.

⁶⁹ ИГЭД. С.234–236.

⁷⁰ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.II.

⁷¹ Reineggs J. Allgemeine historisch-topographische Beschreibung des Kaukasus. Gotha: St.Pbg., 1796; См.: Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала: Даг. книжное изд-во, 1992. С.249–288.

В связи с развитием в России текстильной промышленности все большее значение приобретал вопрос о сырьевой базе и в правительственных кругах России Дагестан стал рассматриваться как возможный источник снабжения нарождавшейся текстильной промышленности России хлопком и шелком-сырцом, мареной и другим сырьем. С другой стороны, Россия нуждалась и в рынках сбыта. В этом плане государства Северо-Восточного Кавказа открывали широкие перспективы⁴.

Решив освободить русскую мануфактурную промышленность от зависимости иностранного сырья, Петр I стремился наладить отечественное хлопководство⁵. С этой целью были предприняты меры для заведения хлопковых плантаций на Тереке. Эти попытки наладить возделывание хлопка на Тереке, видимо, не привели к промышленному разведению этой технической культуры, в то время как во владениях Прикаспийского Дагестана возделывание хлопка являлось одной из традиционных отраслей земледелия. Особенно много хлопка выращивалось во владениях «султана» аксайского и шамхала тарковского, где он «родился в великом множестве»⁶. Данное обстоятельство отвечало экономическим интересам России в Дагестане.

Как указывал Ф.И. Соймонов, политика Петра I в этом регионе преследовала ту цель, чтобы весь вывозимый из Персии шелк доставался России и «... российские фабрики ... имели бы от того пользу»⁷. Но деятельность Петра I по обеспечению шелковых мануфактур сырьем не ограничивалась мерами, направленными на развитие русско-кавказской торговли. Он стремился к тому, чтобы ликвидировать зависимость русской шелковой промышленности от иноземного сырья, для чего требовалось создать отечественное шелководство в широких масштабах. В этих целях и «были сделаны попытки организовать на Тереке шелковые заводы ... и в казацких городках отвести к тому шелковому заводу места, где и сколько потребно будет... Позволено ему (Сафару Васильеву – Е.И.) вывести из Персии мастеров с челядью... Потом ему, Сафару, близ Терека для шелку ... удобные места отведены были, и он шелковый завод завел и шелк уже родиться начал...»⁸. Когда Петру I было доложено об этих разработках, император выразил уверенность, что «со временем и Терские места не хуже Гилана быть могут..., везде находятся там шелковичные деревья; семя шелковых червей бесчисленно размножено быть может, и шелк тамошний ... не только не уступает добротой гиланскому, но и превосходнее онаго...»⁹.

Конкретных данных о производительности и качестве продукции этих «заводов», к сожалению, нет. И тот факт, что на протяжении XVIII в. большого развития эта отрасль хозяйствования на Тереке так и не получила, позволяет нам утверждать, что шелк-сырец продолжал поступать из тех мест Дагестана, где эта отрасль была привычным занятием. Искусство, например, дербентцев и жителей округи Дербента в разведе-

нии шелкопряда и выработки шелка было известно издавна и славилось далеко за пределами Дагестана. Этому способствовали благоприятные естественно-природные условия¹⁰.

Суконная промышленность России в XVIII в. в основном была обеспечена отечественным сырьем, однако рос спрос на высококачественное тонкое сукно, что, в свою очередь, диктовало повышенные требования к сырью. В 1717 г. посланник России в Персию А.П. Волынский получил указ осведомиться о возможности покупки «испанской» шерсти в Персии, что заставило его и сопровождавшего его А. Лопухина серьезно ознакомиться с шерстяным рынком кавказских владений Персии¹¹. Находившийся позже при русской армии в Персидском походе Д. Бель записал в своем дневнике, что на дагестанских овцах шерсть «столь хороша», что он такой «нигде инде не видывал»¹². Другой современник утверждал, что «в Дербентском уезде, а особливо к горам, имеются многочисленные овечьи заводы, шерсть оных весьма хороша..., а сие и было одним из главнейших и нашего Ироя (Петра I – Е.И.) попечений, то есть, чтобы употребить оную в пользу своих суконных и шерстяных мануфактур»¹³.

Ознакомившись с этими сведениями, Петр решил завести кавказских овец. В 1720 г. астраханскому губернатору было предписано «завести в Астрахани овец белых, также трудитца, чтоб достать овец несколько ис Кубеши»¹⁴.

Нарождавшаяся текстильная промышленность России нуждалась также и в красителях. Из стран Востока сюда поступали некоторые красящие вещества, применявшиеся в текстильной промышленности. Довольно распространенными предметами восточной торговли были краски лавра, сандал и чернильные орешки, которые вывозились из Индии и Персии¹⁵. По указам Петра усиленные поиски различных красящих веществ велись в Прикаспии (1722–1723 гг.). Терскому коменданту «государь изволил писать, чтобы осведомитца, возможно ль на Терках или в Гребнях сыскать коренья..., что называется марена», и узнать, по какой цене она покупается»¹⁶.

«Строя планы широкого использования ресурсов Прикаспия, – пишет В.Г. Гаджиев, – Петр I предписал «привести в известность» природные богатства занятой территории, потребовал присылки из Москвы рудокопного мастера, наметил увеличение добычи нефти»¹⁷.

Еще в 1720 г. шамхал тарковский известил Петра I о том, что «есть у них металл свинцовый» и просил прислать искусного рудознатца для освидетельствования найденного металла, чтобы «выразуметь, будет ли из того какой интерес или нет»¹⁸. Будучи в Тарках, 13 августа 1722 г. сопровождавший Петра кабинет-секретарь Макаров писал астраханскому губернатору Кикину о немедленном препровождении в Дагестан рудокопного мастера¹⁹. Данный факт свидетельствует о том, что овладе-

нию рудными ресурсами региона отводилось немаловажное место в экономических планах России на Северо-Восточном Кавказе.

Известно, что по берегу Каспия были расположены многочисленные нефтяные источники. В распоряжении русского правительства имелись сведения о наличии нефти «во владениях ... усмия Хайдакского, в уезде Дербентском», где, по сообщению Д. Беля, находилось «множество колодцев с жидкой смолой ... чрезвычайно загорающееся существо...»²⁰. Естественно, нефтяные богатства Прикаспия привлекли внимание Петра I. Начались активные действия по увеличению добычи нефти в регионе, что также способствовало активизации и расширению торговых связей Дагестана с Россией²¹. Нефть была новым перспективным видом горючего для России.

Петр I хорошо понимал большое значение и выгодность волжско-каспийского пути как удобной торговой магистрали, по которой можно было направить всю восточную торговлю в Западную Европу через Россию, перехватив огромные доходы от шелкового транзита в XVII в. у Османской империи.

Как подчеркивала Е.Н. Кушева, «на восточной торговле складывались крупные купеческие капиталы, которые впоследствии способствовали промышленному развитию» Русского государства²². Касаясь значения волжско-каспийского пути в XVII в., Я. Стрейс писал, что из Голландии можно будет возить через Каспийское море олово, цинк, сукно, атлас и другие товары, «которые можно хорошо и с большой выгодой продать в Дербенте, Шемахе и Ардебиле. Поэтому следовало бы всю торговлю шелком направить в Голландию Каспийским морем, Волгой, через Архангельск, чем предпринимать далекий путь с большим и дорогостоящим конвоем... со многими опасностями, сначала сухим путем в Смирну, а оттуда с большими потерями от берберских разбойников через Гиспанское море, не говоря уже о невероятной пошлине, взимаемой турками...»²³.

Волжско-каспийский путь русским купцам был известен с глубокой древности. В средневековье эта коммерческая артерия была достаточно хорошо ими освоена. Как писал Эвлия Челеби, «Московский флот идет в Каспийское море по реке Волге, а оттуда на кораблях в Дагестан...»²⁴. Однако подлинное экономическое значение она приобрела лишь в нач. XVIII в. благодаря интенсивному развитию русского мореходства на Каспии. Еще в XVII в. центром российского судостроения являлась Астрахань. Здесь в ведении воеводы находилось специальное государственное учреждение – деловой двор, которое занималось строительством судов и самим мореплаванием на Каспии. При деловом дворе состоял штат корабельных мастеров, подчинявшийся «голове», здесь же имелись «кормщики», т.е. шкиперы для мореходных бус. В ведении делового двора числилась также флотилия речных и морских стругов²⁵.

Среди судов, плавающих по Каспийскому морю в XVII в., чаще других упоминаются в источниках бусы – остроносые круглодонные крутобокие суда с одним парусом. Бусы, предназначавшиеся, как правило, для торговли и перевозки посольств, всегда были вооружены, чтобы защищаться от нападения жителей прибрежных областей, особенно казаков²⁶.

Конечно, и сами суда, и способы их вождения были примитивны, небезопасны в использовании. Нельзя не удивляться мужеству купцов и мореходов, отважившихся пускаться в плавание по опасному и капризному Каспию на столь ненадежных судах, выдерживавших не более двух рейсов от Астрахани до Терков, Тарков или Дербента и Низабада и обратно, после чего их необходимо было либо отремонтировать, либо построить новые²⁷.

В интересах развития торговых отношений с прикаспийскими государствами, в том числе и с Дагестаном, русское правительство стало заботиться об организации более регулярного сообщения между Астраханью и портами Каспийского моря, объявив Каспийское мореходство делом государственным. Петр I, уделяя огромное внимание расширению судоходства на Каспии, лично руководил строительством судов. Так, с 1701 по 1725 г. для судоходства на Каспии было выстроено в Казани – 110, а в Астрахани – 7 судов²⁸.

Как уже указывалось, торговые рейсы далеко не всегда были безопасны, русские суда нередко оказывались жертвами нападений казаков, которые особенно в конце XVII и первые годы XVIII в. чувствовали себя хозяевами в этой части Каспия. Поэтому обычно снаряжалось сразу несколько судов; так им было легче преодолевать трудности пути, обеспечивать большую безопасность и людям, и товарам. Начальник судна был обязан наблюдать за тем, чтобы на нем находились только те пассажиры, которые имели специальные разрешительные грамоты, он также осматривал предназначенные для перевозки товары, чтобы не допустить ввоз и вывоз «заповедных» товаров, являвшихся царской монополией.

Морская торговля позволила взимать не только пошлину за ввоз и вывоз товаров, но и плату за их провоз (водное мыто) и за проезд самих купцов (посаженное, сиделье), и плата эта была весьма значительной, давая в год доход, перекрывавший стоимость судна²⁹.

От устья Волги суда продолжали свой путь вдоль западного побережья моря: от острова Четырех Бугров плыли к устью реки Терек, затем, обойдя остров Чечень с востока (проход между последним и Аграханским полуостровом был затруднителен из-за множества имеющихся здесь островков), мимо Тарковского шамхальства, подходил к Дербенту. Доставляли товары и в Терки, где они выгружались и поставлялись или на многонациональный рынок Терков или вьюками и на повозках дос-

тавлялись на рынки Дагестана: Аксай, Эндирей, Тарки. Пристань в Тарках не была удобной и функционировала в зависимости от погодных условий. Путь на морском судне от Астрахани до Дербента, расстоянием около 600 км, занимал 5–6 дней³⁰.

По словам Ф. Соймонова, «До Терка удобно можно ходить водяным путем на малых и на больших судах ... на пути через Каспийское море нет никакой опасности, потому что ходят вдоль берегов, где много есть заливов и гаваней для малых судов, особливо когда езда чинитца среди лета»³¹, – писал он.

§2. Российские города Прикаспия и их роль в развитии торговли на Северо-Восточном Кавказе

Связующим звеном России с восточными, в том числе и дагестанским, рынками являлась Астрахань, стоящая при выходе Волжского торгового пути в Каспийское море. Астрахань после присоединения к России стала главными воротами России в страны Прикаспия и Востока и очень быстро превратилась в важный торгово-промышленный и военно-административный центр. Благодаря своему положению в устье Волги, по которой издавна проходил путь из Европы в Китай, Среднюю Азию, Индию и Иран, Астрахань славилась и в древности «своей обширностью и богатством...»³².

Посетившие Астрахань в XVII в. А. Олеарий, а в начале XVIII в. – Корнелий де Бруин, отмечали, что это крупный торговый город с оживленной речной гаванью, несколькими базарами, множеством ремесленных заведений, окруженный обширными садами³³.

По словам М. Чулкова, Астрахань имела 175 больших и малых предприятий – шелковых, бумажных, кожевенных и прочих мануфактур и мастерских³⁴. В Белом городе, примыкавшем к астраханскому кремлю, находились таможенная и государственные учреждения – «дворы»: Посольский, Табачной продажи, Питейный, где хранили и продавали казенное вино, Кружечный, где шла торговля медом и пивом, Житни, где хранились запасы зерна. В центре Белого города в XVII в. стояли каменные гостиные дворы: Русский, Индийский, Армянский и др.³⁵ Помимо гостиных дворов в Белом городе располагалось множество лавок. В 1707 г. их насчитывалось 303³⁶. К астраханскому кремлю примыкал так называемый Земляной город, в который входило не менее 11 слобод, среди них: Татарская, Армянская и др. Это был шумный и многонациональный город. По регламенту Главного магистрата, составленному в 1721 г., Астрахань была отнесена к городам первого разряда вместе с Москвой, Петербургом, Ярославлем, Нижним Новгородом, Казанью, Архангельском, Ригой и Ревелем³⁷.

Товары, продававшиеся на астраханском рынке, были также разнообразны, как разнообразен был национальный состав купцов, торговавших на базарной площади.

В Астрахани к числу наиболее крупных купцов, ведущих торговлю со странами Прикаспия, относился «посадский человек» Тихон Демидович Лошкарев. Главными предметами его торговли были рыба и восточные товары, причем рыбу он добывал на собственных промыслах, а восточные товары закупал в Дербенте, Низовой, Баку и др. каспийских портах. Несколько позже, в 30-е гг. XVIII в. в документах Кизлярского комендантского архива встречаются сведения об активной коммерческой деятельности этого купца в Дагестане³⁸. Товары он возил на собственных морских и речных судах. В 1724 г. этот торговец истратил только на наём рабочих людей 2934 руб. Всего Лошкарев нанял 229 чел. на различные струги, шедшие в Саратов, Нижний Новгород и на Макарьевскую ярмарку, а также 29 чел. на дербентскую бусу и 76 чел. на рыбные промыслы. В 1725 г. Тихон Лошкарев нанял 340 судовых работников, заплатив за наем около 3254 руб. О разнообразии его коммерческих операций свидетельствуют данные только о семи явках его товаров в январе-июне 1724 г. Он отправил из Астрахани в Москву шелк, в Нижний Новгород – рыбу, шелк, восточные ткани, в Ярославль – овчины, на Макарьевскую ярмарку – рыбу и лисьи шкурки, в Дербент – холст, подошвенную кожу, предметы галантереи и хмель³⁹.

Крупные торговые операции вел и астраханский посадский человек В.И. Хомутский, который имел «купечество хлебное, калмыцкий торг и соляной промысел». Владел он морским судном и поставлял в Терский городок, а затем и в крепость Святого Креста холст, крашенину и другие русские и европейские ткани, а также муку, пеньку, пряжу, ларцы и т.п.⁴⁰

Астраханский посадский человек Г.М. Толмачев бывал по торговым делам и в Нижнем Новгороде и в Дербенте, имел «стружок», на котором возил свои и чужие товары. У него имелось несколько наемных работников и четыре крепостных. Посадские люди Т. Чечкин и Ф. Хлебников совместно владели стругом, на который нанимали 6–7 рабочих людей. Они ходили не только в Терки, а позже в крепость Святого Креста, но и в Дербент по торговым делам⁴¹. Следует здесь отметить, что позже, судя по документам Кизлярского комендантского архива, коммерческие дела Хлебникова на Каспии пошли в гору⁴².

Как отмечает Н.Б. Голикова, из занятий, которые получили довольно широкое распространение среди жителей Астрахани, можно назвать «струговой промысел» – перевозку на стругах и лодках или других морских судах товаров. Морские суда Астраханского порта ходили в Дербент, Терский городок, крепость Святого Креста и др. пристани и порты на Каспии, а также вверх по Волге, занимаясь реэкспортом как восточ-

ных, так и европейских товаров. Когда Астраханский порт замерзал, движение через него закрывалось с ноября по март. В это время русские торговые суда стояли на зимовке в незамерзающих портах Прикаспия, например, в Низовой, и занимались внутренней перевозкой по прибыльным ценам. Причем, зачастую астраханские судовладельцы отправляли свои суда на юг, отдавая их там на откуп на разные сроки и по разной цене⁴³.

Большую роль в развитии экономики и рыночных связей на рубеже XVII–XVIII вв. играло жившее в Астрахани постоянно или временно население так называемых восточных колоний. Изучая русскую восточную торговлю XVI в., М.В. Фехнер констатировал, что уже тогда в Астрахани можно было встретить много купцов из Средней Азии, Персии, Турции и Закавказья, которые регулярно вели здесь свои коммерческие дела⁴⁴.

Считая торговлю одним из важнейших факторов укрепления экономики государства, Петр I стремился достичь максимального расширения связей России, укрепляя ее и на Востоке. Видя в восточной торговле один из важных источников дохода, правительство активно поощряло приезды восточных купцов в Россию и проводило в отношении их покровительственную политику⁴⁵. Значительное влияние на развитие астраханских колоний в нач. XVIII в. оказывала политика Петра I в отношении приезжих восточных купцов. Особенно она благоприятствовала армянской колонии. Поощряя приток армян в Россию, Петр I в 1711 г. при создании Сената особо выделил, что новый орган должен «персидский торг умножить и армян, как возможно, приласкать и облегчить, в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда»⁴⁶. Все они пользовались свободой торговли с уплатой «обыкновенных пошлин», правом «суда по своим законам», правом свободного вероисповедания. Было запрещено записывать их в посад и определять в какие бы то ни было службы. Представители местной власти обязаны были по отношению к восточным купцам «держат ласку и привет доброй... и оберегать, чтобы им ни от кого никаких обид не было»⁴⁷.

Основным занятием жителей восточных колоний Астрахани была посредническая торговля между Европой – Россией и странами Востока, в том числе и с народами Северо-Восточного Кавказа.

По таможенным материалам 1718–1726 гг. в 492 явках товаров жителей астраханских колоний выявилось 17 пунктов назначения товаров. Это и Москва, и Казань, и Макарьевская ярмарка. В Терский городок отправилось 44 партии товаров. Из них 19 армянских, 9 индийских, 6 гилянских, 7 бухарских, 3 татарских. В крепость Св. Креста было отправлено 77 партий товаров, в том числе 59 татарских⁴⁸.

Исследуя роль астраханских восточных колоний в развитии экономики края, Н.Б. Голикова, опираясь на архивные данные, приходит к

выводу, что в 1724–1725 гг. основная масса товаров, вывозимых восточными купцами из Астрахани по Каспию, приходилась на кавказские порты (177 явок из 254). А именно: в 1725 г. индийцы сделали 97 явок товаров «за моря» (12 в Гилян, а остальные в Дербент и Баку), армяне – 110 явок (63 в Гилян, остальные – в Дербент и Баку), жители Гилянского двора – 41 явку товаров в Дербент, татары – 6 явок (две в Гилян, остальные – в Дербент и Баку)⁴⁹. Отъезд из Астрахани «за моря» шел летом, купцы отправлялись и морем, и сухим путем. Причем непрерывно двигались два встречных потока товаров.

Данные о торговле купцов астраханских колоний и их торговых оборотах показывают, что они проявляли в этой области большую активность. Они были одновременно поставщиками восточных* товаров и крупными потребителями русского ремесла, стимулируя тем самым его развитие и укрепление связей с рынком. В то же время они являлись посредниками в торговле народов Прикаспия и Северного Кавказа с Россией. Деятельность купцов астраханских восточных колоний способствовала развитию и процветанию в конце XVII – нач. XVIII в. таких крупных центров внутренней и внешней торговли, каковыми являлись Дербент, Терский город и особенно Астрахань, привлекая туда множество русских купцов из различных районов Русского государства.

Терский городок был поставлен русскими в 1567 г. «на реке Терке (Тереке) на устье Суюнши реки» или «Сунши», как ее называет Книга Большого Чертежа. Город был вскоре снесен, но в 1578 г. появился снова, просуществовав опять недолго. Наконец, в 1588 г. город на Тереке, как имеющий большое стратегическое значение, был московским правительством еще раз восстановлен, но на другом месте, «на устье терском» близ Тюменки – протоке Терека (ныне Старый Терек), вследствие чего в источниках он именуется и Тюменью, и Терекком.

Как отмечал Н.П. Гриценко, место это определено было не случайно. «По сведениям так называемого «Каталонского атласа» 1375 г., – пишет он, – итальянские купцы, жившие в своих городах-колониях по берегам Черного и Азовского морей еще в XIII–XIV вв., ...хорошо знали западный берег Каспийского моря, в том числе города Тарки и Тюмень, находившуюся на побережье Аграханского залива»⁵⁰. По сведениям С.Броневского, в низовьях Терека когда-то находилось несколько древних поселений. «На одном отделении... рукава (Терека – Е.И.) в 15 верстах от моря, – писал он, – находятся остатки древнего города Копай-Кала, а в самом море видны развалины города Бахчала и трехстенного городка»⁵¹. Таким образом, место это имело и в древности важное стра-

* Термин «восточные товары» носит условный характер. Под ним следует понимать товары, поступающие не только из Индии, Ирана, Закавказья, но и Северо-Восточного Кавказа.

тегическое и экономическое значение в связях Северо-Восточного Кавказа с Поволжьем и другими регионами.

Сведений о населенном пункте, существовавшем здесь до возведения русскими Терков, сохранилось очень мало. И тем не менее, по сообщению Эвлия Челеби, «в древние времена то была маленькая крепость, принадлежавшая кумыкам. Впоследствии ее захватили прибывшие на кораблях московиты». С характерной этому турецкому автору восторженностью, Э. Челеби описывал Терки следующим образом: «По левую сторону от нас... на берегу... залива Каспийского моря, как белый лебедь, виднелась Терская крепость». И далее сообщал: «...это крупный и наиболее отдаленный порт на границе Дагестана и Королевства Москвы. Все московские купцы сходят здесь с кораблей и направляются в Дагестан, Грузию и Иран»⁵².

В XVII в. Терки становится важным центром политических и экономических связей Руси с народами Северо-Восточного Кавказа. В Терках, сообщает Е.Н. Кушева, находилось «не только военно-служилое население – там жили временно или постоянно русские торговые люди, работные люди, обслуживавшие приходившие с моря бусы и стружки и рыбные промыслы»⁵³. Под стенами Терков, в его заречной части, сложились различные «слободы великие», где жило северо-кавказское население: Черкасская, Окоцкая, Новокрещенская и Татарская. В Черкасской слободе насчитывалось 175 дворов, в Окоцкой – 160⁵⁴. По некоторым данным, нерусское население Терков в 1669 г. составляло более 1000 дворов, считая поселившихся в нем тезиков и других восточных купцов⁵⁵. Здесь жили или временно находились русские, осетины, кабардинцы, кумыки, азербайджанцы, армяне, грузины, индийцы, персы, выходцы из Западной Европы, в том числе немцы, литовцы, поляки и др. Большинство населения составляли дагестанцы и чеченцы различных этнических групп (мичигыш, шебуты и др.)⁵⁶.

По своей величине и значимости на юго-востоке Русского государства Терки занимал в XVII в. второе место после Астрахани. В военно-административном и финансовом отношении Терки был подчинен Астрахани, и по этим же вопросам в Москве – приказу Казанского двора. По всем вопросам внешних сношений Терский городок, как пограничный, был непосредственно связан с Посольским приказом, где каждый год откладывался так называемый «Терский столбец»⁵⁷.

В XVII в. Терки – крупный торговый центр, где шла бойкая торговля между русскими, северо-кавказскими, закавказскими и восточными купцами. В городе, кроме официальных учреждений, имелись торговые ряды, гостиные дворы, где останавливались русские купцы, горцы, восточные купцы. По сведениям Эвлия Челеби, явно преувеличенным, здесь было 9 тыс. каменных строений, 70 церквей, 3 тыс. лавок и 10 постоянных дворов⁵⁸. В городе имелась таможня для взимания пошлин с

привозимых товаров. Здесь был караван-сарай, базары, роскошные сады, общественные бани и т.п. Город был многолюдным и разноязыким. Ближайшая округа Терков была довольно оживленной, у города располагались огороды, виноградники, поливные пашни и т.п. За ними находились загородные усадьбы кабардинских князей и Богоявленский мужской монастырь. Два раза в неделю в базарные дни местные северокавказские жители пригоняли в Терский город лошадей и скот на продажу⁵⁹. Примерно в пяти верстах от города, при впадении Тюменки в море, была устроена пристань, у которой причаливали для разгрузки и погрузки морские суда, поскольку из-за мелководья в Тюменке они не могли подходить к самому городу. Сообщение города с гаванью производилось на лодках по реке Тюменке, а также по грунтовой дороге. Еще Эвлия Челеби сообщал, что Терская «крепость имеет также порт и пристань... Здесь имеется сорок судов, похожих на галеры и на русские чайки, есть и фрегаты»⁶⁰.

Малые суда причаливали обычно в ближайшем Баклаковском устье, а более крупные – у главного устья Терека. Там разгружались товары, а также присылавшееся из Астрахани военное снаряжение, разные припасы и хлеб на жалованье служилым людям. Для этих припасов и товаров в гавани было выстроено несколько государственных и частных амбаров. На взморье строили и морские суда. По побережью и у острова Чечень местные рыбаки ловили рыбу и устраивали временные станы⁶¹.

Торговые связи Русского государства со странами Прикаспия, Северного Кавказа, Закавказья в изучаемое время приобретают все более постоянный характер. Интенсивную торговлю с Россией через Терский городок в изучаемое время вели кумыкские владельцы, кайтагский уцмий, кабардинские князья, жившие в Терках.

В Терки из Дагестана поступал на продажу хлеб, если он по каким-либо причинам не поступал из России (из Астрахани в навигацию делали челночные рейсы «государевы бусы», поставлявшие хлеб и другие съестные припасы для «служилого» населения Терков) и в Терках был на хлеб большой спрос. Хлеб поставляли из Тарков, Карабудахкента, Кайтага, Дербента⁶². Жители Терского города отправлялись за хлебом и сами: как сообщается в одном из архивных документов, в августе 1672 г. «терский кумычанин Янтуначка Кумыков» (имена в архивных документах часто искажены писцами таможен или «приказных изб» – Е.И.) в лодке из Астрахани в Терки вывозит 15 мешков муки ржаной «для ево нужды», а также 5 медных котлов, коробку порожнюю, сукна 4 арш. С ним 3 чел. его работников из терских окончан, у которых имелся свой товар: 12 медных котлов, четыре аршина сукна и две коробки с мелочью»⁶³. Приезжал он в Астрахань с товаром на продажу. О привезенном им товаре сведений данный документ, к сожалению, не содержит. Однако, тот факт, что с ним 3 его работника, говорит о том, что объем това-

ров, привезенных им из Терков на продажу, был достаточно велик. Надо полагать, он обменял его на муку, которая в тот год была в цене. Возможно, что его товар был в сельхозпродуктах, что можно предположить из сообщения следующего документа, согласно которому в 1698 г. 28 мая из Терков «прибежал стружек», на котором прибыло несколько торговцев: «кумычане Абдулка Исаев привез 31 епанчу, Алтавка – 38 мешков орехов, 20 епонеч, Кербудай Бюмазов – 6 мешков орехов гретцких, Косеманбет – 30 мешков орехов...»⁶⁴.

Горцы поставляли в Терки и просо, ячмень, мед, овчины, марену, фрукты. Ногайцы поставляли скот и продукты скотоводства, терские низовые казаки – рыбу и продукты рыболовства: балык, рыбный клей, тюлений шкуры, тюлений жир и пр.⁶⁵ Транзитом, повозками и व्यоками, через Дербент и Тарки как восточными купцами, а также перекупщиками – дагестанскими торговцами, так и русскими купцами, временно или постоянно обитавшими в Терках, поставлялись восточные товары: хлопок, шелк, дорогие восточные ткани, пряности, рис, нефть, ковры, сафьян и т.п.

Из традиционных товаров, поступавших из России в Терки или через Терки на Северо-восточный Кавказ, значатся: шубы, шапки, башмаки, сукно, стальные булавки, иглы, наперстки, медные котлы, бумага писчая и т.п.

Судя по двадцати выписям астраханской приказной избы, ассортимент ввезенных в 1676 г. из Астрахани в Терки товаров весьма обширен и разнообразен: кожи разных цветов, медь, сита, решета, деревянные чашки, окованные ларцы, котлы различной величины, братина, зеркала, иглы, наперстки, булавки, пух гусиный, железные ведра, ножницы, белила, румяна и т.п.⁶⁶

В 1676 г. терский окованин, например, вывез из Астрахани такие товары: семь «юфтей красного товара», шесть – муки ржаной и пшеничной, 15 коробок красных, 10 ларцев окованных, 30 мерлушек, 10 зеркал, 2000 иголок, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пудов смолы, 60 ножниц, 10 сит, два пуда зеленой котловой меди, две лохани большие зеленой меди, 5 мехов заячьих белых, да бархат-изорбат, да работных людей 10 человек.⁶⁷

Н.П. Гриценко отмечал, что в конце XVII в. Терский город стал вывозить больше товаров, чем Дербент, потому что через Терки с Астраханью, а через нее с Россией были связаны купцы не только Дагестана, но и всего Северо-Восточного Кавказа. Активное участие в торговле принимали сами жители Терков: стрельцы, посадские люди, оковане, уздени князя Каспулата Черкасского, а также кумыки, жители горных районов Дагестана, Чечни, Ингушетии и др.⁶⁸

В сохранившихся 51 выписи Астраханской приказной палаты 80-х гг. XVII в. пунктом назначения товаров являлся Терский городок. От-

правляли эти товары частью астраханские купцы, но главным образом, терские жители: оковане, кабардинцы, кумыки, а также тезики, индийцы, армяне⁶⁹. Будучи центром как внутренней, так и внешней, а также транзитной торговли, Терки получал большие доходы. Неслучайно между терскими воеводами и князьями Черкасскими завязалась тяжба о торговой пошлине, которая закончилась тем, что в 1678 г. Каспулат Черкасский вместо денежного и хлебного жалования получил от правительства право сбора таможенных пошлин в Терском городе. Царь Федор Алексеевич в жалованной грамоте предписывал вместо «голов и целовальников», собиравших в Терках пошлины с горских и приезжих торговых людей, впредь эти обязанности возложить на Каспулата Муцаловича до самой его смерти. При этом предписывалось, чтобы городским и приезжим торговым людям «не было обид, разорения и утеснения»⁷⁰.

В Терском городе развивались различные ремесла, в частности оружейное дело. Сюда, затем и в Астрахань поселяются многие дагестанские и кабардинские оружейники. Кавказского дела оружие пользовалось в Русском государстве большим спросом. Много оружейников, седельников, серебряных дел мастеров из Кумыкии занимались своим ремеслом в Терках⁷¹. Таким образом, в округе Терского города сложились условия, способствовавшие установлению тесных экономических связей между русскими и народами как Дагестана, так и Северо-Восточного Кавказа, основой которых была известная обиходная взаимозависимость и взаимозаинтересованность. У горских народов терские казаки приобретали оружие и необходимый для хозяйства инвентарь, а также лошадей, крупный и мелкий рогатый скот, продукты скотоводства и земледелия, брали даже «жен невенчанных»⁷². Феодалы Дагестана посылали в Терки караваны торговых людей, которые привозили сюда как «восточные товары, шедшие через Дагестан транзитом», так и собственные товары – продукты животноводства и сельского хозяйства, изделия домашних промыслов⁷³.

Народы Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, оказывали влияние на материальную культуру русского населения на Терке. Влияние это не было односторонним. Русское население, в свою очередь, оказывало известное влияние на материальную культуру местных народов. Восприняв у местного населения приемы культивирования винограда, казаки стали заниматься виноградарством и виноделием. Казаки научились у местных жителей сбору марены, которая произрастала в Терской округе.

Как сообщил Н. Костомаров, «в XVII в. довольно важна сделалась торговля марену. Многие торговцы оставляли другие предметы, чтобы обратить деятельность на марену. Марена произрастала около Терека на протяжении шестидесяти верст. Жители Терека и гребенские казаки со-

бирали ее и продавали персидским купцам. Ежегодно из Персии по шести и восьми бус, ...нагружались единственно мареною... Правительство (Русского государства – Е.И.) долго не знало об этом промысле. Царь... (узнав об этом – Е.И.) приказал объявить жителям Терека, чтобы они не продавали марены в Персию, а доставляли ее в казну, которая будет платить им с прибавкою... велено было строить в Терке амбар для складки марены...»⁷⁴. Марене предстояло стать и быть основной технической культурой, имевшей огромный спрос на рынках России и Европы, и экспортироваться в значительных количествах из Дагестана в течение всего XVIII в. и большей части XIX в.

За время своего существования Терский город пережил много бед. Особенно часты были пожары. В начале 90-х гг. XVII в. в регионе свирепствовала эпидемия чумы. Из 1000-ного гарнизона Терки осталось всего 73 конных и 109 пеших стрельцов. Из-за морских наводнений, вызванных повышением уровня Каспийского моря, Терский город был перенесен на новое место. Вскоре после этого в 1688 г. произошел сильный пожар, в котором сгорело «все без остатку». Пришлось город отстраивать заново. Весной 1708 г. город был снова сожжен внезапно напавшими крымцами и кубанцами. И снова решено было Терки перенести на новое место. Все это, естественно, сказывалось на состоянии города. На всей его жизни лежала печать упадка и запустения. Он уже выполнил свое историческое предназначение. Именно в таком состоянии и застал Терский город Петр I⁷⁵. И тем не менее, как увидим ниже, он продолжал играть немаловажную роль в развитии экономики региона.

Помимо водных путей Русское государство в XVII в. было связано с Дагестаном древней сухопутной транзитной трассой, связующей страны Востока с Европой. Из Астрахани эта дорога вела степью в Терский городок, а далее «в находящийся в землях кумыков город Тарки». Последний был расположен от Терского городка в 100 км. по прямому пути. Но ввиду того, что в низовьях Терека имелось множество озер, протоков, плавней, в Тарки приходилось ехать в обход: из Терского городка путники с вьюками направлялись вверх по Тереку до места впадения в него р. Сунжи. Переправясь через нее на пароме или стругах, обычно на арбах или телегах доезжали берегом моря до Тарков. Этот обходной путь от Терки до Тарков составлял около 240 км⁷⁶, уходило на него около 5 дней, и около 8 до Дербента⁷⁷.

Доставка товаров колесным транспортом производилась либо на больших повозках-арбах, либо на небольших телегах. На повозках и телегах доставлялись не только сельхозпродукты, но и такие товары как соль, шкуры животных, гончарные изделия и т.п. Единицей меры гончарных изделий, дров и т.п. могли служить повозки-арбы. Груз, перевозимый одной вьючной лошадей, также мог быть единицей меры – вьюк. Лошадиный вьюк был равен весу примерно 150 кг. Путь свой торговцы

совершали группами, караванами. Так им легче было преодолевать трудности пути, обеспечивать большую безопасность и людям, и товарам.

Упаковка товаров при перевозке как на судах, так и на возах определялась целесообразностью, а также обычаями. Каждая упаковка соответствовала определенному количеству штук, определенному весу, объему и т.п.

Обычные виды упаковки:

арба – воз	четень
чувал – мешок	сапетка – корзина
харал – мешок	тулук – бурдюк
полухарал	топа – тюк
стола (бумага)	вьюк – лошадиный
тая	верблюжий
полутайка	катыря
коробка	ослиный
узел	куржум – тюк
куль	юфть – тюк
кипа	

Описанная выше сухопутная дорога из-за значительной своей протяженности, неблагоприятных транспортно-технических условий (неоднократные перепогрузки в пути, а также болотистая местность, в период разливов затапливаемая водой), представляла большие трудности даже для вьючного движения. Путь от Астрахани степью до Терского городка, расстоянием около 450 км, занимал не менее 10 дней⁷⁸.

Существовал и другой путь, лежавший из Терков через Сунженский перевоз, через древний торговый центр Дагестана Эндери – далее Тарки – Далее Бойнак, «Карабурацкая деревня» – Башлы – Дербент.

К концу XVII в., вследствие дальнейшего усиления и углубления процесса феодальной раздробленности, политическая карта Дагестана стала еще более пестрой, дробной. Появился целый ряд новых самостоятельных и полусамостоятельных феодальных владений. По уровню социального и хозяйственно-экономического развития Дагестан не отставал от соседних народов Кавказа. На довольно высоком уровне развития находилось земледелие, животноводство, ремесло. Широкие торговые связи имели народы Дагестана с народами Северного Кавказа, Крыма, Закавказья, с Россией.

С открытием волжско-каспийского торгового пути в товарообмен Руси со странами Востока включились, особенно активно, и феодалы Дагестана. Они также брали с проезжавших сухопутной трассой Дербент – Тарки – Терский городок восточных и русских купцов пошлины⁷⁹. Так уж было заведено: в Тарках пошлину брали шамхалы, несколько южнее ее требовал бойнакский владелец, далее, в Кайтагской

земле пошлину брал уцмий, брали не только согласно договоренности, но и лишнее⁸⁰. Пошлина бралась обычно натурой: «со вьюка по киндяку да по бязи лощеной» или «со вьюка по 3 киндяка», благодаря чему в руках феодалов скапливались восточные товары. Посылали они своих «купчин» и на восточные рынки Закавказья для закупки товаров, чтобы отправить их в Терки или Астрахань, а то и в Москву. Со своей стороны, и терские воеводы, чувствуя себя безнаказанными в далеком от столицы городе, занимались прямым вымогательством, гоняся «за корыстью» и наживая себе «животы»⁸¹.

Таким образом, основной коммерческой артерией, связующей Дагестан с Россией на рубеже XVII–XVIII вв., служил морской путь вдоль западного побережья Каспия. Водный путь имел то преимущество перед сухопутным, что благодаря более быстрой и сохранной доставке товаров (при каждодневном перевьючивании неизбежно происходила порча товаров), перевозка купеческой клади водой стоила меньше, размеры же клади были больше, чем при провозе по суше. «А степью ездить им (купцам – Е.И.) ... с товары своими в Астрахань, а из Астрахани в Кизылбаши (Персию – Е.И.) становитца проторно, потому что емлют в горах кумышские и кабардинские и черкаские князи и мурзы с товаров их пошлину десятую, а верблюды и телеги наймут они под себя и под товары свои дорогою ценою»⁸². Вместе с тем водный путь являлся для купеческих караванов менее опасным от нападений. Хотя не следует забывать и тот факт, что остров Чечень снискал себе печальную славу пиратской базы казачьей вольницы на Каспии.

Во второй половине XVII в. международная обстановка на Кавказе изменилась: длительное ирано-турецко-российское соперничество, тяжелым бременем павшее на судьбы народов Кавказа, к этому времени несколько приутихло. Султанская Турция, будучи занятой борьбой с коалицией европейских государств, вынуждена была отказаться от активной политики на Кавказе. Что же касается Ирана, то в конце XVII в. «появились явные признаки ослабления Сефевидского государства, экономического и политического его упадка»⁸³. Поэтому конец XVII в. прошел для народов Северо-Восточного Кавказа относительно спокойно, что благоприятно сказалось на укреплении экономических и политических связей Дагестана с Россией. Архивные документы рассказывают о пребывании в 70-х гг. XVII в. в Терки, Астрахани, Москве и др. городах торговых людей Дагестана⁸⁴. По данным Астраханской приказной палаты из Дагестана в Астрахань только в июне 1676 г. прибыло 22 купца с различного рода товарами местного и «заморского» производства⁸⁵.

Необходимо однако отметить, что в конце 60-х – нач. 70-х гг. одним из важных факторов, определявших ход политических событий и

состояние экономики в регионе, стала крестьянская война под предводительством Степана Разина⁸⁶.

Казачество низовьев Терека постоянно пополнялось беглыми «гулящими» людьми. Там можно было встретить русского и черкеса (кабардинцы и адыги), «татар» (горцев), армян, грузин и даже выходцев из Турции. Обосновавшись в устье Терека и на берегу Каспийского моря, терские казаки, кроме мирных занятий (рыбная ловля, охота и т.п.), выходили в открытое море грабить богатые караваны судов, как «царевых», так и «шаховых» послов. В 1668 г. в Терки на стругах прибыли Степан Разин, к нему примкнули терские казаки «искусные мореходы». Восставшие овладели Астраханью, на сторону восставших перешли и Терки. И в период Астраханского восстания 1705–1706 гг. население города Терки и казачество не стояло в стороне⁸⁷.

Все это не могло сказаться на торговле Дагестана с Россией⁸⁸. С одной стороны, Терки, обычно получавшие хлеб и другие «съестные припасы» из Астрахани, не могли обойтись без помощи соседних народов Дагестана, у которых они теперь приобретали продукты и другие жизненно необходимые товары. С другой стороны – Астрахань – ворота в Россию – была блокирована и не могла в тот период выполнять функции центра русско-северо-кавказской, русско-дагестанской торговли, так же как и Терки. Торговле на Каспии был нанесен огромный ущерб. Морской флот Астрахани был сожжен.

В начале XVIII в. Терскому городу, как и прежде, правительством России отводилась важная роль в его экономической политике в регионе. Судя по архивным данным, Терки был и в начале XVIII в. вторым после Астрахани центром транзитной торговли России со странами Прикаспия, Северного Кавказа и Закавказья. «Таможенный оклад», например, с оборота рынка Терского города за период с 1720 по 1723 гг. определялся суммой 1149 руб.⁸⁹

Как уже указывалось, в торговле активно участвовали представители гарнизона Терского города. Например, в 1719 г. служилые казаки Терского редута привезли из Астрахани в Терки: В.Иванов: 1300 аршин холста, 12 пудов свинца, 5 мешков русских орехов, 4 мешка пшена, 3 мешка пшеничной муки; И. Прибылов: 1700 аршин холста, 12 пудов свинца⁹⁰.

В 1723 г. терский конный казак вывез в Терский городок из Астрахани 1000 аршин холста, 10 пудов пеньки, два куля кремней и 10000 мелкого мушкету⁹¹. Судя по этому ассортименту товаров, люди эти занимались торговлей от случая к случаю и капитал их был невелик.

В 1725 г. терский стрелец А. Кононов в августе месяце купил в Астрахани на 205 руб. 60 коп. 4000 аршин холста – гребнины, 3000 аршин холста-хряща, 30 пудов пряжи, 50 коровьих войлоков и 3 «пульки» кремней для перепродажи⁹². Этот терский «коммерсант» имел капитал,

исчисляющийся несколькими сотнями рублей, чего было достаточно в то время для регулярной торговой деятельности.

Из Терков прибывали купцы различной национальности и различной коммерческой способности. Архивный документ сообщает, что в 1724 г. из Терков в Астрахань прибыло восемь купцов, которые предъявили на таможене товары на сумму 744 руб. 05 коп.⁹³

В архивных документах часто приводятся данные о терских торговцах-тезиках. Следует отметить, что в исторической литературе существуют различные суждения по поводу того, кто же эти самые терские тезики. В Актах кавказской археографической комиссии о тезиках сказано, что они – «поколение древних персов»; они издавна «вышли из персидских провинций...»⁹⁴. Дореволюционный исследователь Н. Костомаров считал тезиков подданными турецкого султана из «Азиатской Турции»⁹⁵. По мнению Е.Н. Кушевой, это «восточные купцы из Ирана, Закавказья и Дербента, приезжие и обосновавшиеся здесь (в Терках – Е.И.) надолго, с женами и детьми. Еще в 1629 г. тезик Хозянур сообщал, что он живет в Терках уже лет 20 и торгует, «сложась с русскими людьми». Терские воеводы жаловались на то, что тезики, приехавшие «из Кызылбаш и Гиляни морем на бусах со всякими товарами», останавливаются у своих кунаков в Заречных слободах и там торгуют «тайным обычаем», не платя пошлин⁹⁶.

Национальный состав терских тезиков, по мнению Н.Б.Голиковой, был довольно пестрым. Среди них были армяне и кабардинцы, окочены и татары⁹⁷.

Постоянным местопребыванием терских тезиков в XVII – нач. XVIII в. были Терки. Позднее они переселились в крепость Святого Креста, затем – в Кизляр. Количество их было довольно значительно. Своими торговыми операциями терские тезики охватывали не только ближайшую округу Терок, но и кабардинские княжества, Засулакскую Кумыкию, Тарковское шамхальство и др. регионы Северо-Восточного Кавказа.

Астрахань была для терских тезиков основной базой закупок русских и западноевропейских товаров, а также центром, где имелся спрос на северо-кавказские, в том числе и дагестанские, товары. Некоторые терские тезики бывали в Москве, на Макарьевской ярмарке, в Саратове. По сведениям документов в 1724 г. из 30 терских тезиков только один приобрел товаров на 448 руб.; у остальных товар оценивался ниже; у шести – на сумму от 50 до 100 руб., у десяти – от 20 до 50 руб., у четырех – менее 20 руб. В 1725 г. двое из 13 тезиков купили товаров на 128 и 106 руб., остальные партии оценивались на суммы в 82, 58, 46, 36, 20, 18, 15 и менее рублей⁹⁸.

Основным занятием жителей нерусских слобод Астрахани, как уже говорилось выше, была посредническая торговля между Россией, а че-

рез Россию с Европой, и странами Прикаспия, Северного Кавказа и Закавказья. Бывали они со своими товарами и в Терском городе. По сохранившимся таможенным материалам 1718–1724 гг. из Астрахани в Терки было отправлено 44 партии товаров, в том числе 19 армянских 9 индийских, 6 гилянских, 7 бухарских, 3 «татарских»⁹⁹.

Вышеприведенный материал рисует российские города Прикаспия на рубеже XVII–XVIII вв. как весьма сложный социально-экономический организм, сложившийся в специфических геополитических условиях. Торговые операции местного купечества и жителей восточных колоний Астрахани отличались широкими масштабами и охватывали не только Россию, но и страны Прикаспия, в том числе и Дагестан. Город Терки и в изучаемый период продолжал играть значительную роль в экономике народов Северо-Восточного Кавказа, в развитии русско-дагестанских экономических контактов.

§3. Роль экономических центров Дагестана в развитии русско-дагестанской торговли

Одним из центров транзитной торговли России со странами Востока в конце XVII – нач. XVIII в., как и прежде, являлся древний Тарки. Это обстоятельство заставило царское правительство привлечь к участию в торговом договоре, заключенном в 1667 г. между Россией и Армянской торговой компанией Нор-Джуги (Новая Джульфа), согласно которому армянским купцам, подданным иранского шаха, даровалась не только привилегия свободной торговли в России, но и право транзита через Россию в Западную Европу¹⁰⁰. Царь поставил в известность тарковского шамхала, контролировавшего участок пути между Дербентом и Терским городом, и просил его заключить с армянскими купцами «и о пошлинах, и о подводах ... договор и тот договор закрепить верою, чтоб им до Терка и от Терка до Тарков проезд был вольной со всяким береженьем для того, что под товары их многое число юков учнут быти от Вас верблюдьы и лошади и в подвозе...»¹⁰¹.

Тарки также являлся крупным ремесленным центром Северо-Восточного Кавказа, «Прекрасные ... пансыри и сабли, и луки» изготавливались в XVII в. в Тарках¹⁰². Здесь, по свидетельству средневековых авторов, получили развитие различные кустарные промыслы: в городе имелось множество мелких мануфактур¹⁰³. По сообщению Олеария, относящемуся к I пол. XVII в., в Тарках жил и работал плененный немец «ткач бархента» по имени Матфий Махмар (вероятно от арабск. «мухмаль», т.е. бархат – Е.И.)¹⁰⁴.

В изучаемое время Тарки являлся и политическим центром – столицей шамхальства и центром внутренней торговли Дагестана. Сюда поставляли свои товары со всех концов шамхальства, а также из других

владений Дагестана. Известны древние торговые пути, связывавшие равнинный Дагестан с нагорным: дорога, идущая от Тарки через Торкалы – Кафыр-Кумух – Казанище – Кумух – Дюльтыдаг – Закаталы или Кумух – Турчидаг – Согратль – Чох. В Тарках можно было приобрести как восточные, так и русские товары, а через Россию и западно-европейские. «Торговлю жители производят по большей части с соседними владениями, как-то: удмиевым, с кумыками и акушинцами, а также с Россией скотом, пшеницей, медом и воском..., из шерсти овечьей делают на продажу ... простые сукна: синие, черные и белые ... ковры ... хлопчатую бумагу...», – сообщал И. Гербер¹⁰⁵, обследовавший в XVIII в. по заданию Петра I побережье Каспия. Важной статьей в торговле жителей шамхальства являлись изделия кустарных промыслов: кинжалы, сабли, бурки¹⁰⁶.

Для продажи своих товаров таркинские купцы ездили в Терский городок, Астрахань, Москву с посольствами, имея в таком случае таможенные льготы. Имеющиеся архивные сведения дают представление об объеме торговли купчин шамхалов тарковских в XVII в. при посольствах. Суммы при этом указываются довольно высокие¹⁰⁷.

Тарки в конце XVII – нач. XVIII в. выполнял функции торгового порта на Каспии. Правда, пристань здесь была неудобной, но тем не менее, тарковцы имели свои суда, на которых ходили с товарами в Терки и Астрахань, а также в Дербент. «... Пристань, – писал А.И. Лопухин, – к берегам с моря нужная, пристают суды тутошних торговых жителей и то с нуждою, место пришло не очень глубокое, к тому ж каменистое, а далее от берега якорь держать за слабым местом не может...»¹⁰⁸.

Ассортимент товаров, вывозимых из Астрахани в Тарки, был разнообразен. В 1672 г. летом из Астрахани в Тарки морем таркинец «торговый человек Бабатайка Черючиев, на кладу, где попадетца», вез 68 юфтей кож красных. В Астрахань он привозил свой товар «заморский», однако в документе не указано, что это был за товар. 11 августа того же года отправился морем в Тарки «таркинец Аллабердейка Аллев в своем стружку. а работных людей с ним будет 7 чел. (подчеркнуто мною – Е.И.). А товару с ним будет 100 юфтей красных кож, да 25 котлов зеленой меди, две коробы, в них 100 мерлушек...». Как видно, торговый человек вез довольно ценный для того времени товар и в достаточно больших количествах, что позволяет сделать вывод о том, что этот товар предназначен был не для собственных нужд владельца, а для продажи. О том, что это купец, который постоянно промышлял торговлей на Каспии, говорит и тот факт, что у него было собственное морское судно и довольно значимое число работников на нем. Здесь же в документе указано, что купцом была уплачена положенная пошлина за товар, который он привозил в Астрахань на продажу, но не указано, что это был за товар¹⁰⁹. 15 августа 1672 г. из Астрахани в Тарки морем дербентец Ерыл-

чаров вез товары: «40 юфтей красных кож, 7 аршин сукна, полтретья пуда пуху гусинова, на кладу, где попадетца». В Астрахани он был со своим товаром, который там и продал. Что это был за товар, к сожалению, в документе не указывается.

В другом документе говорится о двух «торговых людях» – таркинцах, везущих в Тарки «на кладу, где попадетца» товар «15 пуд. котлов медных и в 4 коробках и ларце мелочный товар: 2 шубы заечинных, котел медной, 6 юфтей кож красных, сит да решет, 25 чаш, 10 блюд...»¹¹⁰. Вероятно, эти купцы покупали себе место на каком-либо попутном судне, как в Астрахань, так и обратно в Тарки. Этим судном могло быть и русское судно, и дербентское, и из Тарков, которые периодически совершали торговые рейсы по Каспию.

В документе от 1673 г. сообщается о работниках «тарковского купчины», которые везут на струге товары не только владельца судна, но и товары тех, кто нанял этот струг до Астрахани¹¹¹. Здесь же содержатся сведения о таркинце Умаре Алиеве, который работает у шемахинца и доставил свой товар на судне хозяина. Тогда же в Астрахань прибыл армянский купец на судне, нанятом в Тарках вместе с гребцами¹¹². В июне 1676 г. на судне таркинца Али Шабанова везет свои товары в Дербент кубачинец Гасан Магомедов¹¹³. Ассортимент товаров этого кубачинца говорит о многом, но в данном случае нам важно подчеркнуть тот факт, что морское судно принадлежит таркинцу, который вероятно обслуживал торговлю на Каспии, перевозя товары дагестанских торговцев. Несомненно, занимался он торговлей и сам.

Исследуя русско-дагестанские торговые связи конца XVII в. на материалах Астраханской таможни, Р.К. Киласов обнаружил, что сохранившиеся выписи 80-х гг. отражают сведения об отпуске товаров в Тарки. Из 8 выписей одна партия товаров эндирейца, в двух случаях отправители – дербентцы и в пяти – таркинцы, «скорее всего профессиональные торговцы»¹¹⁴.

Все это убедительно подтверждает тезис о наличии в изучаемое время в Тарках «еще может быть не большой, но дающей о себе знать купеческой прослойке»¹¹⁵. Везли таркинцы в Астрахань или Терский город как изделия кустарных ремесел и продукцию сельхоздеятельности, так и восточные товары в широком ассортименте, которые они перекупали у проезжих купцов или в Дербенте, Шемахе и др. и с выгодой перепродавали на рынках Теркского города, Астрахани и Москвы.

В Тарки по торговым делам приезжали из России не только восточные купцы транзитом в страны Закавказья, в Персию, но и русские, которые следовали с товаром через Тарки транзитом на Восток и жили в Тарках «для купечества»¹¹⁶. И в Тарках, по предположению В.Г. Гаджиева, как и во многих торговых центрах средневековья, имелся квар-

тал, где в основном было сосредоточено торгово-ремесленное население¹¹⁷.

В основном из России поступали сюда всевозможные металлические изделия: медные котлы (зеленой и красной меди), тазы, блюда, сундуки окованные, топоры, ножи, гвозди, огнестрельное оружие, иглы, булавки, ножницы, пуговицы, зеркала, меха и изделия из них и т.п.

Следует однако отметить, что некоторые из этих товаров были европейского происхождения. Как сообщал Н. Костомаров, «из привозных в Россию стальных изделий расходились в торговле ножи, ножницы, замки, булавки и иголки... Иголок и булавок привозилось к нам довольно большое количество... Прочие металлы, все без исключения, доставлялись к нам из чужих краев. Медь доставляли нам англичане, датчане, шведы и голландцы. Она была красная и желтая и привозилась в пластинах и изделиях... Олово привозили к нам датчане и англичане...»¹¹⁸. Через Россию транзитом поступали европейские шерстяные ткани, сукна: кармазин, полукармазин, стамед; бархат, атлас и т.п.

В Россию из Тарков вывозились местные изделия кустарной промышленности: паласы, ковры, сукна как таркинской работы, так и из других регионов Дагестана, сабли, кинжалы, продукцию сельхоздеятельности: фрукты, воск, мед и т.п., а, главное, сырье: хлопок-сырец, шелк-сырец, марена. Здесь же русскими купцами приобретались и восточные товары: дорогие ткани, драгоценные камни, пряности и другие предметы роскоши, а также сырье: шелк и хлопок, часть из которых транзитом шла в Европу.

Следует также сказать о том, что Тарки, имея пристань и выполняя в какой-то мере функции порта, принимал товары, поступавшие и в другие владения Дагестана. Это подтверждают архивные документы, сообщая, например, что в 1680 г. из Астрахани отправляются морем в Тарки трое «усминцев» с товаром в «Усмей», а также и уздень эндирейского мурзы Чепалова с партией товара¹¹⁹.

В развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений важное место на рубеже XVII–XVIII вв., как и прежде, занимал крупнейший торгово-ремесленный центр Кавказа – Дербент. В изучаемое время Дербент находился под властью шахов Ирана. Государство Сефевидов переживало не лучшее свое время, экономика Дербента и его округа пришла в упадок. Пришли в упадок сельское хозяйство, ремесло, торговля¹²⁰. И, тем не менее, в планах восточной экономической политики России, в развитии русско-дагестанской торговли Дербент продолжает играть одну из ведущих ролей.

Дербент был связан торговыми путями с внутренним Дагестаном. Здесь проходил имеющий огромное значение в хозяйственной жизни внутреннего Дагестана важнейший торговый путь по линии р. Самур – Курах – Рича – Кумух – Чох – р. Андийское Койсу – Чечня. По этому

пути в Дербент стекались предметы ремесленного производства и излишки продуктов животноводства и земледелия народов Дагестана, которые из Дербента поступали частью для местного пользования, частью в Закавказье, частью – в Россию¹²¹.

Из внутреннего Дагестана, например, Кубачей, Калакорейша, Кумуха, поступали в Дербент на рынок или через Дербент – в Астрахань ремесленные изделия: сабли, кинжалы, бурки, кубачинское сукно, славившееся на Северо-Восточном Кавказе своей мягкостью, тонкостью и др. Причем эти товары поступали довольно крупными партиями, что приводит к мысли, что одному хозяйству не под силу было приготовить такое количество сукна, или епанчей, значит это был торговец-скупщик или это был представитель, например, Казикумухского хана или др. феодального владельца Дагестана. Надо полагать, часть этих товаров активно включалась в международный товарооборот. Однако главными статьями в торговле Дербента с Россией оставались марена, шелк-сырец, хлопок-сырец, которые вывозились из Дербента как по суше, так и морем.

Сухопутная дорога от Дербента до Тарков была довольно наезженной. Как писал А. Лопухин, дорога из Дербента на север «вся глаткая». Передвигались как на колесах, так и на вьючных животных: верблюдах, лошадях, ослах. По пути, в таких населенных пунктах приморского Дагестана как Башлы, Карабудахкент, Бойнак существовали караван-сарай, там можно было в случае необходимости нанять подводки для транспортировки своих товаров. Получая от русского правительства жалование и признавая себя подданными России, феодалы Дагестана, через владения которых проходила сухопутная торговая трасса, обязывались сопровождать и оберегать как торговые караваны, так и русских послов, курьеров и т.п. Иногда за определенную плату купцы нанимали сами проводников. Выделяя проводников для сопровождения торговых караванов и получая за это определенную плату, дагестанские правители несли полную ответственность за сохранность товаров и безопасность купцов.

Дербент на рубеже XVII–XVIII вв. несколько утратил свое былое значение основного торгового порта на западном побережье Каспия. Пристань Дербента в изучаемое время оставляла желать лучшего, она была мелководной, открытой всем ветрам, необорудованной для приема крупных судов: последние садились на мель, и купцы свои плоскодонные суденышки «с великою нуждой по песку тягивали». Поэтому посланник Петра I Артемий Волинский в своих «Пунктах» Персидской капитуляции (неравноправный договор, в силу которого подданным иностранных государств предоставляются известные преимущества и привилегии) наряду с требованиями не досматривать товары российских купцов, «не чинить в продаже никаких препятствий», «рагдарских денег (дорожная подать) и пошлин не имать», продавать товары «вольную це-

ною» и т.п., выдвинул также пожелание из-за того, что пристани в Дербенте, Низовой и др. мелководны и труднодоступны, «того ради иное место для пристаний оных судов чтобы отыскать (ибо от того им, купцам, великие изьяны чинятся), и дабы было повелено морскую иную пристань и караван-сарай построить, и торг учинить, чтоб их судам приставать было свободно и купечеству бы их изьяну и убытков не было...»¹²². У Петра I были грандиозные планы по реконструкции дербентского порта, которым не суждено было сбыться.

И тем не менее, Дербент на рубеже XVII–XVIII вв. оставался одним из крупных торговых портов на западном побережье Каспия, центром как внутренней, так и торговли Дагестана с Россией, а также центром транзитной торговли Востока с Западом. Это прекрасно иллюстрирует тот факт, что за 10 лет с 1710 по 1720 гг. в торговле между Астраханью и Дербентом участвовало 82 купца, которые вывезли из Астрахани в Дербент морем 90 партий товаров¹²³. При этом следует учитывать, что существовала еще и контрабандная торговля, которая, естественно, не подвергалась учету. Она, по мнению ученых, «достигла огромных размеров»¹²⁴. Дербентские и другие торговцы вывозили из Московского государства порох, селитру и другие «заповедные» товары. В «Указе Великого государя 1676 г. в новоуставных статьях о торговом деле» в 7-й статье написано: «будет иноземцы табак в Астрахань привезут и в Астрахани у них сыщется и тот табак велено имать на великого государя бесповоротно и о табаке учинить наказ крепкой, чтоб они отнюдь из-за моря табаку в Астрахань и из Астрахани вверх не возили и тайно не провозили, потому что наперед сего они, иноземцы, на табаке в Астрахани и во всех русских (городах) збирали многие серебряные деньги и вывозили из Московского государства в свои земли ... да и впредь они о том будут помышлять всячески, чтоб им табак тайно провозить и над ним велено с великим остерегательством смотреть и беречь накрепко... А тарковского Сурхай-шевкала у узденей у Абехханка да у Аличка сколько пуд взял письменной голова и где тот табак нынче ... в скаске написано: у тарковца Алимурзы Желебиева объявилось в тае мешочек, а в нем табаку с полпуда. А тот табак у него ... взят и запечатан по указу в лавку...»¹²⁵.

15 февраля 1687 г. дербентский Исак-султан обращался к астраханскому воеводе с просьбой о возвращении принадлежащего ему большого количества табака (11 тай), который его подвластные, не зная о запрете, привезли в Астрахань¹²⁶.

В конце XVII в., судя по архивным документам, собственно дербентцами из Астрахани в Дербент было вывезено 36 партий товара. Среди них были довольно крупные партии товаров, как например, «торговый человек» Фуручка Эселбеков «в своих двух струшках» в Дербент везет товар: «103 юфти кож красного товару, 4 половинки сукна кипно-

го, 7 арш. сукна полукармазину черного, полтретья пуда пуху гусяного, 18 пуд проволоки, 4 пуда котловой зеленой меди, 4 тыс. булавок, 4 тыс. игол, 10 зеркал, 4 топы стамеду, половинка сукна аглитского, 6 арш. сукна аглитского ж, 100 овчинок курпечатых, мех куней большой, 6 тарелок оловянных ... 30 коробок порожи, 6 ведер смолы. Да на тех же стругах работных людей татар 24 чел.»¹²⁷. Вероятно, этот дербентский купец, имея собственные два, а возможно и более морских судов и большое количество работников, занимался в конце XVII в. на Каспии профессиональной коммерческой деятельностью.

9 ноября 1675 г. дербентец «Аксачко Азизбеков в струшку с товаром, а товару у него: 50 коробок порожних, 12 ларчиков, обитых железом, 10 зеркал больших и средних, 20 тазов зеленой меди, 15 котлов медных, 40 блюд деревянных, 10 сит и 5 решет, 5 тыс. игол, 10 ящиков небольших красных, 10 фунт белил... С ним работников 10 чел.»¹²⁸. Судя по количеству товаров, их ассортименту, а также по количеству работников на стружке, мы считаем возможным предположить, что этот дербентский купец ездил в Астрахань с большим количеством товаров, где, распродав его, приобрел нужный в Дагестане русский товар. 18 июня 1676 г., как нами уже говорилось выше, из Астрахани в Дербент (затем, вероятно, в Кубачи – Е.И.) кубачинец Гасан Магомедов «на кладу» у тарковца Али Шабанова везет товар: «7 пуд меди красной в котлах, два пуда меди зеленой котловой, 18 зеркал малой руки, три кож красных телятинных, 6 аршин сукна кармазину, 35 овчинок, 5 тыс. игол, 100 булавок, четыре гривенки краски, шесть зеркал, пять блюд деревянных; да остаточного товару, которой не продан в Астрахани, десять епанеч черкасских малой руки, три сабли... С ним же работник его кубачинец Али Амзаев...»¹²⁹. Этот архивный документ говорит нам о многом. Кубачи – крупный и широко известный центр металлообработки Дагестана. Традиционно народы Дагестана приобретали металл из Русского государства. В Русское государство в конце XVII в. металлы в основном поступали из Европы именно в изделиях, в данном случае – в котлах. Перечень же товара, который не был продан в Астрахани и возвращался кубачинцем назад, иллюстрирует и подтверждает тот факт, что и в конце XVII в., так же как и на протяжении всего XVII в., из ремесленных центров Дагестана, а значит и из Кубачей в Русское государство шли дагестанские бурки – епанчи (хотя они и названы в документе черкасскими, однако это скорее всего традиционное название этого товара в Русском государстве – Е.И.), а также знаменитое дагестанское оружие, а именно – сабли. Тот же кубачинец Гасан Магомедов еще раз фигурирует в записях Астраханской таможни в 1687 г.¹³⁰ Этот факт, на наш взгляд, неслучаен. Можно предположить, что этот кубачинец-горец отправляется в столь сложный и небезопасный путь по грозному Каспийскому морю именно с коммерческой целью, а не «для собственных нужд». Возмож-

но, он этим делом занимается время от времени, но тот факт, что его сопровождает вооруженный работник кубачинец же, говорит о том, что это довольно состоятельный и достаточно осведомленный в торговле человек. В том же 1687 г. в астраханских таможенных записях регистрируется еще один кубачинец с товарами. В широком ассортименте товаров, приобретаемых кубачинцами в Астрахани, наряду с другими, в основном фигурируют металлы в изделиях: медь зеленая и красная, медь проволочная, белое железо – сырье, необходимое Кубачам.

В 1688 г., 26 апреля, из Астрахани в Дербент «на своем струшку» возвращается дербентец «Агабичка Мурзалеев», который купил в Астрахани 80 тулуков масла коровья, с ним 15 чел. «музурей» (работники на морских судах Каспия – Е.И.). В июле того же года дербентец «Азис Мамеделиев» на своем струшку следует из Астрахани в Дербент с товарами: «50 юфтей красного товару, 50 юфтей шуб белых, 20 топ стамедов, 5 половинок аршинного сукна красного, 10 пуд. пуху лебязья, 800 савров, две коропки, 50 топ бумаги, два мевраша, в них 5 тыс. игол, 5 тыс. булавок, 100 мерлушек, две дюжины наперстков, две шубы мерлушечных, 3 пуд. сахара. А тот товар в 10 таях»¹³¹.

20 июля того же года дербентец «Аджизаматка Магометов» из Астрахани в Дербент везет «в своем стружку: 24 стамеда, 40 стоп бумаги пищевой, 2 пуда зеленой меди, пуд белил, 100 мерлушек, 20 тыс. булавок, 1 тыс. игол, полпуда сахару, 9 тулуков масла коровья. Для обережи ружья, пищаль, фунт пороху, свинцу тож»¹³².

В 1688 г. 23 июля «дербентец Агамаметов на стружку у дербентца ж Мамажитки» в Дербент везет товар: «50 юфтей красного товару, 75 юфтей шуб белых, 40 стоп бумаги писчей, 1500 савров, 3 коробки, а в них 4 пуда сахару, 3 тыс. игол, 2 тыс. булавок, 10 зеркал малой руки, 5 гривенок гвоздики, 5 портищ стамеду, 5 шуб мерлушчатых, 50 овчинок, всего 13 тай»¹³³. Документами зафиксированы и мелкие торговцы, которые везли небольшие партии товаров, «на кладу, где попадетца» и не имели работных людей¹³⁴.

Но встречаются и крупные партии товаров, которые транспортируются дербентскими купцами также «на кладу, где попадетца», что, вероятно, подтверждает тот факт, что суда астраханского торгового флота, о котором говорилось выше, обслуживали торговлю по Каспию. Возможно также, что товары перевозились попутно судами дербентцев и тарковцев, очень редко азербайджанскими и иранскими судами за определенную плату, чаще более надежными, русскими. Все это подтверждает тот факт, что торговые рейсы в Дербент из Астрахани и обратно были довольно обычным явлением¹³⁵.

Кроме собственно коренных дербентских купцов, в городе проживало большое число купцов других национальностей. По свидетельству И. Гербера, «обретаются в Дербенте много купецких людей из персия-

нов, армянов, грузинцов и индийцев»¹³⁶. Иноземные купцы в основном занимались посреднической торговлей между Россией и народами Северо-Восточного Кавказа. Причем, многие из них жили в Дербенте постоянно. Еще при царе Алексее Михайловиче (в 1667 г.) и при Петре I (в 1710–1720 гг.) были заключены договоры с армянской торговой компанией. Она обязывалась вывозить из Ирана и Прикаспийских государств через Дербент, Терский город, Тарки и Астрахань в Россию, а далее и в Западную Европу шелк-сырец и другие восточные товары как морем, так и сухопутным путем под охраной русского конвоя от Астрахани до Москвы. Среди них были обосновавшиеся в Дербенте, Астрахани шемахинские, грузинские, ереванские армяне, а также из Джульфы, Тевриза и Ардубада¹³⁷. Армянские купцы пользовались привилегиями, которые были им даны еще в XVII в. и подтверждены правительством Петра I в 1711 г.

Большое участие индийских купцов в реэкспорте восточных товаров через Дербент в Астрахань, а оттуда в центральные районы России и далее – в Европу отмечается на рубеже XVII–XVIII вв. Индийцы, жившие в Дербенте, Терках и Астрахани держали в своих руках в изучаемое время, пожалуй, всю восточную торговлю¹³⁸. «Насколько тонка их вера, – писал об индусах Я. Стрейс в конце XVII в., – настолько они тонки, изворотливы и лукавы в торговых делах...»¹³⁹. По сведениям архивных документов конца XVII в. индийскими купцами было вывезено их Астрахани в Дербент 29 партий товаров¹⁴⁰. Они везли обычно большие партии товаров, имели работных людей, но в отличие от дербентских купцов, имевших собственные суда, индийские купцы перебрасывали свои товары на наемных дербентских или российских судах.

По количеству вывозимых в отдельно взятой одной партии товаров и по качеству их можно сделать вывод, что эти индийцы – крупные профессиональные купцы, подолгу живущие в Астрахани и Дербенте, а также в Терках, а позже в крепости Св. Крест и Кизляре, и обслуживающие транзитную торговлю по волжско-каспийской международной торговой трассе. Товары они доставляли как из глубин России: Москвы, Казани, Сибири через Астрахань и Дербент дальше на Восток, так и в обратном направлении. Часть этих товаров, естественно, через Дербент оседала в Дагестане.

Для иллюстрации приведем следующие данные. В августе 1676 г. по Каспию из Астрахани в Дербент следовал караван на «струшках» и «государевых полубусьях», которым отправлялся товар 10 индийских купцов¹⁴¹. Так, например, торговые люди из индийцев Тирятка Багриев и Ражарамка Сидоров (так в документе – Е.И.) вывезли из Астрахани в Дербент на «дербентском струшку» товар «50 топ гарусов стамеду, 50 юфтей кож красного товару, 25 шуб хорьковых, 38 пуд перцу русского, 75 юфтей кож красного товару казанского, 20 пуд чилиму, 7 половинок

сукон красных, 6 половинок сукон кипных малой руки, 20 топ белок, 370 савров, 14 топ пищевой бумаги, 4 топы стамеду аглицкого, 10 фунт струи бобровой. А тот товар в 4 коробках...»¹⁴².

В августе 1676 г. торговый человек Муллачка посылал свой товар «с дербенцом с Сафаром на струшку... А товару его: 100 половинок сукон кармазину, 165 юфтей красного товару. А тот его товар в 20 и 5 тях, да 8 коробок с иглами и с наперстками и с зеркалаи и со всякою мелкою рухлядью, да полторы половинки сукна черного, да 10 кож красных... Да за тем ево товаром 5 человек индейцев да 6-ой кашевар»¹⁴³.

19 июня 1687 г. торговый человек Лал Манш «на дербентском струшку» вез в Дербент: «17 половинок сукна кармазину, 69 косяков гарусов стамедов, 20 стамедов аглинских, 146 юфтей кож красного товару, 8 половинок сукна аглицкого, 10 бочек белого железа, 4 пуда пуху...»¹⁴⁴ и т.п.

В выписи Астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Дербент индийских купцов Бхагата и Ганга Рама перечисляются следующие товары: «75 юфтей красного товару казанского дела, 16 половинок сукна аршинного, 16 половинок сукна кипного, 50 косяков стамедов гарусных, 10 половинок сукна кармазинного, 25 косяков стамедов аглицких средней руки, две половинки сукна кипного, 57 шапок индийских с овчинками, 9 овчинок ногайских, 50 топ белки чистой, 50 тыс. булавок, 60 тыс. игол, 300 литров мишуры»¹⁴⁵.

Даже при поверхностном изучении приведенных сведений заметна большая разница между ассортиментом, а главное объемом, товаров индийских купцов и купцов из Дагестана.

Судя по неполным данным Астраханской таможни в 1725 г. с апреля по октябрь, т.е. за навигацию, из Астрахани в Дербент было вывезено 98 партий товаров. Из них 28 партий было вывезено собственно дербентцами, 24 – армянскими купцами и 46 партий – индийскими купцами¹⁴⁶. Как полагает Н.Б. Голикова, «индийские купцы предпочитали простоте ассортимента вывоз основных, находивших широкий спрос товаров, и не распыляли средств на второстепенные предметы и мелкие изделия. Дербентцы, не имевшие крупных капиталов, – подчеркивает она, – старались покупать ходкие и дешевые товары, а армяне отдавали предпочтение широте ассортимента»¹⁴⁷.

Индийские купцы, обосновавшиеся в Прикаспии, владели значительными денежными средствами и наряду с отправлением посреднической торговли между Россией и народами Северо-Восточного Кавказа выступали в роли банкиров-ростовщиков, ссужая крупные суммы денег под большие проценты местным феодалам и торговцам, в частности Терского городка и Дербента¹⁴⁸. По архивным сведениям в 1724–1725 гг. индийские купцы только гилянцам и дербентцам выдали 27 ссуд. В Астраханской индийской колонии насчитывалось 19 человек, ведущих

широкую ростовщическую деятельность. Астраханский индеец Жадумов Перу, имевший постоянные торговые связи с Дербентом, в 1724 г. дал 22 ссуды на сумму 2376 руб., в 1725 г. – 18 ссуд на сумму 2861 руб., а все его капиталовложения в торговые и кредитные операции в торговле России со странами Прикаспия выражались суммой: в 1724 г. – 11326 руб.; в 1725 г. – 5193 руб. Другой индеец Сатариев Премры, также связавший свои коммерческие интересы с Дербентом, вложил 3970 руб. в торговые операции и 100 руб. – в кредитные¹⁴⁹.

Недалеко от Дербента располагалась более удобная пристань Низовая или, по сообщению Я.Стрейса, «красивая деревня Низабад, лежащая в плодородной и приветливой равнине»¹⁵⁰, где смыкались караванный и морской пути. Прежде Низабад занимал важное место в торговле «между Россией, Персией и Дагестаном», туда «отправлялось купечество», в результате чего ширванский беглярбек «получал от него великую пошлину», – писал М. Чулков¹⁵¹.

Раз уж мы коснулись пристани Низовой, то здесь следует отметить, что на рубеже XVII–XVIII вв., по свидетельству Корнелия де Бруина¹⁵², бывшего в Низовой 23 июля 1703 г., это очень оживленный торговый пункт, куда прибывали суда из Астрахани, Терков, а также из Персии. Сюда же сухим путем приходили верблюжьи караваны с товаром. В этом процессе была задействована большая масса населения близлежащих сел, занимавшихся погрузкой, выгрузкой и перевозкой товаров. Только вечером того дня, когда в Низовую прибыл де Бруин, от пристани отчалило пять кораблей с товарами в Астрахань. Располагаясь в небольшом расстоянии от Дербента, Низовая принимала часть грузов, прибывших из России и предназначавшихся Дербенту, а через Дербент – внутреннему Дагестану. Здесь, несомненно, происходили собственно русско-дагестанские торговые контакты. Низовая пристань обслуживала русско-дагестанскую торговлю вплоть до II пол. XIX в., т.е. до появления в Дагестане Порт-Петровска.

Русско-дагестанские торговые связи осуществлялись и в древнем центре восточной торговли Шемахе, где, по свидетельству Стрейса, имелся «...большой базар или рынок, где много хороших и крытых рядов со многими лавками, палатками и ларьками, где продают меха, шелк, хлопчатую бумагу, затканые серебром и золотом платки, сабли и другие ремесленные изделия и товары. На этом рынке стоят два особых больших двора со многими отдельными ходами и лавками, где иноземные купцы, которые приезжают сюда, торгуют своими товарами. Первый называется шах-каравансарай..., здесь большей частью останавливаются русские и обменивают олово, медь, юфть, соболей и другие товары. Другой называется лезги-караван-сараем и татарским домом. Сюда прибывают дагестанские и другие татары, которые торгуют лошадьми...» и другими товарами¹⁵³.

Возвысился в этот период в коммерческом отношении и Баку, обладавший превосходной естественной пристанью, где также осуществлялись и русско-дагестанские торгово-экономические контакты.

Вышеприведенный материал убедительно подтверждает тот факт, что располагаясь на древних морской и сухопутной коммерческих трассах, связующих страны Прикаспия с Россией, а через Россию – с Европой и являясь крупными центрами внутренней торговли Дагестана, Дербент и Тарки в изучаемое время играли значительную роль в развитии русско-дагестанских торгово-экономических отношений.

Итак, торгово-экономические связи Дагестана с Россией на рубеже XVII–XVIII вв. интенсивно развивались, что было обусловлено экономическими интересами как России, так и Дагестана. Россия нуждалась в сырье для развития текстильной промышленности и в рынках сбыта. Со своей стороны, дагестанским феодалам развитие торговли с Россией приносило большие выгоды. Русско-дагестанская торговля в изучаемое время поддерживалась как через Каспий, так и по сухопутной караванной трассе, пролежавшей по побережью Каспия. Важную роль в этой торговле играли крупные экономические центры юга России, города Астрахань и Терский городок. Активная роль в процессе развития экономического интегрирования по этой торговой артерии принадлежала таким древним торговым центрам Дагестана как Дербент и Тарки.

Торгово-экономические взаимоотношения Дагестана с Россией год от года крепились, увеличивался не только объем, но и ассортимент товаров с обеих сторон. В торговле участвовали как русские купцы, так и местные феодалы и торговцы. Большую роль в развитии торговли в регионе на рубеже XVII–XVIII вв. играли восточные купцы из индийцев, армян, тезиков.

¹ История Дагестана. М.: Наука, 1967. Т.1. С.247–251, 320–333.

² См.: Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. С.27–37.

³ Хромов П.А. Очерки экономики докапиталистической России. М.: Наука, 1988. С.219.

⁴ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С.102; Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – нач. XVIII вв. // Исторические записки. М., 1956. Т.57. С.232.

⁵ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С.221.

⁶ Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. 1722–1723 гг. М.: Изд-во МГУ, 1951. С.32.

⁷ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чинимых на оном Российских завоеваний, яко часть истории Петра Великого. М., 1789. С.332.

⁸ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб.: Изд-во Имп. АН, 1869. Ч.1. С.159–160.

⁹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1789. Ч. VIII. С.290–291.

¹⁰ Магомедов Н.А., Магомедов Д.М. Меры русского правительства по экономическому развитию Прикаспийской зоны Дагестана // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI – нач. XX вв. Махачкала, 1988. С.89.

¹¹ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан 1718 г. // История, география и этнография Дагестана XVIII–XIX вв. М.: Изд-во АН СССР, 1958 (Далее ИГЭД). С.55–56.

¹² Бель Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно: Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь / Пер. с франц. Михайло Попова. СПб., 1776. Ч.3. С.180.

¹³ Голиков И.И. Деяния... С.257–258.

¹⁴ Цит. по кн.: Лысцов В.П. Указ. соч. С.25.

¹⁵ Там же. С.33.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. С.120.

¹⁸ Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1958 (Далее РДО, 1958). С.228.

¹⁹ Лысцов В.П. Указ. соч. С.20.

²⁰ Бель Д. Указ. соч. С.174.

²¹ Там же.

²² Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). М.: Изд-во АН ССР, 1963. С.296.

²³ Стрейс Я. Три путешествия / Пер. Э.Бородиной. Ред. А.Морозова. М., 1935. С.232.

²⁴ Эвлия Челеби. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Пер. и коммент. М., 1979. Вып.2. С.109.

²⁵ Тушин Ю.П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях (XVII век). М.: Наука, 1978. С.40.

²⁶ Костомаров Н.И. Очерк торговли Московского государства в XVI–XVII столетия. СПб., 1862. С.110.

²⁷ Тушин Ю.П. Указ. соч. С.43.

²⁸ Алиев Ф.М. Значение Азербайджана для России в Каспийской торговле // Ближайший и Средний Восток. Товаро-денежные отношения при феодализме. М.: Наука, 1980. С.8.

²⁹ Тушин Ю.П. Указ. соч. С.67.

³⁰ Фехнер М.В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI в. М.: Изд-во Гос. историч. музея, 1952. С.36.

³¹ Соймонов Ф. Указ. соч. С.345.

³² Фехнер И.В. Указ. соч. С.53.

³³ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906. С.455; Стрейс Я. Три путешествия. М., 1935. С.193; Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992.

³⁴ Чулков М. Историческое описание российской коммерции. Т.2. Кн.2. С.458–459.

³⁵ Костомаров Н. Указ. соч. С.108; Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – нач. XVIII в. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. С.7–9.

³⁶ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.10.

³⁷ ПСЗ. Т.IV. №3708.

³⁸ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.13. Л.20; Д.29. Л.82; Д.111. Л.80.

³⁹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.121.

- ⁴⁰ Там же. С.122.
⁴¹ Там же. С.121–122.
⁴² ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.5. Л.8.
⁴³ Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку: Изд-во АН Азербайджанской ССР, 1965. С.288, 304.
⁴⁴ Фехнер М.В. Указ. соч. С.54–55.
⁴⁵ См.: Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // ВИ. М., 1957. №3. С.135–143.
⁴⁶ ПСЗ. Т.IV. №2330. Голикова Н.Б. Указ. соч. С.169.
⁴⁷ См.: Юхт А.И. Указ. соч. С.138.
⁴⁸ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.181.
⁴⁹ Там же. С.182.
⁵⁰ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов, 1984. С.50.
⁵¹ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.1. С.121.
⁵² Эвлия Челеби. Указ. соч. Вып.2. С.104, 126, 127.
⁵³ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С.292.
⁵⁴ Там же. С.94–96, 138, 143, 164.
⁵⁵ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека (досоветский период). Махачкала, 1986. С.37.
⁵⁶ См.: Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: Док. и мат. В 2-х т. М.: Изд-во АН СССР, 1957 (Далее КРО). Т.1. С.265; Гриценко Н.П. Города... С.49.
⁵⁷ Васильев Д.С. Указ. соч. С.37.
⁵⁸ Эвлия Челеби. Указ. соч. С.127.
⁵⁹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С.298; КРО. Т.1. С.377–379; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М.: Наука, 1988 (Далее ИНСК). Т.1. С.331–335.
⁶⁰ Эвлия Челеби. Указ. соч. С.127.
⁶¹ Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII в. М., 1982. С.34.
⁶² Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. Махачкала, 1954. С.11.
⁶³ РДО, 1958. С.202.
⁶⁴ Там же. С.218.
⁶⁵ Фехнер М.В. Указ. соч. С.41; Магомедов Р.М., Магомедов А.Р. История Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1994. С.172.
⁶⁶ РДО, 1958. С.205–213.
⁶⁷ ИНСК. С.356.
⁶⁸ Гриценко Н.П. Города... С.52; РДО, 1958. С.219.
⁶⁹ Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. (по материалам Астраханской таможи): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. С.11.
⁷⁰ КРО. Т.1. С.140, 365; Гриценко Н.П. Города... С.53.
⁷¹ См.: КРО. Т.1. С.322–323.
⁷² Гаджиев В.Г. Роль России... С.96.
⁷³ Кушева Е.Н. Русско-дагестанские отношения в XVI–XVII вв. С.9; Гаджиев В.Г. Роль России... С.87.
⁷⁴ Костомаров Н. Указ. соч. С.241–242.
⁷⁵ Васильев Д.С. Указ. соч. С.35–47.

- ⁷⁶ Там же. С.40.
⁷⁷ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С.297.
⁷⁸ Фехнер М.В. Указ. соч. С.41.
⁷⁹ ИНСК. Т.1. С.355, 358.
⁸⁰ Кушева Е.Н. Указ. соч. С.304.
⁸¹ Кушева Е.Н. Указ. соч. С.304; КРО. Т.1. С.127–128.
⁸² См.: Тушин Ю.П. Указ. соч. С.68.
⁸³ Иванов М.С. Очерки истории Ирана. М., 1952. С.77; Гаджиев В.Г. Роль России... С.92.
⁸⁴ Иванов М.С. Указ. соч. С.77; Гаджиев В.Г. Роль России... С.93.
⁸⁵ РДО, 1958. С.201–205.
⁸⁶ Гриценко Н.П. Народные движения XVII–XVIII и терское казачество // Изв. СКНЦВШ, Ростов-на-Дону, 1973. №3. С.11–17; ИНСК. Т.1. С.359–363.
⁸⁷ Чернов А.В. Астраханское восстание 1705–1706 гг. // Исторические записки. М., 1959. Т.64. С.201–203.
⁸⁸ Киласов Р.К. Указ. соч. С.19.
⁸⁹ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.129; ААО. Ф. Астраханская воеводческая канцелярия. Оп.1. Д.259. Л.11.
⁹⁰ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.71; ААО. Ф.681. Оп.6. Д.3. Л.13, 18.
⁹¹ ААО. Ф.681. Оп.6. Д.25. Л.9.
⁹² Там же. Л.20.
⁹³ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.128; ААО. Ф.394. Оп.1. Д.81.
⁹⁴ АКАК. Тифлис, 1875. Т.6. Ч.2. С.603.
⁹⁵ Костомаров Н. Указ. соч. С.109.
⁹⁶ КРО. Т.1. С.139, 253; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С.298.
⁹⁷ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.188; Тарихи Кызыларкала / введение, перевод, комментарии Г.М.-Р.Оразаева // Шихсаидов. А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С.241.
⁹⁸ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.188. ААО. Ф.394. Оп.1. Д.813; Ф.681. Оп.6. Д.26. Л.5–9, 13, 24–24, 29–31, 33.
⁹⁹ См.: Голикова Н.Б. Указ. соч. С.181.
¹⁰⁰ История армянского народа. Ереван: Изд-во Айпетрат, 1950. Ч.1. С.240.
¹⁰¹ Армяно-русские отношения в XVII в.: Сборник документов под ред. В.А.Парсамяна. Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1953. Т.1. С.58.
¹⁰² Сношения России с Кавказом: Материалы, извлеченные из Московского главного архива МИД С.А.Белокуровым (1518–1613 гг.). М., 1889. Вып.1. С.539.
¹⁰³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.107.
¹⁰⁴ Олсари А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб.: Изд. А.С.Суворова, 1906. С.449.
¹⁰⁵ ИГЭД. С.134.
¹⁰⁶ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С.82, 96; Акбиев А. Общественный строй кумыков в XVII–XVIII вв. Махачкала, 2000. С.42.
¹⁰⁷ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа... С.297.
¹⁰⁸ Лопухин А.И. Журнал путешествия через Дагестан. 1718 г. // ИГЭД. С.44.
¹⁰⁹ РДО, 1958. С.210, 202.
¹¹⁰ Там же. С.202–204.
¹¹¹ Там же. С.208.
¹¹² ИНСК. С.307.
¹¹³ РДО, 1958. С.208.

- ¹¹⁴ Киласов Р.К. Русско-дагестанские... С.12.
¹¹⁵ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.108.
¹¹⁶ Там же. С.109.
¹¹⁷ Там же.
¹¹⁸ Костомаров Н. Указ. соч. С.198–201.
¹¹⁹ Киласов Р.К. Указ. соч. С.12.
¹²⁰ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.221.
¹²¹ Магомедов Н.А. Торговые связи Дагестана с Россией в конце XVII – нач. XVIII вв. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и с народами Кавказа. Махачкала, 1982. С.72.
¹²² Цит. по кн.: Алиев Ф.М. Миссия посланника Русского государства А.П.Вольнского в Азербайджане. Баку, 1979. С.112.
¹²³ Русско-индийские отношения в XVII в. (Далее РИО). М., 1958. С.174, 219, 258–265; Магомедов Н.А. Указ. соч. С.75–76.
¹²⁴ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.74.
¹²⁵ РДО, 1958. С.213.
¹²⁶ Там же. С.214.
¹²⁷ Там же. С.209.
¹²⁸ Там же. С.205–206.
¹²⁹ Там же. С.208.
¹³⁰ Киласов Р.К. Указ. соч. С.12–13.
¹³¹ РДО, 1958. С.214–215.
¹³² Там же. С.217.
¹³³ Там же. С.216.
¹³⁴ Киласов Р.К. Из истории экономических связей Дагестана с Россией (конец XVII – начало XVIII в.) // УЗ ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1970. Т.XX. С.210.
¹³⁵ Киласов Р.К. Указ. соч. С.210; Магомедов Н.А. Указ. соч. С.83.
¹³⁶ ИГЭД. С.86.
¹³⁷ Юхт А.И. Социальный состав населения армянской колонии в Астрахани в I пол. XVIII в. // Известия АН Арм.ССР. 1957. №1.
¹³⁸ Ашурбейли С. Экономически и культурные связи Азербайджана с Индией в средние века. Баку: Элм, 1990. С.35.
¹³⁹ Стрейс Я. Три путешествия. М.: Соцгиз, 1935. С.276–277.
¹⁴⁰ Киласов Р.К. Указ. соч. С.210.
¹⁴¹ РИО. С.262–267; Магомедов Н.А. Указ. соч. С.78.
¹⁴² РИО. С.294; Киласов Р.К. Указ. соч. С.210.
¹⁴³ Там же. С.203.
¹⁴⁴ Там же. С.341.
¹⁴⁵ Там же. С.344.
¹⁴⁶ См.: Киласов Р. Из истории экономических связей... Табл. №4. С.216–217.
¹⁴⁷ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.193.
¹⁴⁸ Там же. С.203.
¹⁴⁹ Там же. С.202–203, табл. №22. С.207, табл. №23.
¹⁵⁰ Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С.140.
¹⁵¹ Чулков М. Указ. соч. Т.2. Кн.2. С.516.
¹⁵² Дагестан в известиях... С.151–156.
¹⁵³ Дагестан в известиях... С.142.

ГЛАВА II.

РАЗВИТИЕ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

§ 1. Развитие экономики Прикаспийского Дагестана в связи с присоединением к России и расширением русско-дагестанской торговли

XVIII в. являлся переломным этапом в истории народов Северо-Восточного Кавказа, в том числе и народов Дагестана. Первая четверть XVIII в. ознаменовалась присоединением к России прикаспийских областей, что, в свою очередь, имело большое значение для дальнейшего развития торгово-экономических взаимоотношений всего Дагестана с Россией. Вторая четверть принесла потерю Россией этих владений, которая была компенсирована явным усилением ориентации местного населения на Россию в ходе борьбы против агрессии Надир-шаха, притязаний Османской империи и Крымского ханства, что, в свою очередь, предопределило дальнейшее углубление и расширение русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений.

* * *

Развивающийся экономический, политический и социальный кризис в державе Сефевидов привел ее на грань катастрофы. Усилившийся экономический и национальный гнет на окраинах иранского государства вызвал недовольство народных масс против шахского владычества. В 1711 г. началось широкое антииранское движение. Порта решила воспользоваться кризисом Сефевидской империи, ставя перед собой давно желанную цель – овладение Кавказом. Обстановка в регионе осложнилась¹.

Петр I считал, что осуществление основной цели его кавказской политики – обеспечение безопасности южных границ России и ее выхода к южным морям – невозможно без утверждения русского присутствия на Северо-Восточном Кавказе и побережья Каспия. Однако, связанный войной со Швецией и предвидя длительную борьбу за преобладание влияния на Кавказе, он считал необходимым провести тщательную военно-дипломатическую подготовку к активным действиям в этом регионе. В 1715–1718 гг. в связи с подготовкой похода русских войск в Прикаспий было произведено военно-политическое и экономическое обследование региона. Позже эти обследования продолжились.

Одной из основных причин «Персидского» похода, отмечает В.Г.Гаджиев, послужило стремление царизма обеспечить русскую мануфактурную промышленность сырьем из прикаспийских областей Кавказа и присоединить к России важные для нее в экономическом и политическом отношении прикаспийские провинции². Еще в 1700 г. Петр I приказывал астраханскому воеводе укреплять «дружественные и торговые отношения с дагестанскими горцами», оказывая им возможную помощь и поддержку³. Таким образом, с начала 20-х гг. XVIII в. одно из ведущих мест в кавказской политике России занимал и Дагестан.

Шемахинские события 1721 г. послужили Петру I поводом для скорейшей реализации давно задуманного похода на юг. 18 июля 1722 г. с пехотой на кораблях император отплыл из Астрахани. Территория Дагестана от устья Сулака до р. Милюкент была занята российскими войсками в течение четырех недель. Столь быстрое продвижение русской армии объяснялось не только ее многочисленностью и боеготовностью, но и стремлением местного населения освободиться от Сефевидов: «Население, живущее около Каспийского моря, ни о чем так не молится, как о том, чтобы московиты как можно скорее пришли и освободили его от ига персидской монархии»⁴.

Перед походом был обнародован манифест Петра I⁵, в котором население Северо-Восточного Кавказа обнадеживалось «в безопасности и покровительстве России», что в условиях сложной политической обстановки в регионе сыграло определенную положительную роль в дальнейшем развитии событий⁶.

Реакция наиболее крупных владетелей Дагестана, Кабарды и Ширвана на появление русских войск в регионе была различной. Попытка эндирейского владетеля выступить против войск Петра закончилась неудачей. Резиденция Айдемира была превращена «в пепел». Остальные северокумыкские владельцы – аксайский, костекский, шамхал Адиль-Гирей выразили готовность быть на царской службе. 6 августа на Сулаке 100-тысячную русскую армию встречали шамхал Адиль-Гирей, аксайский владетель Султан Махмуд и кабардинский князь Кайтукин, прибывшие для участия в дальнейшем походе Петра I. Участвовал в походе и конный отряд Эльмурзы Черкасского. Здесь же по указанию шамхала и аксайского правителя было выделено 600 телег, запряженных волами для перевозки провианта, 250 быков на пищу солдатам и т.п. 12 августа армия Петра I без задержек подошла к Таркам, а 26 августа – Петр с армией направился в Дербент. По пути его встретили представители уцмий Кайтага и бойнакский владелец, поддержав войска провиантом и фуражом. Утемишский «султан» попытался оказать сопротивление, но был разбит.

23 августа Петр I вступил в Дербент, жители которого приняли русских «с нелицемерною любовью... и так нам рады, как бы своих из оса-

ды выручили»⁷. Вслед за этим к Петру I в Дербент обратились кайтагские владетели, «со всеми старшинами», отдавая в подданство России. Тогда же Рустем-кади табасаранский выразил готовность «оказать русским всяческую помощь и поддержку»⁸.

Обстановка, сложившаяся в регионе, благоприятствовала продолжению похода, но Петр I вынужден был приостановить его из-за внезапно возникших затруднений в связи с гибелью русской эскадры у Аграханского залива. Оставив гарнизоны в Дербенте, Рубасе, Бойнаке, Тарках и определив место для строительства крепости Святого Креста, Петр отбыл в Астрахань⁹.

12 сентября 1723 г. в Петербурге был заключен договор с Ираном, по условиям которого шах признавал Прикаспий территорией, присоединенной к России¹⁰. Между тем «Блистательная Порты» также притязала на Закавказье и Дагестан. Русская дипломатия приложила чрезвычайные усилия, чтобы предотвратить войну, что и удалось благодаря заключенному в июле 1724 г. в Константинополе договору России с Османской империей, по условиям которого султан признавал за Россией прикаспийские районы Дагестана и Азербайджана. Остальная же часть Дагестана, Азербайджана, Грузия и Армения подпала под власть османов.

* * *

Стремление русского правительства обеспечить мануфактурную промышленность «произведениями прикаспийских областей» объективно способствовало развитию на Восточном Кавказе шелководства, хлопководства и увеличению производства шерсти.

Как мы отмечали в главе первой, Дербент начала XVIII в. переживал не лучшие свои времена. В силу ряда внутренних и внешних причин в совершенный упадок пришла экономика уезда, город опустел. И.И. Голиков отмечал, что «в обоих средних городах живут Наип градской, купцы и другие обыватели, и там имеют великий сарай для караванов»¹¹. В нижней же части города, писал И. Гербер, «строение разорено, ... ныне оной пуст и никто во оном не живет»¹². Пришли в упадок сельское хозяйство, ремесло и торговля.¹³

Однако с присоединением Дербента к России дела стали меняться в лучшую сторону. Особое внимание русское правительство обратило на развитие виноградарства, садоводства, овцеводства: «...Великой Государь осматривал вне города находящиеся преизрядные сады, в которых растут разные вкусные плоды, а особливо превосходный виноград, и сожалел, что из оного не умели делать хорошего вина, что и заставило монарха помышлять достать из Венгрии хорошего мастера для делания из сего винограда наилучших вин»¹⁴. Следует сказать, что в Дербенте издавна из местного винограда изготовлялось вино (чихирь) двух сортов: красное и белое. Современники отмечали хорошие качества дер-

бентского вина, которое имело приятный вкус, было крепким и долго не портилось. Участник петровского похода Д. Бель сообщал: «В восточной стороне множество находится винограден, коих вино может стоять многие годы...»¹⁵.

В Дербенте было создано дворцовое хозяйство, именуемое в официальных документах «садами и огородами е.и.в.». Старые виноградники были выкорчеваны и посажены лучшие сорта винограда. Посадкой винограда руководил выписанный из Венгрии специалист Туркул. Только в 1724 г. было посажено 13 тыс. виноградных лоз. Было налажено и производство вин. К лету 1723 г. было готово к отправке в Астрахань «учиненное для пробы виноградное вино трех мастеров: француза, венгра и цесарца». Осенью 1723 г. было получено 2 тыс. ведер превосходного вина¹⁶. После отъезда Петра I из Дербента комендант Юнгер доносил государю, что «оставленный виноградный мастер ныне в садах старый виноград подчищает и на свободных местах новый виноград рассаживает, а с ним ежедневно работают 40 казаков и четыре наемных дербентских садовника»¹⁷. Таким образом была заложена основа отрасли хозяйствования, которая в последующие века получила развитие и оказывала большое влияние на развитие экономики Дербента и его окрестности.

Петр I «дал также повеление рачительно ободрить произрастание шафрана, которой хорошо там родится...»¹⁸. В 1723 г. начались работы на дворцовых огородах, где трудились казаки под наблюдением специалистов, выбранных из «дербентских татар»¹⁹. Шафран употреблялся в пищу как пряность, он являлся прекрасным красителем оранжевого цвета шелковых и шерстяных тканей, а также лекарственным растением. В 1723 г. с одних только дворцовых огородов было собрано 420 фунтов шафрана, который был отправлен в Петербург²⁰.

Как сообщал хронограф Петра I, «...находилось тогда в Дербенте и многое число персидских, грузинских, армянских и индийских купцов и художников (читай: ремесленников – Е.И.). Любопытство Великого монарха (Петра I – Е.И.) не оставило также рассмотреть все их состояние и узнать все обстоятельства, до торговли их касающиеся... торговля была из первейших предметов сего его в Персию походу...»²¹.

Петр I наметил конкретные меры по развитию торговли с Кавказом и Закавказьем, а через них и со странами Ближнего Востока. Немалое значение в расширении торговли придавалось Дербенту. Указом Сената от 1724 г. было разрешено вывозить из России в Дагестан железо, свинец и порох, а также был открыт беспошлинный провоз и свободная продажа вина, табака, всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, крепости Святого Креста и других местах новых провинций²². Для торговли в России местным торговым людям, в том числе и дербентским купцам, обычно предоставлялись льготы; к их услугам были

русские купеческие суда. Следует здесь сказать, что по просьбе шамхала Адиль-Гирея ему также были предоставлены «две бусы для посылки за товарами в Дербент и другие места»²³.

В Дербенте и в первой половине XVIII в. не было благоустроенной пристани, акватория дербентской гавани была настолько мелководной, что даже маленькие суда с трудом могли в нее входить. Строя грандиозные планы по развитию морской торговли на Каспии, Петр I «изволил ездить по берегу морскому для осмотра места, где строить гавань»²⁴. Перед отъездом в Москву он приказал делать в Дербенте «гавань по чертежу»²⁵. Работы по реконструкции производились в 1723–1724 гг. Принятые меры, как и следовало ожидать, незамедлительно сказались на росте торговли в Дербенте.

Как известно, по дагестанскому берегу Каспия проходила древняя трасса международного торгового пути, по которому издревле велась крупномасштабная торговля товарами широкого ассортимента. В этой торговле были задействованы крупные капиталы, представители различных народов, как местных, так и иностранных. Служа территорией транзита международной торговли, приморский Дагестан между тем имел и свои самостоятельные экономические потребности, связанные с внутренним социально-экономическим развитием; расширялись внутридагестанские торговые связи, циркулировала своя дагестанская товарная продукция. Товары Дагестана включались в общий товарный поток прикаспийской торговой артерии; с другой стороны, Дагестан служил рынком сбыта части импортируемых товаров.

В Кизлярском комендантском архиве сохранились, хотя и фрагментарно, записи в журналах регистрации Дербентской таможни, что позволило нам сделать наблюдения о передвижении товаров из внутреннего Дагестана в Дербент, где частью они оседали на рынке Дербента, частью включались в русско-дагестанский товарооборот.

В феврале 1732 г. из сел. Калакорейш «усмейский нукар» с 7 товарищами и тремя «торговыми людьми» прибыли в Дербент с товаром: «сукна, татарские епанчи, масло коровье, краска-марена»²⁶.

В 1735 г., в январе, в Дербент с товаром прибыли: из Камаха «суркайского владения деревни татарин Аку» с семьей товарищами, привезли в Дербент три вьюка бурок; из Великента прибыл татарин Шарип «с 9 товарищами, при них 12 бурок, сукна 60 концов, три кожи буловых, краски 8 батманов», из Калакорейша прибыло 50 его жителей, они привезли 50 вьюков бурок и сукна; из Кумуха прибыло 6 человек, привезли вьюк бурок, два вьюка сукна; в феврале из сел. Кубачи прибыло 6 человек с двумя вьюками кубачинского сукна на продажу.

Тогда же из Дербента: «усмейского владения деревни Сабнавы татарин Мамут, при нем татар 6 человек...» вывезли одну арбу пшеницы; двое жителей сел. Гапшима вывезли 10 батманов пшеницы и бязь; жи-

тели Кумуха, 8 человек, вывезли из Дербента две арбы бязи; жители сел. Утамыш, три человека, вывезли из Дербента один куржум бязи. В февралю того же года жители шамхальства, пять человек, вывезли два куржума бязи; жители сел.Берикей, 7 человек, вывезли 7 бьюков пшеницы и т.д.²⁷

Таким образом, сведения, которые мы черпаем из журнальной записи дербентской таможи 1735 г., дают нам представление об участии дагестанских горцев в торговых отношениях Дербента и о его роли в жизни таких дагестанских владений как Казикумухское ханство, уцмийство Кайтага, Тарковское шамхальство, Акуша-Дарго.

Дербент, судя по архивным документам, и в первой половине XVIII в. являлся связующим звеном в торговле России со странами Востока. В Дербент и через Дербент следовали шемахинские, джувльфинские, а также ганжинские, ереванские, нахичеванские, тифлиские, ширванские торговцы шелком²⁸. Ассортимент товаров, ввозимых этими торговцами, обширен и показывает значительный размах торговли в Дербенте. Главными из этих товаров являлись шелк-сырец, шелк готовый, шелковые и полшелковые ткани и изделия из них.

Через Дербент в Россию вывозили из Персии шелк известные в России купцы. Так например, по книге записей Дербентской таможи 31 июля 1729 г. приказчик московского купца Андрея Евреинова из Решта в Дербент привез 15 тай чистого шелка «в оных весу 315 батманов ряшенской поупки»²⁹. По данным Московской таможи, за 1740 г. тот же Андрей Евреинов «из-за моря» через Астрахань сам привез три партии шелка-сырца³⁰. Кстати, его отец – известный московский фабрикант Матвей Евреинов. В июле 1721 г. во время известных шемахинских событий были разграблены товары русских купцов, среди которых были и товары Матвея Евреинова на сумму, огромную по тем временам, 170000 руб. «персидской монетой»³¹. В 20-х гг. XVIII в. Евреиновы стали крупнейшими поставщиками восточных товаров на Макарьевскую ярмарку. Они же в 1721 г. вошли в компанию заведенной в 1717 г. П.П. Шафировым и П.А. Толстым «Московской мануфактуры». К середине XVIII в. – это крупные российские промышленники. Один из сыновей Матвея Евреинова, Яков Матвеевич, сделал головокругительную карьеру от советника Мануфактур-коллегии (1742 г.) до вице (с 1745 г.), а затем и президента Коммерцколлегии (1753 г.)³².

В этой же таможенной записи значится и товар другого московского фабриканта³³ – «москвитина» Федора Мыльников «шелку 18 тай, в оных весу 378 батманов ряшенской поупки»³⁴.

По данным Астраханской таможи в 1733 г. из Дербента в Астрахань было доставлено 17-ю торговцами 19 партий товара на сумму 3228 руб. Как считает Р.К. Киласов, наиболее активное участие в этом привозе принимали купцы Дербента и закавказские армяне. В 1734 г. из Дер-

бента в Астрахань семью дербентскими, шемахинскими и гиянскими «бусурманами», 18-ю армянами, тремя грузинами и др. было привезено 43 партии товара на сумму в 5721 руб.³⁵

Большое место среди товаров, поступающих в 30-е гг. XVIII в. в Астрахань из Дербента, занимали местные продукты сельхозпроизводства, а именно: «сорочинское пшено», «чихирь», грецкие орехи, сушеные фрукты. По неполным данным за период с 1733 по 1735 гг. этих товаров из Дербента в Астрахань поступило на сумму более 6 тысяч рублей. Так, например, в начале 30-х годов XVIII в. три дербентских торговца-грузина вывезли из Дербента в Кизляр в общей сложности 28 бочек «дербентского чихиря»³⁶. 24 октября 1738 г. из Дербента ушло судно астраханского купца Т.Лошкарева, на котором было погружено «покупного чихирю 100 бочек, одна тая орехов грецких, гороху дербентского (вероятно, нохута – Е.И.), пшеницы дербентской одна тая», а 5 сентября 1739 г. судно того же купца вывезло из Дербента в Астрахань «марену – 550 пудов, сала бараньего – 64 пуда, коровьего масла – 104 пуда»³⁷.

Очень интересны данные о привозе из Дербента в Астрахань в эти годы дагестанских ремесленных изделий³⁸: бурметей и пестряди дербентских, сукна кубачинского, паласов и т.п.³⁹

Большую роль в экономике Дербента, а именно в реэкспорте восточных товаров в Россию в изучаемое время продолжали играть индийские купцы как Астраханской индийской колонии, так и собственно дербентские купцы из числа индийцев. Например, по таможенной книге Астраханской таможи за 1734 г. самое значительное место в привозе товаров из Дербента в Астрахань принадлежало индийским купцам. Восемь из них привезли товаров на 3586 руб.⁴⁰ В 1744 г. индийцами из Дербента было привезено уже 20 партий товара⁴¹.

Индийское купечество, связавшее свои коммерческие интересы с торговлей на Каспии, располагало значительными в сравнении с местным купечеством капиталами и, возможно теперь уже и имело собственные морские суда⁴². Судя по неполным данным Астраханской таможи, в 1725 г. с апреля по октябрь, т.е. за навигацию, из Астрахани в Дербент было морем вывезено 98 партий товаров. Из них 28 – дербентцами, 24 – армянскими и остальные – индийскими купцами, причем армяне отдавали предпочтение широте ассортимента, дербентцы, не имевшие крупных капиталов, старались покупать ходкие и дешевые товары⁴³.

§ 2. Роль крепости Святой Крест и Кизляра в русско-дагестанском торгово-экономическом интегрировании

Как указывалось выше, Петр I, прибыв из Астрахани в Терки, нашел ее в состоянии упадка. Целью строительства новой крепости было желание укрепиться «во вновь приобретенных провинциях». Эту задачу не в состоянии была выполнять кр. Терки, гарнизон которой в 1720 г. насчитывал не более тысячи человек. К тому же она теперь была расположена в заболоченной и совсем непригодной для размещения крупных военных сил местности, к которой труден был подъезд с моря⁴⁴. Петр I, «...имея мысли, занятые худым положением города Терка и сысканием для онаго лучшего..., обследовал берега Аграхани и Сулака и нашел, что «... в 20 верстах от ея (Сулака) устья, на том месте, где река Аграхань от онаы отделяется», «...место зело довольно конским кормом, водою и лесом», «Терка сто раз удобнее»⁴⁵. «Его Величество при себе сделал тут небольшие шанцы и дал план, по которому надлежало сделать регулярную крепость о шести бастионах; а как желал Государь, чтоб оная имела способное сообщение с морем, то по плану саму должно было запрудить реку Сулак при самой крепости, и всю воду в реку Аграхань согнать, дабы онаю свободнее было на всяких судах подходить к самой крепости»⁴⁶.

22 сентября 1724 г. Петр I подписал указ, в котором предписывалось перевести в крепость Святого Креста гарнизон и жителей кр. Терки. «... от крепости Святой Крест по Сулаку до морского устья... да от крепости ж Святой Крест до Аграхани» было поселено 1000 семейств донских казаков⁴⁷. К стенам крепости и на Аграханскую косу были переселены и терские казаки. В полуверсте от крепости обустроилась «слобода Охочинская и Черкасская, населенные черкесами и другими горцами... Терские аульные татары или ногаи также кочевье свое перенесли от Терека к крепости Святого Креста...»⁴⁸. Точное число поселившихся у этой крепости нам неизвестно. И.Гербер свидетельствует, что «оныя состоят в 200 до 300 фамилий». По сведениям И.Гербера можно судить, что у крепости горцы завели свое хозяйство. Занимались они скотоводством, торговлей и различного рода промыслами. Особого внимания заслуживает свидетельство И. Гербера о том, что у горцев, живущих близ крепости Святого Креста, одно из ведущих мест занимала торговля. Это свидетельство тем более важно, что когда речь идет о торговле у крепости Святого Креста, обычно полагают, что ею занимались только русские, армянские и грузинские купцы⁴⁹. В посад крепости стало заселяться много армян, грузин, которым власти, заинтересованные в развитии ремесла и торговли, предоставляли льготы, а также русские торговые люди. Строительство на Сулаке плотины, благодаря которой стало возможным проводить средние суда по Аграхани до самой

крепости, позволило установить более регулярное морское сообщение с Астраханью, Дербентом и др. портами на Каспии, способствовало развитию торговли, увеличению товарооборота и росту рынка крепости Святого Креста. Развитию торговли способствовало и решение правительствующего сената от 28 марта 1724 г. о беспошлинном «провозе и свободной продаже вина, табака и всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербенте, Баку и в крепости Святого Креста»⁵⁰. На рынок посада крепости собирались, как прежде в Терском городке, представители всех народностей Северо-Восточного Кавказа. Здесь собирался крупнейший конский базар, где счет шел на сотни голов, здесь же торговали как крупно-, так и мелкокоротатым скотом. Крепость Святого Креста служила и крупным узловым пунктом транзитной торговли России со странами Кавказа и Закавказьем.

Здесь постоянно жили местные купцы и торговцы, покупавшие у горцев излишки продуктов, ремесленные изделия. За внешними стенами крепости шла торговля с приезжающими российскими, армянскими, татарскими и др. купцами⁵¹. Кроме местных купцов торговлей занимались уздени, простые горцы, отчасти казаки. Большое участие в торговле принимали и русские маркитанты – торговцы, обслуживающие русские войска⁵². Судя по дошедшим до нас архивным документам, они не упускали случая приторговывать и с местными народами региона.

В крепости Святого Креста существовала Гражданская канцелярия и таможня, зорко следившие за ввозимыми и вывозимыми из крепости товарами, регистрировавшие приезд и отъезд торговых людей, выдававшие им письменные разрешения на выезд в другие города и государства. Только по справочным данным Гражданской канцелярии крепости Святого Креста за 1729 г. подали прошение о разрешении выехать в Гилян, Шемаху, Баку и Решт водным путем 26 купцов и торговых людей, в Дербент – 32 человека, в Кабарду – 16, в гребенские городки для торговли и покупки там рыбы – 23, в ногайские и др. аулы – 11 чел., морским и сухим путем до Астрахани – 59 чел. и т.д. Всего, судя по этим документам, из крепости Святого Креста должно было выехать более 180 купцов и торговцев, не считая работников⁶.

Приезжих купцов обслуживали и работные люди из числа местного населения, занимавшиеся погрузкой и разгрузкой товаров, а также их перевозкой, сопровождая товар в место назначения. В крепости существовал Деловой двор, где работали столяры, бондари, плотники, 23 слесаря, 10 кузнецов, 8 пильщиков, 40 седельников, 23 коновала, 39 извозчиков и др.⁵³

Крепость Святого Креста, как и ее предшественница Терская крепость, занималась реэкспортом восточных товаров в Россию. По неполным данным Астраханской таможни привоз товаров морем из крепости Святого Креста очень уступал привозу из Дербента. Например, в 1735 г.

из Дербента привезли товар 37 торговцев на сумму 9819 руб., а из крепости Святого Креста только 9 на 572 руб.⁵⁴ Из крепости Святого Креста фиксируется следующий ассортимент товаров: меха диких зверей, олени шкуры, воск, чихирь горский, сушеные фрукты, корень марены, а также предметы ремесленного производства Дагестана.

Исследуя сохранившиеся таможенные книги астраханской таможни, Р.К. Киласов приходит к выводу, что по неполным данным за период 1733-1735 гг. наибольшее количество товарных партий из Астрахани в Дагестан было предназначено в крепость Святого Креста, а именно: в 1733 г. 24-я торговцами на сумму 7344 руб., а в 1735 г. 14-ю торговцами – на сумму 2314 руб.⁵⁵ Из Астрахани сюда поступали традиционно русские товары. Приезжали торговать русские купцы и посадские люди из Поволжья, Москвы и северных приморских городов.

Кроме традиционного ассортимента товаров: железа, железных и деревянных изделий, канцелярской бумаги, русских и европейских тканей, кож и изделий из кожи в крепость Святого Креста из Астрахани поступало продовольствие. Так, в 1732 г. было отправлено 24 партии продовольствия на сумму 9304 руб., в 1735 г. сюда же и в Дербент – 30 партий на 9384 руб. Поставщиками выступали астраханские посадские люди. В крепость Святого Креста приезжали с товаром и индийские купцы из Астрахани. Так, в 1733 г. они поставили, по неполным данным, 6 партий товаров на крупную по тем временам сумму, а именно на 2145 руб., в то время как 6 партий товаров жителей Сулака (крепость Святого Креста называлась еще и Сулакской крепостью; возможно, здесь имеется в виду посад крепости, иногда в источниках именуемый городом Сулак) составляли сумму в 875 руб.⁵⁶ Индийские купцы привозили из Астрахани главным образом промышленные товары русского производства, отчасти товары, шедшие транзитом из Западной Европы. Исследовав архивные материалы Астраханской таможни за 1733 г., Р.К. Киласов пришел к выводу, что крепость Святого Креста заняла место Терского города в снабжении населения региона промышленными товарами преимущественно русского мелкого производства.

Как известно, после упразднения Терской крепости в 1724 г. и основания крепости Святой Крест, Терский городок еще продолжал функционировать, а его жители участвовать в торговле и фигурировать в регистрационных журналах Астраханской таможни до 1727 г. В это же время в таможенных книгах Астраханской таможни фиксируются данные о торговле с крепостью Святого креста. Следует обратить внимание на тот факт, что в таможенных книгах рядом с Терским городом и крепостью Святого Креста в это же самое время фиксируется и город Ставрополь. Например, в 1724 г., по сохранившимся архивным документам, из Астрахани отправилось в Терки – 26, Ставрополь – 21, крепость Святого Креста – 9 одних только русских купцов, не считая восточных; из

Красного яра (город Астраханского края) в Терки – 4, Ставрополь – 12, крепость Святого Креста – 5 купцов⁵⁷. Н.Б. Голикова считает Ставрополь самостоятельным городом на Каспии. А.И. Юхт пишет, что г. Ставрополь был основан во время Персидского похода Петра I и существовал до середины 30-х годов. Расположен он был недалеко от крепости Святого Креста, вероятно всего на восточном берегу Аграханского мыса⁵⁸. Мы же полагаем, что в данном случае под названием Ставрополь скрывается та же самая крепость Святого Креста. Как указывает В.Г. Гаджиев, И. Гербер территорию приморского Дагестана около устьев рек Сулака и Аграхани называет «территория Ставрополь», «Ставрополь уезд», «земля Ставрополь» или «Крестовый город»⁵⁹. Возможно, при закладке крепости это был один из вариантов ее названия. Да и «крепость Святого Креста» и «город Святого Креста» или «Ставрополь», – это ведь одно и то же название. Поэтому необходимо, на наш взгляд, архивные данные Астраханской таможни по городу Ставрополь учитывать вместе с данными по крепости Святого Креста. Возможно, это обстоятельство при подсчете данных о коммерческих способностях посада крепости Святого Креста и сыграло роль в том, что Р.К. Киласов пришел к выводу, что крепость Святого Креста не приобрела такого значения, какое в XVII в. имел Терский городок, а жители ее не выступали в роли торговцев. Мы позволим себе не согласиться с этим утверждением или с его категоричностью хотя бы только потому, что в вышеприведенном решении правительствующего Сената о беспошлинном провозе и свободной продаже некоторых товаров крепость Святого Креста фигурирует наряду с самыми крупными торговыми центрами Прикаспия, а именно: Баку и Дербентом. В нашем распоряжении также имеются сведения о том, что приказчик купца, ведущего торговлю в крепости Святого Креста, 22 июня 1738 г. «явил товару, привозного из Астрахани по астраханской таможенной выписи на явленные деньги, на 212 рублей на 30 коп. бязи шусты – 230 концов по 20 руб. по 21 коп., бурметей гиланских – 20 концов по 70 и по 80 коп. ... занавесов выбойчетых малой руки 30 по 30 и по 40 коп., холста ровного 5500 аршин по 20 и по 30 руб. ...»⁶⁰.

Архивные документы, записи в журнале регистрации Дербентской гражданской канцелярии 1735 г. дают нам возможность воссоздать картину активного русско-дагестанского экономического взаимодействия, которое осуществлялось в крепости и через крепость Святого Креста. Как сообщается в документе, 21 января 1735 г. «явил паспорт прибывший из крепости Святого Креста прикащик астраханского купца Федора Кобякова, при нем работники из россиян и из аульных и оченских татар 30 человек», которые следовали в Дербент с «продажною рыбой». 20 февраля паспорт был выдан дербентскому жителю Исмаилу Дедееву и двум его работникам до крепости Святого Креста «для торгу». 23 фев-

раля паспорт был выдан дербентцам «Маматю Шарферляеву, Шабан Шербет Алиеву и четырем их работникам, следующим в крепость «для торгу». Тогда же был выдан паспорт десяти музурам астраханского купца Андрея Ильина, следовавшим из Дербента в крепость Святого Креста. 3 апреля из Дербента в крепость отправлялись «для торгу» 25 дербентских армян. Интересно, что Дербент с этой крепостью был связан как сухим, так и водным путем. Так, в мае 1735 г. был выдан паспорт приказчику астраханского купца Андрея Ильина с десятью работниками, следовавшим из Дербента в крепость Святого Креста на судне астраханского купца Кобякова «для торгу». В этом архивном деле содержится многочисленные сведения о «рыбных ловцах» происхождением из различных областей Центральной России, отправлявшихся в крепость на заработки. Здесь же сведения о прогоне через «город Сулак» в Дербент большого количества лошадей (гнали лошадей ногайцы, казанские татары, армяне – жители Сулака)⁶¹. Имеются архивные сведения о доставке в Дербент «ис крепости Святого Креста» астраханским юртовским татаринном с двумя работниками 57 верблюдов на продажу⁶².

Как уже говорилось выше, Петр I поощрял поселение армян и грузин у крепости Святого Креста, которых велено было «содержать ... в крепком охранении и поступать с ними таким образом, дабы отнюдь от них никакие жалобы произойти не могли»⁶³. Всего в 1735 г. здесь армян и грузин насчитывалось 450 семей⁶⁴. Делалось это с целью оживить экономику края, наладить торговлю важным для России сырьем шелком-сырцом, хлопком, «чтобы они (армянские купцы) к размножению коммерции с российскими купцами имели старание, и для того шелк и другие персидские товары, которые от них прежде сего отпускаваны в европейские государства, привозили б в Россию...»⁶⁵.

Прибывшие в регион армяне и грузины способствовали развитию производительных сил края. Они распространяли среди местного населения новые виды хозяйствования, занимались шелководством, рисо-сеянием, хлопководством. В этом отношении интересна деятельность крупного армянского купца-предпринимателя Сафара Васильева, известного по архивным документам конца XVII в., где сообщается о его коммерческих сделках на Каспии и Волге, в Москве и в Европе, который, получив разрешение российского правительства завести «шелковые» заводы на Тереке, стал «тайным образом» вывозить из Закавказья мастеров, отводя им усадьбы и землю. Вскоре для развития шелководства С.Васильев нанял в Терском городе армян, тезиков, черкесов, а также ногайцев. «Когда в 1722 г., – сообщает П.Г. Бутков, – из Терки и из прочих тамошних казачьих городков все жители переведены были в крепость Святого Креста, тот завод (шелководческий – Е.И.) оставлен празден, а мастеровые и работные перешли в крепость Святого Креста»⁶⁶. Так, в посаде крепости Святого Креста поселилась группа людей, про-

должавших выведение шелка-сырца. Позже «по построении Кизляра, оные мастеровые и работные люди из крепости Святого Креста сюда переселились и начали сами продолжать шелковое производство»⁶⁷. После смерти С.Васильева его дело продолжали его потомки. Более 100 лет они занимались шелководством и только в 30–40-е гг. XIX в. оно пришло в упадок⁶⁸.

Приводимые ниже архивные данные отражают степень участия в экономической жизни крепости Святого Креста армян и грузин: «Грузинский армянин Артемий Абуев» 28.IV.1729 г. просит в канцелярии гражданского суда «пашпорт для поездки водяным путем в Астрахань для торгового промыслу»⁶⁹. «Желаю я нижеименованный ехать ис крепости Святого Креста сухим путем в Дербент для своих нужд, да при мне работников грузинцов ... 5 человек»⁷⁰. По тому же адресу обращаются 29.09.1729 г. «грузинский армянин Мартын Папов», с работником с просьбой дать разрешение на поездку «сухим путем до казачьих городков для торгу»⁷¹.

Все вышесказанное подтверждает тот факт, что многонациональный посад крепости Святого Креста стал оказывать все большее и большее влияние на экономику края⁷².

В силу известных политических обстоятельств, сложившихся на Кавказе в первой четверти XVIII в., и в соответствии Гянджинскому мирному договору 27 октября 1735 г. крепость Святого Креста была упразднена. По Рештскому (21 января 1732 г.) и Гянджинскому (10 марта 1735 г.) договорам Россия перенесла свою границу из Северного Азербайджана на р.Терек. Города Баку и Дербент «с подлежащими землями, деревнями» перешли под власть шахского Ирана. Они были переданы, как подчеркивалось в статье №2 договора 1732 г. «в цветущем состоянии...», «... прежде хищением ... истощенные места, которые ныне под протекцию ... российских войск отдохнули и жителями поумножились»⁷³.

Огромные обозы, перевозя тяжелую артиллерию, запасы и имущество жителей, из крепости Святого Креста потянулись через Кумыкскую степь к Кизляру. Кизлярское урочище и одноименное селение стали одним из центров торговых связей между народами региона задолго до появления крепости Кизляр⁷⁴. Селение, а затем и городок Кизляр находился у самого Кизлярского перевоза, игравшего важную роль в транзитных передвижениях по Кавказу и в страны Востока. Здесь имелся аманатный двор, при перевозе состоял специальный караул из служилых людей. И тогда городок населяли жители разнотнического состава⁷⁵.

Данные выписки за март 1731 г. из журнала регистрации таможенных сборов на Каргинском карантине, который впоследствии обслуживал Кизлярскую крепость, говорят о том, что движение товаров по этой

трассе было довольно оживленным. К сожалению, в регистрационной записи не зафиксированы ни место назначения товаров, ни принадлежность товаров. Названы же в документе товары: парча, ковры, хлопчатобумажные нитки, кожа, пенька, всего 75 тай, меди – 53 таи, шелку – 39, 5 верблюжьих выюков яблок, 11 выюков муки, 6 выюков пшеницы, парчи – 14 лошадиных таев, чихиря – 3 лошадиных таи, шелку – 8 тай, пшеница – два лошадиных выюка, муки – 184 лошадиных выюков, пшеницы – 15, 20 пар башмаков, один тулук сыра, 460 штук рыб осетров, сомов и т.п.⁷⁶

Кизляр, став в 1735 г. важным политическим и военно-административным центром на Северо-Восточном Кавказе, сыграл большую роль в развитии экономики региона, превратившись в крупный торговый центр. Выполняя функции важного транзитного узла в торговле России со странами Востока, Кизляр к середине XVIII в. – средоточие русско-кавказских экономических связей, с одной стороны, и многонациональный торговый центр, где народы Северо-Восточного Кавказа обменивались продукцией своей хозяйственной деятельности, – с другой⁷⁷. Правительство царской России «отводило Кизляру важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, рассматривая их как одно из средств укрепления своего влияния в данном регионе»⁷⁸.

К Кизлярской крепости были переведены жившие при крепости Святого Креста кабардинцы, окочены, новокрещены, армяне, грузины, дагестанцы, тезики, казанские татары. Сюда же переселились бывшие терские городовые казаки, жившие в Терках и соединившиеся в начале XVIII в. со служившими при этом городе окоченными, новокрещеными и др. кавказцами. Все они стали называться терско-кизлярскими казаками. При переселении к Кизлярской крепости из них было создано новое Терско-кизлярское казачье войско; этих казаков поселили в самом Кизляре, в его южном предместье, где они составили особый квартал, который назывался Кизлярской станицей. Из тысячи семей донских казаков, поселенных Петром I на Сулаке и образовавших Аграханское казачье войско, уцелело всего 452 семьи. Из них было сформировано Терско-семейное казачье войско, которое поселилось по левому берегу Терека, образовав станицы Бороздинскую, Дубовскую и Каргалинскую⁷⁹. Ногайцы, которые до переселения их Петром I на Сулак кочевали вблизи Терского города, обосновались ниже Кизляра по левой стороне Терека до Каспийского моря. Военное командование над находящимися на русской службе представителями кавказских народностей – мусульман, проживавшими в Кизляре, принадлежало кабардинскому князю Эльмурзе Бековичу Черкасскому. Здесь князья Черкасские имели свое подворье с домом, а неподалеку от города – большое земельное владение, дарованное им за службу царским правительством⁸⁰.

Заселение Кизляра в момент его основания шло быстро. Русское правительство, будучи заинтересовано в увеличении его населения, предоставляло льготы всем пожелавшим в нем поселиться. Собственно город обосновался восточнее крепости, между левым берегом Терека и правым берегом речки Кизлярки. Его составляли 8 разноязычных кварталов, отделенных друг от друга земляными валами. Самый большой из них – Армянский (Арментир), населенный исключительно армянами, часть из которых с давних пор проживала еще в старом Кизляре, часть переселена из крепости Святого Креста. Грузинский квартал (Курцаул) был населен только грузинами, первые из которых заселились здесь в 1735 г., будучи переведены из крепости Святого Креста, а в 1748 г. их было здесь 200 дворов⁸¹. В квартале терских казаков жили русские казаки многонационального Терско-кизлярского казачьего войска. Казаки из кавказских народностей жили в других кварталах. Квартал новокрещенных (Кристи-аул) был населен представителями местных народов, принявших христианскую веру и переведенных в Кизляр из крепости Святого Креста, где тоже существовал такой же квартал. Окочир-аул населяли потомки тех ококов (ауховцев – Е.И.), которые в Терском городе населяли Окоцкую слободу. Черкес-аул населен был кабардинцами, жившими прежде у крепости Святого Креста и продолжавшими служить в составе кабардинской конницы, входившей в состав Кизлярского гарнизона. Казанскую деревню населяли казанские татары, попавшие в Дагестан по причине участия в Персидском походе Петра I в качестве переводчиков⁸². Квартал Тезик-аул занимал самую восточную окраину Мусульманской слободы, население его являлось российскими подданными и составляло «тезикское общество», занималось земледелием, скотоводством и мелкой торговлей. Кумыки и другие дагестанцы проживали в вышеназванных мусульманских кварталах. «А чаятельно с охотою там поблизости из кумыцких и других тамошних магометанских народов селиться будут, а для приохочивания их к тому поселению, сколь велики им под дворы и под пашню земли дать можно...»⁸³, – рекомендовалось в инструкциях Левашева. Таким образом, Кизляр представлял собой удивительное явление: здесь в I пол. XVIII в. сложилось разноязыкое, разноконфессиональное сообщество русских, армян, грузин, кумыков, ногайцев, кабардинцев, черкесов, чеченцев, ингушей, осетин, тезиков, татар, персов, евреев и др. Здесь даже существовала колония индийских купцов, активно участвовавших в транзитной торговле России со странами Востока.

Кизляр возник на древней сухопутной международной транзитной торговой трассе, связующей Европу со странами Востока, и, естественно, стал выполнять функции важного транзитного узла в торговле России с государствами Кавказа и Закавказья. С другой стороны, Кизляр, подхватив эстафету своих предшественников, крепости Терки и крепо-

сти Святого Креста, к середине XVIII в. – средоточие русско-кавказских экономических связей, в том числе и русско-дагестанских. Позже здесь образовалось три больших рынка: армянский, татарский и русский, для приезжих купцов были обустроены караван-сарай⁸⁴. На базары Кизляра съезжались представители всех народов Северо-Восточного Кавказа, привозя продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, пригоняли скот, сплавляли по Тереку строительный лес.

Для сообщения Кизляра с морем был возведен Долобинский фельдшанец в устье самого южного рукава Терека в 50 верстах от крепости, ставший складочным пунктом товаров, поступающих в Кизляр морем⁸⁵.

Следует отметить, что в те годы в результате трансгрессии Каспийского моря и благодаря высокому уровню Каспия, Аграханский залив и выпадающий в него южный рукав Терека были достаточно глубоки для свободного подхода к фельдшанцу больших морских судов, а более мелкие поднимались вверх по Тереку до Кизляра⁸⁶. По свидетельству архивных документов, в мае 1739 г. к фельдшанцу прибыли «купецкие суда...», а именно: астраханских купцов Гаврилы Мельникова, Якова Толмачева эверсы, Андрея Ильина – галиот, да казенное судно шмак-лос...»⁸⁷. В ноябре того же 1739 г. из Дербента прибыл «шхербот Санкт Гавриил», принадлежавший компании астраханских купцов⁸⁸. В октябре 1744 г. отправился из Астрахани приказчик астраханского купца «для купечества Каспийским морем до Кизляра на судне Ивана Хлебникова»⁸⁹. В июле 1745 г. на судне астраханского купца Тихона Лошкарева астраханский «посадский человек» Василий Буркин отправил в Кизляр на продажу 150 кулей пшеничной муки⁹⁰. Таким образом, Кизляр в первой половине XVIII в. выполнял функции и торгового порта, обслуживающего торговлю по Каспию, продолжая традиции крепости Терки и крепости Святого Креста.

На побережье Каспия существовало несколько пристаней, которые в разное время обслуживали Кизляр. Это Очинская, Сладкоеричная, Шандруковская и Серебряковская пристани. Товары, прибывавшие морем из Астрахани или из Дербента, доставлялись в Кизляр на арбах и повозках. Здесь была задействована масса «работных людей» из местного населения, занимавшихся погрузкой, выгрузкой и перевозкой товаров.

С первой половины XVIII в. вывоз товаров из России на Северо-Восточный Кавказ постоянно увеличивался. Экономическим посредником в этом процессе продолжала оставаться Астрахань. Большую роль в торговле с кавказскими торговыми центрами играла Макарьевская, а позже и Нижегородская ярмарка⁹¹.

Выгодное положение Кизляра сразу же привлекло сюда купечество, специализировавшееся на восточной торговле. Анализируя состав тор-

говцев, следует заметить, что наряду с кизлярскими армянами, грузинами, тезиками, индийцами и другими «кизлярскими жителями» в первой половине XVIII в. в вывозе товаров из Кизляра и через Кизляр участвуют также астраханские купцы, как русские, так и обитатели восточных колоний Астрахани, а также купцы из Центральной России. Транзитом через Кизляр в Астрахань шли шелк, хлопок, восточные ткани, медь-лом из Ирана и Азербайджана. Среди местных товаров фигурируют «чихирь тавлинский», «сорочинское пшено», грецкие орехи, «пастила тарковская», «чеснок горский», сушеные фрукты, меха диких зверей, олени, конские и бычьи кожи, марена, «сукно горское», бурки, «кафтаны и шальвары черкасские», «кумачи кизлярской окраски». Из Астрахани в Кизляр шли главным образом промышленные товары широкого потребления русского производства. Анализ архивных данных позволяет заметить тенденцию роста поступления товаров из России в Кизляр, через Кизляр на Северный Кавказ, в частности, в Дагестан и Закавказье. Если через два года после основания города Кизляр из Астрахани туда по неполным данным было отправлено 9 партий товара на сумму 1127 руб., то через десять лет, в 1747 г., уже 42 торговца вывезли в Кизляр 44 партии товаров на сумму 14938 руб.⁹²

В 1749 г. в четырех партиях товаров, доставленных из Астрахани, содержалось 63877 аршин холста костромского и других сортов и 16651 аршин пестряди, а также кармазину 626 аршин, зеленого чая – 4 пуда, сахара – 4 пуда, оренбургских и украинских платков – 420, ложек деревянных – 800, кофе – 20 пудов, писчей бумаги – 15 стоп, а также мыло, перец, горчица, роговые гребни и т.п.⁹³

Сохранившиеся материалы астраханской таможни за 1739–1749 гг. предоставляют сведения об участии индийских купцов, обслуживающих торговлю Кизляра с Астраханью. По наблюдениям Р.К. Киласова⁹⁴, восемь индийцев привезли товар из Кизляра в Астрахань на сумму 3151 рубль. Некоторые из них везли из Кизляра исключительно шелк. Это Лотчирам Гулабриев, доставивший 12 пудов 36 фунтов шелка-сырца, и Ромдам Джесуев, привезший две партии шелка в 35 пудов 15 фунтов и в семь с половиной пудов. Другие наряду с шелком везли восточные ткани и сельхозпродукты. Так, кизлярский индеец Губа Нануев помимо шелка доставил из Кизляра в Астрахань 39 пудов «хлопчатой бумаги», 285 пудов «пшена сарачинского» и 150000 шт. орехов грецких. Третьи везли исключительно местный товар. Так, индеец Шермамет Машелев привез в Астрахань 30 волчьих шкур, 44 шкуры диких кошек, 100 лисьих. За 1740 г. 14-ю индийскими купцами было привезено в Астрахань 14 партий на сумму 3196 рублей. В основном (на 80%) этот товар местный. Это воск, марена, сельхозпродукты, кожи, меха, изделия из них, сумма которых составила 2654 рубля. За период с 1739 по 1749 гг. в торговле Кизляра с Астраханью приняло участие 39 индийцев.

За 1739–1740 гг. основное место, подчеркивает Р.К. Киласов, в вывозе индийскими купцами из Кизляра в Астрахань занимают восточные товары, в последующие же годы картина меняется, теперь основное место занимают местные товары, что было связано с политической нестабильностью в Иране и Азербайджане, откуда в основном и поступали так называемые восточные товары. В нашем распоряжении имеется небезынтесный факт, что в течение нескольких лет по 1740 г. кизлярская таможня «с присутственными местами» была отдана на откуп кизлярскому жителю – индийскому купцу Велерому Талычандову⁹⁵.

Большое место в русско-дагестанских экономических отношениях первой половины XVIII в. отводилось торговле мареной, которая осуществлялась и в Кизляре. В 1744 г. астраханский губернатор В.Н.Татищев советовал русскому правительству запретить самовольный вывоз марены иранскими купцами и установить контроль над торговлей ею. В 1748 г. на имя кизлярского коменданта поступил царский указ о том, что марену следует «покупать в казну, а за границу ее не продавать»⁹⁶. Предприимчивые кизлярские купцы в 1747 г. привезли в Астрахань 229 пудов марены, купив на месте по 1 руб. 20 коп. и продав ее в Астрахани по 2 руб. 50 коп. за пуд. Через несколько дней из Кизляра в Астрахань астраханские и индийские купцы привезли новую партию марены в 400 пудов, оценив ее по 2 руб. 60 коп.⁹⁷ Для купцов экспорт марены сулил большие барыши. Они скупали ее у горцев и казаков за бесценок, а продавали втридорога.

§ 3. Русско-дагестанские торгово-экономические взаимоотношения в 30–40 гг. XVIII в.

Русско-дагестанские экономические взаимоотношения в 30–40 годы XVIII в. необходимо рассматривать в комплексе чрезвычайно сложных, разнохарактерных, но взаимосвязанных процессов, происходивших на Кавказе – объекте притязаний то шахского Ирана, то Османской империи, затем и России, которые в процессе развития тех или иных политических событий в регионе выступали то союзниками, то соперниками.

Невозможно полно осветить этот вопрос, не учитывая как внешне-политического положения России, которая в тот период решала стратегически важные для нее черноморский, польский и шведский вопросы, так и состояние ее внутривнутриполитической нестабильности, обусловленной послепетровскими дворцовыми переворотами и засильем в правительстве временщиков.

В 30-е годы XVIII в. внешнеполитическое положение Дагестана осложнилось. Надир-шах стал открыто притязать на Кавказ. В борьбу Ирана с Турцией за сферы влияния были втянуты владетели Дагестана.

Находясь в затруднительном положении из-за конфликта вокруг польского престола и под угрозой ирано-турецкого альянса на Кавказе, подогреваемого западно-европейской дипломатией, Россия вынуждена была ослабить свои позиции в Дагестане. Подписав в марте 1735 г. Гянджинский трактат, она перенесла свои границы сначала за Сулак, затем за Терек, создав в крепости Кизляр свой опорный пункт. Эти события объективно способствовали обострению соперничества Турции и Ирана за Кавказ. Вывод российских войск из Дагестана и нежелание попасть вновь под иранское иго усилило протурецкие настроения среди некоторых местных владетелей. Воспользовавшись этим, османы объявили Дагестан «в протекции» и отправили туда 80-тысячное войско крымских татар, что, по существу, и послужило поводом русско-турецкой войны 1735–1739 гг. Русское командование сделало все от него зависящее, чтобы не допустить продвижения по Северному Кавказу крымских войск. Народы Дагестана и Чечни тоже не оказали им такой поддержки, на какую рассчитывали в Стамбуле.

Тем временем Надир вновь заключил с Портой мирный договор и, развязав тем самым себе руки, усилил наступление на Дагестан, чем, говоря словами европейского дипломата, «желал продемонстрировать свою мощь России»⁹⁸.

Над Дагестаном нависла смертельная угроза; завоеватели, беспощадно истребляя по пути аулы, вторглись в Дагестан. Но перед угрозой физического уничтожения жестоким врагом горцы проявили беспримерный героизм, твердость духа и, как всегда в тяжелые для Дагестана времена, небывалую сплоченность. Мехтулинский владетель Ахмед-кади сообщал в Кизляр: «Все дагестанцы, от самых андийцев до авар, положили с прочими горскими народами намерение заодно и баталию с персиянами дать изготовились, однако ожидают российского войска»⁹⁹.

Обстановка в регионе изменилась: заметно возросла ориентация горцев на Россию, о чем свидетельствуют их обращения к российским властям¹⁰⁰. В своем донесении из Дербента В. Братищев писал буквально следующее: «Здесьшний народ всякого звания с вожделенною радостью пришествие российских сил ожидает, в уповании, яко бы тем способом от тиранских надыровых рук единожды избавиться мог»¹⁰¹. Правительство России, связанное Гянджинским трактатом с Надир-шахом и Белградским договором с Портой, не решалось оказать вооруженную помощь горцам Дагестана в их неравной борьбе с персами. Тем не менее, на протяжении всего этого периода оно не прекращало с большинством феодальных владений Дагестана как экономических, так и политических взаимоотношений. «Российские власти со своей стороны осторожно поощряли горцев к борьбе против Надира, снабжая провиантом, тайно обнадеживая в помощи через дипломатические каналы»¹⁰². В указе императрицы Елизаветы Петровны в 1742 г. верным России горским

владельцам постанавливалось выделять «сверх жалования в прибавок по 500 руб. в год», оказывать им тайную поддержку, «при всяких случаях пристойным образом по-прежнему ласкать и от протекции е.и.в. не отлучать... под оной искусным образом стараться содержать»¹⁰³. К кумыкским, кабардинским и чеченским владельцам были отправлены письма «в утверждении их в верности и тайно, под рукою сделаны были засылки к призыванию в верное и вечное подданство горских владельцев: шамхала, усмия и прочих, сходно с присланными прошениями их о том»¹⁰⁴.

Россией были предприняты и более решительные и действенные меры. В Кизляре, Астрахани и Царицыне войска были приведены в боевую готовность. На Терскую кордонную линию были стянуты с Волги и Дона новые войска¹⁰⁵. 2 тыс. донских казаков были переведены в Кизляр для оказания помощи «шаховым неприятелям, яко то лезгинцам, тавлинам и прочим..., дабы через то... противу шаха в лутчее одобрение оные прийти могли»¹⁰⁶. В Астрахани было начато строительство военного флота на Каспии. В октябре 1742 г. на Сулаке был учрежден и укомплектован войсками форпост, а «в Эндирее и Костеках поставлены команды. Зимой 1743 г. послано 2 тыс. человек в подкрепление сих команд и для обережения кумыкских деревень от нападений шаха» отправлен отряд войск¹⁰⁷. Эти шаги, предпринятые Россией, не могли не оказать отрезвляющего действия на «грозу вселенной» и несомненно способствовали стабилизации положения в регионе, а также благотворно сказались на настроении местного населения, поддерживая его готовность дать отпор агрессору.

Многочисленные безуспешные попытки Надир-шаха покорить Дагестан привели к полному разорению местного населения. С. Броневский, описывая состояние торговли на западном побережье Каспия в изучаемое время, сообщал, что беспрестанная политическая нестабильность в регионе «остановили или уничтожили все отрасли земледелия и промышленности народной... с уменьшением естественных произведений уменьшились рукоделие и торговля». Он также подчеркивал, что данное обстоятельство подорвало восточную торговлю России, сведя почти на нет все меры правительства Петра I, которые оно предприняло для налаживания торговли в регионе¹⁰⁸. «Какой здесь ... во всем недостаток и голод имеется, – писал в 1741 г. из Дербента русский резидент, – ... что ничего сыскать невозможно и обыватели претерпевают несносное изнурение ... дербентцев мужской и женской пол каждый день публично ломают и такое число с них провианта требуют, какова никогда поля и десятины их и в пять лет не приносили ... У дербентских обывателей жито (зерно – Е.И.) всякого звания на шаха отобрано, так что не токмо на прокормление им, но и на семена ничего не оставлено»¹⁰⁹. Современник свидетельствовал, что «в 1747 г. прекрасный город (Дербент – Е.И.) был ... весьма опустошен...»¹¹⁰. «Трудно описать словами несчастья, – со-

общал Д. Ханвей о Дербенте, – которые испытало это место..., когда Надир-шах лично выступил против лезгин. Мы видели следы скелетов лошадей и других животных, которые так и оставили валяться на улицах в разрушенных домах»¹¹¹. Иранские войска опустошили Джаро-Белаканские общества «...до такой степени, что не осталось почти никаких признаков бывшего народонаселения». Такое же положение сложилось во многих районах Дагестана. Табасаран, Кайтаг, Акуша – «все было разграблено и опустошено огнем и мечом», – писал А.-К. Бакиханов¹¹². Посевы сокращались, поля оставались необработанными. Отдельные отрасли сельского хозяйства, например, хлопководство, шелководство, были вообще заброшены. Участившиеся на дорогах разбои нарушали безопасность торговых путей. По свидетельству С. Броневского, «...Шах Надир ...разрушая все постановления народного права и все связи, совокуплявшие сию державу с прочими государствами, в то же время уничтожали торговлю в ее основаниях чрезвычайными поборами и беспрестанною войною»¹¹³. Все это, естественно, обусловило прекращение не только внутренней, но и внешней торговли в регионе. В Дербенте – крупнейшем торговом и ремесленном центре Северо-Восточного Кавказа, например, все лавки были пусты и во всех караван-сараях не было ни одного купца, а были расквартированы шахские воины, здесь же валялись трупы людей, которых никто не убирал¹¹⁴. Все это привело к тому, что и в войсках захватчика начался голод: не хватало продовольствия и фуража. «И почти не единые таковые провинции не осталось, в которой довольство во всяких вещах имелось, но везде генерально чрезвычайную дороговизну в необходимых надобностях, наипаче же в съестных припасах, всеконечное оскудение или самую нужду претерпевают»¹¹⁵, – сообщал И. Калушкин, русский резидент при Надир-шахе. Положение с продовольствием усугубилось, так как население, скрывавшееся в горах, не оставляло врагам ни единого зернышка. Шах в «пустых деревнях устоять не мог, как по причине несносного голода, от которого в войске его множество людей умирает... паче, что горские люди его всегда беспокоивать не перестают»¹¹⁶, – сообщал в ноябре 1741 г. И. Калушкин.

Учитывая сложившуюся обстановку с продовольствием в войсках Надир-шаха и используя это обстоятельство, кавказское командование предприняло запретительные меры для ограничения вывоза провианта и лошадей в порты Каспия, занятые персами. Как писал П.Г. Бутков, «...воспрещен выпуск съестных припасов к персидским портам Каспийского моря... равно и вывод в Персию и в горские места лошадей. Скупщики шаховы хотели покупать у андреевцов и костековцов и отправлялись туда... но кумыки столь высокие потребовали цены, чем шаха огорчили...»¹¹⁷. Скупщики и агенты Надир-шаха пытались произво-

дить закупки и у калмыков, но они из сочувствия к дагестанцам отказались поставлять персам лошадей и продукты¹¹⁸.

В архивных документах Кизлярского комендантского архива сохранилось множество данных того периода, отражающих эти события¹¹⁹. «Прошедшаго октября 29 дня (1741 г.) по присланному е.и.в. ...указу велено о непрогоне за границу и о непродаже лошадей и протчего скота около Кизляра и по всей границе крепчайшее учреждение учинить, дабы конечно оно было пресечено, а чтоб всякого звания подданные е.и.в. люди о том были известны...»¹²⁰, – говорится в одном из документов. В другом сообщается об «аресте» у Аксайского устья астраханского морского торгового судна «Санкт Иоан», которое прибыло по торговым делам из Астрахани в Кизляр, в Кизляре оно было нагружено товарами кизлярских жителей – индийских купцов, армян и тезиков для следования в Персию, но по распоряжению российского консула при Надиршахе Арапова было задержано¹²¹.

Шах вынужден оказался осуществлять поставки продуктов и фуража из уже обескровленных отдаленных персидских провинций. Все это несомненно усугубило положение шахских войск, они стали терять свою боеспособность, что объективно способствовало успехам горцев в их борьбе с захватчиками.

§ 4. Место торговых центров Северного Дагестана в русско-дагестанских экономических взаимоотношениях

Исторически в Дагестане существовал целый ряд торговых центров, игравших важную роль в экономической жизни народов Дагестана. В первой половине XVIII в. Эндирей – центр Эндирейского владения, наиболее влиятельного в Засулакской Кумыкии, где проживали не только кумыки, но и чеченцы, гуены, горские евреи, армяне и др. Экономика Эндирейского владения была довольно развитой. «Андреевские кумыки... не меньшую получают прибыль от сельского хозяйства... Они сеют пшеницу, ячмень, просо, кукурузу, сорочинское пшено, нарочито разводят хлопчатую бумагу, но шелк выделывают только для своего обихода*, рогатого скота и овец имеют в изобилии по причине до-

* С этим утверждением позволю себе не согласиться, т.к. архивные документы дают многочисленные данные, правда, II половины XVIII в., о довольно весомых поставках шелка-сырца и хлопка из Эндирея. Имеются также сведения П.Г. Буткова (Указ. соч. Ч.1. С.159–160) о планах России выделить подходящие угодья в Эндирейском владении для разведения шелка, которые также говорят в пользу того, что в этом владении данная отрасль была не в новинку. Этнографический материал по Засулакской Кумыкии также подтверждает тот факт, что здесь не только вы-

вольства в пажитях»¹²². Большую роль в экономической жизни эндирейцев играла такая отрасль, как добыча и разведение марены. Судя по архивным документам, поставки марены из Эндирея в Кизляр к середине XVIII в. были значительными, пожалуй, самыми значительными в сравнении с другими пунктами, традиционно поставлявшими марену на российский рынок¹²³. Вероятно, это было связано с политическими событиями в регионе, а также с тем, что часть марены уходила через Дербент в Персию или морем в Россию. Экономические интересы кизлярского купечества и эндирейских феодалов тесно переплетались, что подтверждается архивным материалом. Часто наблюдается ссужение (причем с обеих сторон) деньгами. Так, некий кизлярский делец из грузин Тамаза имел на «кандреевском владельце Айдемирове долговых денег, для взъискания которых Тамазе пришлось прибегнуть к захвату барамты»¹²⁴. Немаловажную роль в их экономике играла и торговля: «... сверх того промышляют перевозкою для продажи в Кизляре дров, строевого леса, кольев для виноградных садов, съестных припасов ... получают прибыль и от продажи своих произведений в Кизляре...»¹²⁵.

Эндирей являлся одним из древних ремесленных центров Засулакской Кумыкии; славился он своими оружейниками, кузнецами. Для подобного промысла необходим был металл. Металл они покупали в русских городах. 6 ноября 1724 г. указом Сената было «дозволено комиссару Демидову вывозить в Астрахань, Дербент ... и прочие сибирское его железо для домашнего употребления жителей», – сообщал П.Г. Бутков¹²⁶. Поступал в Дагестан металл и европейского происхождения.

Трудно переоценить роль Эндирея как центра международной транзитной торговли, с одной стороны, и центра русско-дагестанских торгово-экономических контактов, связующего звена между Россией и нагорным Дагестаном, – с другой. Через Эндирей кизлярское купечество связывалось с Салатавией, Гумбетом, Анди, Ботлихом. Отсюда кизлярские купцы ездили в глубь дагестанских гор, в «тавлинские деревни». Их не задерживали ни трудности в пути, ни незнание языков, ни многочисленные пошлины, взимаемые владетелями, по чьей территории они проезжали, ни частые грабежи, случавшиеся в пути. Чтобы обезопасить себя и свои товары от всяких случайностей, купцы прибегали к покровительству местных феодалов и «торговлю производили ... в надежде заведенных конаков или знакомцев»¹²⁷. Я. Лерх сообщал: «Сие заслуживает внимание, что наши купцы, кои разумели татарский язык, одни могли ездить с товарами далеко в горы без всякой опасности. Сперва свели они знакомство с татарами, кои в Кизляр приезжают для торговли, и называются канаками, то есть братьями; когда они токмо

рацивались коконы, но и производилась дальнейшая обработка шелка-сырца (Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.79).

сведут дружество, то и могут с таковым конаком ехать даже до его деревни; и когда пожелает ехать далее, то сей дает другаго канака, коему он может поверить»¹²⁸.

В Эндирее кизлярское купечество имело свои лавки. «Кроме некоторых мечетей, пространные у реки лавки и удобные караванные сараи служат украшением сему городу»¹²⁹, – сообщал немецкий ученый Я. Рейнеггс об Эндирее. Отсюда через Кизляр вывозилось такое важное для России сырье, как корень марены.

В Эндирей каждую пятницу съезжались горцы почти со всего Северного Кавказа. Здесь совершались крупные торговые операции между народами региона. Эндирей вел обширную торговлю с Черкесией, Чечней, Кабардой и даже с Крымом. Через него часть товарной продукции этих народов включалась в международную транзитную торговлю, часть поступала на рынок Кизляра, часть шла на нужды эндирейцев. В Эндирее можно было купить не только продукты и изделия, изготовленные местными жителями, но и привезенные из горных аулов Дагестана кубачинское оружие, глиняную посуду, ковры, паласы, горское тонкое сукно и т.п.¹³⁰ Кроме того, в Эндирее можно было купить «живой товар» – ясырей. Здесь велась довольно бойкая работоторговля, являвшаяся одной из доходных статей для дагестанских феодалов, а также для кабардинских, перепродававших рабов в Турцию и Персию¹³¹.

Суммируя все вышесказанное, можно заключить, что Эндирей первой половины XVIII в. не только важнейший рынок сбыта продукции многих регионов Дагестана, но и партнер и посредник русско-дагестанской торговли, одно из крупнейших селений Засулакской Кумыкии с обширной местной торговлей.

Вторым по своему значению центром осуществления русско-дагестанских торгово-экономических контактов в Засулакской Кумыкии являлось сел. Аксай – резиденция феодальных владетелей, обособившихся от эндирейских и ставших на путь самостоятельного развития в конце XVII в.¹³²

Как сообщали Петру I его сподвижники, посланные для обследования западного побережья Каспия, хлопок выращивался «во владениях султана Аксайского», где он рос «в великом множестве»¹³³. Хлопок являлся одним из важнейших объектов экономических интересов России в Дагестане. Сам Аксай, находясь в непосредственной близости к границам Российского государства, будучи расположенным на торговой магистральной, которая проходила через Кизлярский перевоз, позже через Кизляр, играл немаловажную роль в развитии товарооборота в регионе. Как сообщал Я. Рейнеггс, «Посреди сего местечка (Аксай – Е.И.) стоит весьма пространный рынок со множеством лавок для армянских купцов, в великом множестве здесь торгующих»¹³⁴. Армянские торговцы обслуживали торговлю в этом регионе и обитали в Аксае с давних времен. В

Аксае торговали не только привозными из России или восточными товарами, но и перекупленными или привезенными с гор или других регионов Северо-Восточного Кавказа¹³⁵. «Сверх скотоводства, в коем жители упражняются, ...находятся между ими кузнецы или другие ремесленные люди... Земледелие около Яксай с нарочитым успехом производится и почти одно сие место снабждает потребным хлебом город Андрие. Сады также в небрежении у них не остаются, ибо в них капуста, репа и другие земные плоды в великом множестве рождаются...»¹³⁶, – писал Рейнеггс.

В изучаемое время Аксай выступает в роли торгового центра, где осуществлялись русско-дагестанские торгово-экономические контакты, в то же время он посредничает в торговле России с народами Северо-Восточного Кавказа, так как «производимой в оном торг привлекает туда многих соседственных чеченцов...»¹³⁷ и других народов региона. С другой стороны, в Аксае продукция местных ремесленников, а также различное сырье включалось и в международную транзитную товарооборот, на рынке Аксай оседали предметы восточной торговли. В сообщении одного из авторов XIX в. утверждалось, что «Эндирей еще лет 170 тому назад представлял собою азиатский город с многочисленным населением и обширную торговлю. Разрушенный в 1722 г. сподвижниками Петра Великого... он оказался бессильным восстановить после того свое значение, и это значение с течением времени перешло к аулу Аксай...»¹³⁸. Нам это утверждение представляется несколько спорным, по крайней мере относительно XVIII в., так как, судя по архивным документам, удельный вес товаров и сырья, вывозимых из Эндирея в Кизляр к середине XVIII в. намного выше аксайских.

Опираясь на сведения архивных документов и известия современников, можно утверждать, что в первой половине XVIII в. усиливается русско-дагестанское экономическое взаимовлияние. Терки, крепость Святого Креста позже Кизляр оказывали огромное влияние на развитие производительных сил региона. Архивные документы дают нам сведения о многочисленных работных людях, «отпущенных от Кизляра на Аксай для ловли рыбы и привозу к Кизлярской крепости»¹³⁹. В регистрационном журнале указывается места, откуда эти работные люди происхождением – из различных областей России, с Дона. Ремесленники из Аксай поселяются в казачьих городках для «работы кузнечного мастерства»¹⁴⁰. В письме аксайского владельца Ахматханова Каплангирея от 1756 г. говорится: «До сего времени наши люди ездили в казачьи городки для торговли, когда они нуждались в рыбе, осетре и прочих товарах...»¹⁴¹.

Все вышеизложенное позволяет нам сделать вывод, что в изучаемое время Аксай и Аксайское владение приобретает все большее экономи-

ческое значение в русско-дагестанских взаимоотношениях, становясь одним из узловых пунктов этих взаимоотношений.

В Северном Дагестане одним из известных торговых центров был Костек. «На левом берегу реки сей (Койсу) лежит в разсуждении хорошего своего положения славная деревня Кусти, или Костец, в которой считается 800 дворов... Оное место в разсуждении земледелия и скота весьма изобильно, сверх того находится в нем весьма выгодная рыбная ловля, почему и жители ведут жизнь весьма благополучно...»¹⁴², — сообщал о Костеке XVIII в. Я. Рейнегс. По данным «Тарихи Дербентнаме», Костек платил ясак (подать шамхалу) только рыбой. Таким образом рыболовство и в первой половине XVIII в. было одной из статей дохода костекских владельцев. В Кизлярском комендантском архиве отложились документы, где сообщаются сведения о спорах между эндирейскими и костекскими владельцами из-за рыбных угодий на Койсу, которые то теми, то другими отдавались на откуп российским предпринимателям¹⁴³. С. Броневский же сообщал, что «Андреевские и Костековские владельцы равномерно отдают рыбные ловли свои... армянам и российским промышленникам и получают из того изрядный доход. ... Река Койсу изобилует рыбою, в оной ловятся осетры, севрюги, лосося, карпы, шерех и проч. ...»¹⁴⁴. Как известно, в Костекском владении разводили хлопок, рис, добывали марену, достаточно много выращивали хлеба; все это поставлялось на рынок крепости Святого Креста, позже — в Кизляр. Закупали же там металлы, русские и европейские ткани, чай, сахар и т.п. Через Костек проходила дорога из Кизляра в Тарки. Естественно, Костек в торговом отношении уступал Эндирею и Аксаю, но, судя по архивным документам, играл немаловажную роль в осуществлении русско-дагестанских торгово-экономических контактов. Здесь также имелись лавки кизлярских армян, комиссионеры крупных российских предпринимателей скупали марену, хлопок, поставляя «потребные вещи» в Костек¹⁴⁵.

И.Л. Омельченко в своем исследовании «Терское казачество» показывает тесное экономическое взаимодействие терского казачества и горских народов Северо-Восточного Кавказа. Товарное зерно на рынках региона, — пишет он, — появлялось крайне редко. Недостаток зерна казаки восполняли закупками у горских народов. Торг этот происходил в форме обмена на товары своего производства. Так, в 1746 г. 9 казаков из Курдюковской станицы были направлены в «Аксевскую деревню» за хлебом на 9-ти лошадях с арбами, а для мены на каждой арбе по 100 севрюжьих спинок и по три кулька икры¹⁴⁶.

Приходили с хлебом в терские станицы и сами горцы. Например, архивный документ 1746 г. сообщает, что кизлярский комендант сетовал на то, что кордонная линия постоянно нарушается горцами, которые «ходят с хлебом для мены», не по настоящим дорогам, а через казачьи

огороды¹⁴⁷. Нам кажутся небезынтересными и сведения следующего архивного документа 1750 г., свидетельствующего о прогрессивности хозяйственного взаимодействия, обмена производственным опытом различных представителей полиэтничного населения притеречного региона. Здесь сообщается о том, как кизлярские тезики, приехав из крепости Святого Креста в Кизляр, где хлеб в те времена был очень дорог, стали сеять пшеницу. До них этого там никто не делал, а «теперь все здешние жители довольствуются хлебом», выращенным ими на Бекетее. Выращивали они и «сорочинское пшено»¹⁴⁸.

Ремесло и ремесленное производство в среде казаков было развито очень слабо, а особенно ремесло, связанное с обработкой металла. Для этой цели они пользовались услугами ремесленников-горцев, которые были в казачьих станицах желанными гостями. В архивных документах очень часто встречаются сообщения о приглашениях и приездах в станицы горских умельцев-ремесленников. В 1746 г., например, в станицу Каргалинскую прибыли из Костека два кузнеца «для делания казгырей, топоров и протчего»¹⁴⁹. Они занимались не только изготовлением сельскохозяйственного инвентаря, но и ремонтом и изготовлением оружия: ружей, сабель, ножей.

Терские казаки постоянно приобретали у местных народов строевых лошадей и арбы. Отсутствие у казаков развитого ремесла вынуждало их пользоваться повозками, сделанными горским мастером. Для закупки повозок они выезжали в горские селения и там приобретали их для нужд всей станицы¹⁵⁰.

Терские казаки, по свидетельству архивных материалов, в первой половине XVIII в. поставляли для мены с горцами: соль, рыбу, икру, а получали мед, воск, хлеб, просо, ткани и одежду.

Судя по имеющимся архивным данным и сообщениям письменных источников, в первой половине XVIII в. в русско-дагестанских торговых отношениях товарно-денежная форма приобретает все большее значение. Причем, имели хождение деньги различных денежных систем. Для подтверждения данного тезиса мы приведем сведения одного из архивных документов — письмо канабурского¹⁵¹ владельца Эльдара к кизлярскому коменданту, датированное 1738 г., где сообщается буквально следующее: «... Со стародавних времен доселе от нас не случалось ни единого вреда подданным купцам, путникам русского падишаха, о чем Вам известно, и впредь не будет случаться... Армянин по имени Папа, когда /он/ находился в сел. Унсукал, приняв на себя обязательство о том, что якобы отдаст нам пшеницу, взял от нас 90 золотых монет... — /в размере/ девяносто сомов (турецкая денежная единица). Вопреки своему обязательству, оказавшись лжецом, он убежал от нас ... в Кизляр-калу, ... Теперь необходимо, ибо /вы/ являетесь комендантом крепости ... отобрать долг ... Кроме упомянутых 90 золотых, он ... еще взял /у нас/ 60 аббасы

персидскими деньгами за соль, отдал же соли на 35 аббаси»¹⁵². Также в обращении были дербентские, шемахинские, российские и другие монеты.

В тех же случаях, когда при заключении торговых сделок деньги не участвовали в деле, «они все же непременно присутствовали в функции меры стоимости», т.е. даже в случае натурального обмена он производился в пересчете на деньги, обмен товарами происходил исходя из цены (денежного выражения стоимости) каждого товара¹⁵³.

В торговлю постепенно вовлекались все слои населения (феодалы, крестьяне, ремесленники); имелся уже и немногочисленный слой жителей, хотя и связанных с сельским хозяйством, но имевших своим ведущим промыслом торговлю. В таких же крупных торговых центрах Дагестана как Дербент, Тарки, Эндирей существовала к этому времени и довольно значимая прослойка общества из собственно торговцев. Большую роль в русско-дагестанских торгово-экономических отношениях продолжало играть иностранное купечество, а также купцы из армян, грузин, евреев – российских подданных. Нагорный Дагестан вступал в торговые отношения с Россией в сравнение с низменной частью в меньшей степени и через посредство Дербента, Тарки, Эндирея, Аксая.

Дагестан в 20-х годах XVIII в. в планах кавказской политики России занимал одно из ведущих мест. Его природные ресурсы, важное стратегическое положение занимали экономические и политические интересы кавказской политики России. Присоединение Прикаспия к России дало большой импульс к дальнейшему развитию русско-дагестанского торгово-экономического взаимовлияния. Мероприятия правительства Петра I по оживлению торговли в регионе сыграли свою роль. Немаловажное значение в этом придавалось Дербенту, а также вновь построенной крепости Святого Креста. Через эти торговые центры как морем, так и сушей из России в Дагестан поступал широкий ассортимент товаров. Через них в Россию шли товары из внутреннего Дагестана. Продолжало расти русское население на Тереке за счет не только казачества, но и торговцев и различных работных людей и промысловиков.

С переносом южных границ России за Терек и упразднением крепости Святого Креста на древней международной сухопутной транзитной трассе, связующей Европу и страны Востока возникает г. Кизляр, который сразу же был призван играть важную роль как в политической, так и экономической жизни не только Дагестана, но и всего Северо-Восточного Кавказа. В первой половине XVIII в. на развитие экономики региона продолжают оказывать влияние такие центры внутренней и внешней торговли Дагестана как Эндирей, Аксай, Костек. Русско-дагестанское торгово-экономическое интегрирование этого периода, несмотря на политическую нестабильность в регионе, продолжало неук-

лонно развиваться, что отвечало жизненным интересам как России, так и Дагестана.

¹ Подробно см.: Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С.98–109; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М.: Наука, 1991. С.38–55.

² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.110.

³ Там же. С.102.

⁴ Цит. по кн.: Сотавов Н.А. Указ. соч. С.59.

⁵ РДО, 1958. С.244–246.

⁶ Подробно см.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.110–119.

⁷ Соловьев С.М. Сочинения. Кн. IX. История России с древнейших времен. Т.18. М.: Мысль, 1993. С.369.

⁸ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX в. Сборник документов. М.: Наука, 1988 (Далее – РДО, 1988). С.6.

⁹ Подробно см.: Лысцов В.П. Персидский поход Петра I 1722–1723 гг. М., 1951.

¹⁰ Подробно см.: Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. // Русско-дагестанские отношения в XVI–XIX вв. Махачкала, 1988. С.66–83.

¹¹ Голиков И.И. Деяния Петра Великого, мудраго преобразителя России, собранныя из достоверных источников и расположенныя по годам. М., 1789. Ч. VIII. С.254.

¹² ИГЭД. С.86.

¹³ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера «Описание стран и народов между Астраханью и рекой Курой находящихся» как исторический источник по истории народов Кавказа. М.: Наука, 1979. С.221.

¹⁴ Голиков И.И. Деяния... С.257.

¹⁵ Бель Д. Белевы путешествия через Россию в разные Азиатские земли, а именно в Испаган, в Пекин, в Дербент и Константинополь. Пер. с франц. СПб., 1776. Ч. I. С.177.

¹⁶ Гаджиев В.Г. Роль России... С.120.

¹⁷ Соймонов Ф. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваниях // Ежемесячные сочинения и известия о ученых делах. СПб., 1763, январь. С.183.

¹⁸ Голиков И.И. Деяния... С.257.

¹⁹ Соймонов Ф. Описание Каспийского моря... С.183.

²⁰ Лысцов В.П. Указ. соч. С.41–42.

²¹ Голиков И.И. Деяния... С.258.

²² РДО, 1958. С.295–296.

²³ Там же. С.275.

²⁴ Бель Д. Указ. соч. С.174.

²⁵ ИГЭД. С.86.

²⁶ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.278. Л.223.

²⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.5. Л.95 об–102.

²⁸ Шихсаидова Р.С. Материалы фонда «Кизлярский комендант» как источник для изучения дагестано-закавказских торговых взаимоотношений в XVIII – нач. XIX вв. // Источниковедение истории Дагестана: Сб. статей. Махачкала, 1987. С.97, 98; ЦГА РД. Ф.18. Оп.1. Д.31. Л.44 об, 34, 78, 79.

²⁹ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.278. С.200–201.

³⁰ Кушева Е.Н. Торговля Москвы в 30–40-х годах XVIII в. // Исторические записки. М.: Изд-во АН СССР, 1947. Т.23. С.68.

- ³¹ Гаджиев В.Г. Роль России... С.107.
- ³² См.: Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в. Из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988. С.52–53.
- ³³ Там же. С.102.
- ³⁴ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.278. Л.200.
- ³⁵ Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в (по мат. Астраханской таможни): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1971. С.26.
- ³⁶ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. Вып.1. С.80–81.
- ³⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.3952. Л.109; Д.3933. Л.95, 97.
- ³⁸ О ремесленном производстве в Дербентском ханстве см.: Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998. С.107–136.
- ³⁹ Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII – I пол. XVIII вв.) // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. научных сообщений. Махачкала, 1974. Вып. V. С.163.
- ⁴⁰ Там же. С.162.
- ⁴¹ Юхт А.И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. №3. С.139.
- ⁴² Там же; См. также: Магомедов Н.А. Указ. соч. С.154.
- ⁴³ См.: Иноземцева Е.И. Роль армянского купечества в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений в XVIII в. // Иран и Кавказ: Труды кавказского центра иранистики. Тегеран, 1998. Т.2. С.8.
- ⁴⁴ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.68.
- ⁴⁵ Цит. по кн. Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.68.
- ⁴⁶ Голиков И.И. Деяния... С.266–267; О строительстве крепости Святого Креста см. подробно: Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.68–70.
- ⁴⁷ Гаджиев В.Г. Роль России... С.118.
- ⁴⁸ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.77–78.
- ⁴⁹ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.70–71, 73.
- ⁵⁰ РДО, 1958. С.295.
- ⁵¹ ИГЭД. С.63.
- ⁵² ЦГА РД. Ф.382. Оп.1. Д.22. Л.18–22, 24; Д.25. Л.1–5, 30–32; Д.26. Л.5, 127.
- ⁵³ Там же. Д.30. Л.9; Д.33. Л.8.
- ⁵⁴ Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII в. С.26–27.
- ⁵⁵ Там же. С.25.
- ⁵⁶ Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане (конец XVII – I пол. XVIII вв.). С.162; Голикова Н.Б. Очерки по истории городов России конца XVII – начала XVIII вв. М., 1982. С.128; Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в. // Историческая география России XVII – нач. XX в. М.: Наука, 1975. С.178.
- ⁵⁷ Голикова Н.Б. Указ. соч. С.116.
- ⁵⁸ Юхт А.И. Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в. ... С.178.
- ⁵⁹ Гаджиев В.Г. Сочинение Гербера... С.67.
- ⁶⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.8. Л.112 об.
- ⁶¹ Там же. Д.9. Л.52–98.
- ⁶² Там же. Д.5. Л.100.
- ⁶³ Куканова Н.Г. Русско-иранские торговые отношения // Изв. 1956. Т.57. С.253.
- ⁶⁴ Бутков П.Г. Указ. соч. С.507.

- ⁶⁵ Куканова Н.Г. Указ. соч. С.253.
- ⁶⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. С.160.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V – середина XIX в. Ростов, 1984. С.80–81.
- ⁶⁹ См.: Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом. Тбилиси, 1968. Ч.1. С.76.
- ⁷⁰ Там же. С.77.
- ⁷¹ Там же. С.78.
- ⁷² Гаджиев В.Г. Роль России... С.124.
- ⁷³ Бушев П.П. Беспощинная торговля русских купцов в Иране в 1732–1747 гг. // Иран. История и культура в средние века и в новое время. М.: Наука, 1980. С.78.
- ⁷⁴ Тарихи Кызыларкала. Введение, перевод, комментарии Г.М.-Р.Оразаева // Шихсаидов А.Р., Айтберов Т.М., Оразаев Г.М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М.: Наука, 1993. С.239.
- ⁷⁵ Васильев Д. Загадка старого Кизляра // ВИД. Махачкала, 1974. Вып.1. С.49.
- ⁷⁶ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.3. Оп.1. Д.278. Л.222.
- ⁷⁷ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие притеречных районов в XVIII – I пол. XIX вв. // Труды ЧИНИИ ИЯЛ. Грозный, 1961. Т.4. С.289.
- ⁷⁸ Феодаева Ф.З. Кизляр – экономический и административный центр России на Северном Кавказе в XVIII в. // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: тезисы докладов. Махачкала, 1980. С.82.
- ⁷⁹ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала, 1986. С.82.
- ⁸⁰ Там же. С.82–83.
- ⁸¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.III. С.56.
- ⁸² Васильев Д.С. Указ. соч. С.85–86.
- ⁸³ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.165.
- ⁸⁴ Васильев Д.С. Указ. соч. С.83.
- ⁸⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.29. Л.82; Д.44. Л.73; Д.111. Л.80; Д.245. Л.104.
- ⁸⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. С.157.
- ⁸⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.245. Л.104.
- ⁸⁸ Там же. Д.44. Л.73.
- ⁸⁹ Там же. Д.5. Л.8.
- ⁹⁰ Там же. Д.111. Л.80.
- ⁹¹ См.: Кафенгауз Б.Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. (по материалам внутренних таможен). М., 1958. С.145–171.
- ⁹² Киласов Р.К. Русско-дагестанские экономические отношения последней четверти XVII – первой половины XVIII вв. ... С.31–33.
- ⁹³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.259. Л.49–53.
- ⁹⁴ Киласов Р.К. Из истории торговли в Дагестане... С.164–167.
- ⁹⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.44. Л.7.
- ⁹⁶ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа... С.96.
- ⁹⁷ Там же. С.96.
- ⁹⁸ РДО, 1988. С.10.
- ⁹⁹ Цит. по кн.: Сотавов Н.А. Указ. соч. С.101.
- ¹⁰⁰ Гаджиев В.Г. Роль России... С.133; Левиатов В.Н. Очерки по истории Азербайджана в XVIII в. Баку: Изд-во АН Азерб.ССР, 1948. С.110.

- ¹⁰¹ Цит. по кн.: Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. М., 1958.
- ¹⁰² Сотавов Н.А. Указ. соч. С.107.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. С.223.
- ¹⁰⁵ Гаджиев В.Г. Роль России... С.132.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Цит. по кн.: Сотавов Н.А. Указ. соч. С.107.
- ¹⁰⁸ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Т.1. С.202–203.
- ¹⁰⁹ Бутков П.Г. Указ. соч. С.209–210.
- ¹¹⁰ Цит. по кн.: Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965. С.114.
- ¹¹¹ Там же. С.114.
- ¹¹² Бакиханов А.К. Гулистан-и Ирам / Ред., комм., прим. и указатели акад. З.М.Буниятова. Баку: Изд-во Элм, 1991. С.148.
- ¹¹³ Броневский С. Указ. соч. Т.1. С.206.
- ¹¹⁴ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Указ. соч. С.235.
- ¹¹⁵ АВВР. Ф.Сношения России с Персией. Оп.77/1. Д.6. 1740 г. Л.556.
- ¹¹⁶ Там же. Л.468 об.
- ¹¹⁷ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.1. С.212.
- ¹¹⁸ Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Указ. соч. С.235.
- ¹¹⁹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.517. Л.107, 108; Д.480. Л.69; Д.732. Л.65; Д.1172. Л.65; Д.1183. Л.19.
- ¹²⁰ Там же. Д.13. Л.21.
- ¹²¹ Там же. Д.13. Л.2.
- ¹²² Броневский С. Указ. соч. Т.П. С.100.
- ¹²³ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.47; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.750.Л.3, 12, 18, 28, 33, 40; Д.884. Л.12; Д.873. Л.3, 4, 64; Д.915. Л.1–4, 15–17, 19–20, 25, 36, 47, 61, 63–64; Д.881. Л.70.
- ¹²⁴ Умаханов М.-С. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С.28.
- ¹²⁵ Броневский С. Указ. соч. С.200.
- ¹²⁶ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч.3. С.26.
- ¹²⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.590. Л.19, 20.
- ¹²⁸ Лерх Я. Новые ежемесячные сочинения. Часть XLVIII. Месяц июнь. 1790. С.87.
- ¹²⁹ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С.255.
- ¹³⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.915. Л.45; Д.681. Л.36; Д.710. Л.68.
- ¹³¹ Броневский С. Указ. соч. Ч.П. С.197; Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горских областей. 1812 г. // ИГЭД. С.240, 242; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией в XVI–XVII вв. М., 1963. С.51; Иноземцева Е.И. Из истории торговли «живым товаром» в Дагестане в XVII – нач. XIX вв. // Иран и Кавказ: Труды Кавказского центра иранистики. Тегеран, 2000. Т.3–4. С.147–152.
- ¹³² Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С.49.
- ¹³³ Лысцов В.П. Указ. соч. С.32.
- ¹³⁴ Дагестан в известиях... С.255.

- ¹³⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.710. Л.12, 40.; Д.722. Л.68; Д.1183. Л.61.
- ¹³⁶ Дагестан в известиях... С.255.
- ¹³⁷ Буцковский А.М. Указ. соч. С.242.
- ¹³⁸ Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа. СПб., 1895. С.229.
- ¹³⁹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.8. Л.83 об.
- ¹⁴⁰ Там же. Д.854. Л.78.
- ¹⁴¹ Там же. Д.354. Л.73; Оразаев Г.М.-Р. Тюрко-язычные документы фонда «Кизлярский комендант». Часть – Источники по торгово-экономическим отношениям. Махачкала, 1981; РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.1. Д.381. Л.30.
- ¹⁴² Дагестан в известиях... С.255.
- ¹⁴³ Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных... С.34; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.595. Л.34, 63, 68, 74.
- ¹⁴⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч.П. С.201.
- ¹⁴⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1146. Л.1,2.
- ¹⁴⁶ Омельченко И.Л. Терское казачество. Владикавказ: Изд-во «Ир», 1991. С.172.
- ¹⁴⁷ Там же. С.242.
- ¹⁴⁸ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.203. Л.67; Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычные документы из архива кизлярского коменданта – источник по социально-экономической истории народов Северного Кавказа // Источниковедение и текстология средневекового Ближнего и Среднего Востока. М.: Наука, 1984. С.181.
- ¹⁴⁹ Омельченко И.Л. Указ. соч. С.235.
- ¹⁵⁰ Там же. С.240.
- ¹⁵¹ Канабур – селение в 1,5 агача от Тарков (ИГЭД. С.30, 57).
- ¹⁵² Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычные документы фонда «Кизлярский комендант» // РФ ИИАЭ. Ф.3. Оп.1. Д.391. Л.17–18.
- ¹⁵³ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси: Изд-во «Мецниереба», 1968. Ч.1. С.54–55.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ИЦ РАН**

instituteofhistory.ru

ГЛАВА III.

ПРОБЛЕМЫ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.

§ 1. Расширение и укрепление русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов

Все народы и этнографические группы Дагестана входили в состав различных феодальных объединений: Эндирейского, Аксайского, Костекского владений, шамхальства Тарковского, уцмийства Кайтага, майсумства и владения кадия Табасарана, ханств Аварского, Мехтулинского, Казикумухского, Дербентского, а также нескольких десятков аварских, даргинских и лезгинских союзов сельских общин, между которыми существовали и развивались непрерывные и многообразные экономические связи. В зависимости от естественно-географического фактора и уровня социально-экономического развития эти связи имели форму то натурального обмена, то товарно-денежной торговли. На Кумыкской равнине и в Приморском Дагестане, где находилось много крупных торговых центров, торговля имела непрерывные вековые традиции; здесь проходила трасса международного торгового пути, по которому шла крупномасштабная торговля в товарно-денежной форме. И высокогорье, где торгово-экономические отношения осложнялись как естественно-географической труднодоступностью, так и политической раздробленностью населения.

Дагестан во второй половине XVIII в. довольно часто превращался в арену междоусобных войн, в которые в той или иной степени оказывались вовлеченными все крупные владетели. Одной из таких междоусобиц явилась борьба за власть в шамхальстве Тарковском, начавшаяся после смерти бездетного шамхала Хасбулата, между родственниками покойного: его двоюродным братом Мехти и племянником Тишсиз Бамматом¹. Эта борьба разгоралась не сразу. Каждая из сторон стремилась найти себе союзников среди дагестанских владетелей и заручиться их поддержкой.

В то же время Дербентское ханство, раздираемое противоречиями, находилось в тяжелом положении. Этой обстановкой умело воспользовались правящие круги Кубинского ханства, стремившиеся овладеть Дербентом². Это, несомненно, вызвало беспокойство соседних дагестанских владетелей, не желавших допустить усиления Кубинского ханства. Правитель уцмийства Кайтагского Амир-Гамза сам не прочь был

овладеть Дербентом, но другие соседние владетели не желали этого. В этих условиях кубинскому Фатали-хану и его окружению удалось с помощью вооруженных сил своих союзников, а также при поддержке части феодалов самого Дербента и значительных слоев торгово-ремесленного населения в ноябре 1759 г. занять Дербент. Вскоре после этих событий началась борьба между шамхалом тарковским Муртузали и казанищенским Тишсиз Бамматом. Междоусобицы в Дагестане приняли затяжной характер, вовлекая все новых участников³. Причем, с изменением обстоятельств, состав коалиций дагестанских владельцев резко менялся, и сегодняшние союзники завтра становились кровными противниками. Во время этих столкновений обе стороны действовали одинаково: угоняли в плен людей, сжигали селения, вытаптывали посевы, вырубали сады, захватывали скот. Особенно сильно в период этой борьбы пострадали Тарки, жители которого, по признанию кизлярской администрации, были доведены до полного разорения⁴. Неся нищету и голод народным массам, разрушая производительные силы и мешая развитию торговли, междоусобица губительно отражалась на хозяйственной жизни горцев. О больших трудностях, которые претерпевала торговля, об участвовавших в этот период нападениях на купцов, о грабежах торговых караванов, о произвольном повышении пошлин на привозимые товары сообщалось в письмах купцов на имя кизлярского коменданта⁵. Владетели, по территории которых проезжали купцы с товарами, гарантировали безопасность только в том случае, если последние нанимали за плату провожатых. При этом владетели в случае грабежа обязаны были разыскать и вернуть ограбленное. В противном случае никто не нес ответственность и, возможно, что люди самого владетеля могли совершить акт ограбления.

Не только на территории шамхальства Тарковского, но и на территории соседних ему владений в эти годы было опасно передвигаться. Не случайно кизлярский комендант сообщал астраханскому губернатору, что «от Дербента до российских границ езда ... весьма опасна»⁶.

Эта борьба на территории Дагестана привлекала пристальное внимание Турции, Ирана и России и осложняла отношение Петербурга со Стамбулом и Бахчисараем⁷. Каждая из сторон имела свои планы не только на Дагестан, но и на весь Кавказ, что, как отмечает Ф.З. Феодаева, заставляло их «с большой настороженностью следить за действиями друг друга»⁸. Российское правительство в этих обстоятельствах стремилось расширить сферу своего политического влияния и обеспечить безопасность торговли в Дагестане и через Дагестан с Востоком, рассматривая расширение торговых отношений с горцами Дагестана как одно из средств распространения своего политического влияния среди них. В этот период правящие круги проводили гибкую политику переговоров, компромиссов, укрепления экономических связей. В целях привлечения

на свою сторону представителей феодальной знати Дагестана, кизлярская администрация употребляла всевозможные средства. Для этого использовалось денежное жалованье, пожалование чинов. Из денежных сумм, находившихся в распоряжении кизлярского коменданта, часть выделялась для вручения дагестанским владетелям и приобретения для них подарков⁹.

Российское государство было заинтересовано в сохранении мира на Кавказе, в укреплении экономических и политических связей с народами региона. Поэтому российское командование пыталось делать все, чтобы «приобрести привязанность» горских народов Северо-Восточного Кавказа»¹⁰.

Для усиления пророссийской ориентации среди местного населения Северо-Восточного Кавказа использовались переселения осетин и ингушей на равнину, покровительство подвластным кумыкских князей, бежавшим от своих притеснителей. «Для укрепления Кизлярского края» Сенат считал целесообразным поощрять переселение «...всякой нации людей, то есть чеченцев, кумык и других из горских народов и ногайцов, креститься желающих ..., а для размножения шелку и мануфактур ...селиться и всех христианских наций людям...»¹¹.

В это же время было принято решение о постройке крепости Моздока. Так была заложена основа новой Кизлярско-моздокской линии, которая должна была содействовать укреплению позиций России в регионе.

Создание Моздокско-Кизлярской пограничной линии вплотную приблизило границу России к территории расселения горцев Северо-Восточного Кавказа, тем самым были резко ограничены возможности крымского хана влиять на местное население¹². Развязанная Османской империей русско-турецкая война 1787–1791 гг. также завершилась поражением османов. Ясский мирный договор 1791 г. подтвердил условия Кючук-Кайнарджийского договора, признавая присоединение к России Крыма и Северного Кавказа¹³. Политика России в тот период в отношении горских народов была определена указом Екатерины II от 28 февраля 1792 г. В нем подчеркивается, что не «единою силою оружия... побеждать народы, в неприступных горах живущие... но паче правосудием и справедливостью» приобретать «их к себе доверенность, кротостию смягчать, выигрывать сердца и приучать их более обращаться с русскими». Кавказскому командованию вменялось в обязанность строго следить, чтобы от русских подданных «не было чинено ни малейшее притеснение и обиды горцам...»¹⁴. Специальным указом Екатерина II повелевала кавказскому ген.-губ. Гудовичу добиваться «приверженности шамхала, хана дербентского, хана аварского, владельца казикумыцкого» и др., а «для того всех их обнадежить покровительством России», для чего «употреблять всевозможные средства», внушая им «какое обо-

гащение, пользы и выгоды последовать могут им и подданным их от спокойного владения и торговли с россиянами, которой покровительствовать и поощрять паче всего нужно» (подчеркнуто мною – Е.И.)¹⁵. Подобная политика, естественно, не могла не найти положительного отклика в Дагестане.

На такой сложной канве как внутри-, так и внешнеполитических событий в регионе во второй половине XVIII в. продолжали расширяться и углубляться русско-дагестанские торгово-экономические интеграционные процессы, основой чего являлось их взаимовыгодность и жизненно-необходимая взаимообусловленность.

Изучение многочисленных данных дает право заключить, что основным сырьевым товаром, вывозимым во II пол. XVIII в. из Дагестана, продолжала быть марена. Помимо окультуренной марены, которая в основном возделывалась в округе Дербента, корень дикорастущей марены поставлялся жителями Аксайского, Эндирейского и Костекского владений, а также уцмийства Кайтагского. Причем, объем поставок этого сырья для производства ценного красителя (крап) для текстильной промышленности России ежегодно возрастал. Например, по свидетельству архивных документов, через Кизлярскую таможню из Эндирея было вывезено (по далеко неполным данным) – 75,5 харалов марены (т.е. примерно 1139 пуд.)¹⁶, в 1772 г. – 161,5 харалов и 51 мешок или 2415 пудов¹⁷, с 18 июня по 30 декабря 1790 г. из Дагестанских владений в Астрахань через Кизляр было вывезено:

Из Эндирея –	2194	пуд. марены на сумму	6,582 руб.
– «– Аксаля –	381	– «–	1.143 руб.
– «– Костека –	42	– «–	126 руб.
– «– Башлы –	520	– «–	1.560 руб.
– «– Тарков –	75	– «–	225 руб.
Итого	3212		9.636 руб. ¹⁸ по 3 руб. за пуд.

В последней четверти XVIII в. количество прошений на право вывоза марены, приобретенной в дагестанских владениях, в Кизляре, в казачьих городках, резко возрастает. Среди них не только прошения поверенного суконной и красильной фабрики г. Москвы, фабриканта Суворовщикова, но и поверенного московской фабрики, принадлежавшей кн. Юсуповой И.М. и поверенного московского купца II гильдии И.Никитина. Растущий спрос на марену, естественно, вызвал рост цен на нее и конкурентную борьбу между теми русскими предпринимателями, которые связали свои деловые интересы с Дагестаном и нарождавшейся текстильной промышленностью России. В одном из архивных документов, обращении к кизлярскому коменданту, – требование запретить скупать в Дагестане марену поверенному Петербургской краповой фабрики, «дабы на оный корень марены возвышения цены не было и от того суконной... Суворовщикова фабрика, яко первозаведенной в Россий-

ском государстве, самонужнейшей, не последовало напрасного убытка»¹⁹. В свою очередь, кизлярские жители, занимавшиеся «художеством», т.е. крашением тканей, жаловались на поверенных фабриканта Суворщикова, которые скупали для него всю марену»²⁰. По данным Астраханской таможни в 1792 г. через Кизляр в Астрахань было ввезено 2868 пудов марены, но по уверениям купцов этим путем в Астрахань доставлялось более 10 тыс. пудов. Цена на марену в 90-е годы поднялась с 11 до 14 руб. за пуд. По официальным данным, за первую половину 80-х годов, цена за пуд марены не превышала четырех рублей²¹.

Архивные документы Кизлярского комендантского архива подтверждают тот факт, что во II пол. XVIII в. Дагестан поставлял для российской промышленности не только марену, но и шелк-сырец, но далеко не в таких количествах, как марену. Придавая большое значение обеспечению шелко-ткацкой промышленности сырьем, царские власти требовали от кизлярской администрации предоставления данных о количестве производимого там шелка-сырца и о ценах на него. В 1753 г., по сведениям архивных документов, Сенат в ответ на свой запрос получил рапорт Кизлярской пограничной таможни, где сообщалось, что шелк-сырец «родится» в самом Кизляре, а также в Эндирее, Аксае, Костеке и «гребенских казачьих городках...» (подчеркнуто мною – Е.И.) как в Кизляре, так и в горских жилищах искупить можно пуд по 20, ценою: горского один фунт – по 1 руб. 20 коп., а кизлярского один фунт – по 1 руб. 50 коп. И вышепоказанной шелк, для пробы поставляемой нами, в кизлярской таможне смотрен: горской в помянутых деревнях в Костековской, Аксаевской и Андреевской родится в одной доброте, також и кизлярской шелк против предоставленного же к пробе в роде добротою бывает единствен, а в гребенских казачьих городках, хотя и делаецца, но токмо.. весьма малое число... для своего домашнего обихода употребляетца ж, а в продажу не производитца...»²².

В целях поощрения торговли с Россией шелком-сырцом Сенат указом 1756 г. отменил торговые пошлины на него. Об этом сообщается в архивном документе – «справке» пограничной таможни в Кизлярскую комендатуру, где говорится, что по тарифам 1757 и 1762 гг. с «привозимого из Персии (читай: и Азербайджан, Южный Дагестан, Кайтаг – Е.И.) отколь бы то ни было шелку-сырца по привозу...пошлин никаких не беретца»²³.

По сообщениям архивных документов, отдельные купцы-предприниматели стали устраивать в Кизляре «шелковые фабрики». Как говорится в прошении кизлярского тезика Абдуллы Керимова на имя коменданта, он послал челобитную Екатерине II о разрешении обустроить фабрику «для делания шелков и протчих парчей...». Далее он просит коменданта предоставить ему права над нанятыми работниками его фабрики «суд производить... самому, яко фабриканту и хозяину, а

не полиции и не в Гражданской канцелярии...»²⁴. В «Ведомости», учиненной при кизлярских плацмайорских и полицейских делах, коликое число в г.Кизляре состоит фабрик, мануфактур и заводов, кто оным хозяева и какие на оных вырабатываются товары...» за апрель 1794 г. упоминается «фабрика» Н.Серебрякова, основанная в 1768 г. и вырабатывающая в год 2 пуда чистого шелка (по 200 руб. за пуд) и 20 фунтов пухырькового шелка (по 2 руб. за пуд), а также и основанная в 1773 г. «фабрика» Арешева Н., производившая примерно столько же шелка²⁵.

По данным Кизлярского комендантского архива можно сделать вывод, что шелк в больших количествах вывозился в Кизляр и через Кизляр в Астрахань в основном из Дербента и Эндирея. Например, из Эндирея 5, 7, 9 июня и 12 декабря 1772 г. было вывезено 119 пудов шелка (купленного на месте, в Эндирее), в январе-феврале 1773 г. – 24 пуда, 10,5 фунтов, а также в 7 полугаях; с 3 сентября по 29 декабря 1770 г. – 336 пудов на сумму 20160 руб. по 60 руб. за пуд. Из Дербента примерно за это же время было вывезено – 452, 5 пудов на сумму 20010 руб.²⁶ Как справедливо подчеркивает Ф.З.Феодаева в своей работе, посвященной русско-дагестанским взаимоотношениям во II пол. XVIII – нач. XIX вв., было бы неверным считать весь этот шелк произведенным в Дербенте или Эндирее.²⁷ Это были крупные торговые центры не только внутренней, но и внешней торговли, где шелком торговали задолго до изучаемого нами времени и через которые этот восточный товар и поступал на российский рынок. Так что большую часть шелка поставляли в Эндирей из внутреннего Дагестана, из других владений перекупщики. В нашем распоряжении имеются сведения архивных документов, где упоминаются подвластные казикумухского хана, отправлявшиеся в Кизляр для продажи шелка²⁸. Известно, что Кюра-Казикумухское ханство в XVIII в. включало в свое владение некоторые районы Южного Дагестана и Северного Азербайджана, где традиционно возделывался шелк²⁹.

По имеющимся данным Кизлярской таможни в 1778–1783 гг. в Кизляр было вывезено 5499 пудов 22 фунта шелка-сырца. В последующие годы ввоз шелка-сырца в Кизляр и оттуда в Астрахань увеличивается, что соответствовало общему росту торговых оборотов Кизляра с Астраханью. Цены на шелк все повышались. Если в начале 80-х гг. пуд шелка в Астрахани стоил в пределах 60 руб., то в 90-х гг. в зависимости от сорта – уже от 135 до 200 руб.³⁰

Архивные документы дают нам многочисленные сведения о таком важном сырьевом продукте вывоза из Дагестана, как «бумага хлопчатая», т.е. хлопок-сырец, а также местных изделий из него. 2 июля 1772 г. приказчик Московской суконной мануфактуры И.Андриянов обратился в Кизлярскую комендантскую канцелярию о выдаче билета на пропуск из Кизляра через Астрахань в Москву приобретенных в Эндирее различных товаров, среди которых «бязей здесьняго дела – 33 в одном ко-

робе и «здесьняго ж роду» (подчеркнуто мною – Е.И.) бумаги хлопчатой – 2 пуда»³¹.

У русского населения, живущего на Кавказской линии – в русских крепостях и казачьих городках находили спрос продукты и изделия домашнего промысла и ремесел горцев Дагестана. А купцы из центральных губерний России закупали в больших количествах фрукты сушеные и свежие, мед, воск, кожи. По Тереку, Аксаю и у побережья на Каспии промышленляли рыбной ловлей «ватаги» рыбаков из Южной России, с Дона и др. областей.

По торговым делам в Кизляр приезжали купцы из таких отдаленных городов центральной России, как Вологда, Ярославль, Тула и Красноярск. Более двух лет с 1770 по 1772 гг. купечествовал в Кизляре ярославский купец Ф. Жуков³². Тульский купец К. Шелепов в марте 1772 г. просил Кизлярского коменданта о разрешении на вывоз купленного им товара: 20 пудов воска, 10 пудов меда, 20 пудов кураги, 40 пудов шелка-сырца, 3 шерстяных паласа, 100 овчин, 5 волчьих, одну лисью и 99 кошачьих шкур³³. В том же году вологодский купец Кулпилин просил разрешения вывезти в Астрахань грецкие орехи и мешок пшеницы³⁴. Кроме того, в российские города из дагестанских владений вывозили в больших количествах рыбу. Например, в январе 1773 г. приказчик московского купца П гильдии Никитина купил в Кизляре 7 тыс. штук лососей для отправки через Астрахань в Москву³⁵.

В Дагестан из России ввозился холст, дешевые хлопчатобумажные ткани, железо и изделия из него, сталь, свинец, нашатырь, кремни, сундуки, зеркала, мыло, сахар, растительное и коровье масло и т.д. Господствующее место среди предметов ввоза в Дагестан занимали полотна различных сортов, доставляющиеся десятками тысяч аршин, стальные изделия – сотнями дюжин, – это павловские замки, ножи, ножницы, швейные иглы и т.п. Ходовой полотняной тканью была пестрядь ярославская. В 1777–1783 гг. через Кизляр на Северо-Восточный Кавказ было поставлено 1 904 149 аршин российского полотна. Полотно расценивалось крайне дешево. Это был товар массового потребления. В русском экспорте на Кавказ до XVIII в. он отсутствовал³⁶. Кроме того, поступали из России и иностранные товары, как то: английские и испанские сукна и бархат. Если посмотреть «Ведомость» цен на товары, продаваемые в Кизляре на базаре, составленную в апреле 1797 г., то здесь значатся в «гостином ряду» сукна разных цветов: «галанское, испанское..., бархат веницейский, полубархат, атлас, полуатлас..., полотно вендерское, батист, бумага..., сургуч, чай зеленый и черный» и т.п.³⁷

О.П. Маркова отмечает в последние десятилетия XVIII в. в торговле России со странами Востока, в том числе и Северо-Восточного Кавказа, рост иностранной конкуренции не только на рынке сырья, но и на рынке сбыта. Так, по данным Кизлярской таможни в 1777–1782 гг. черс³⁸

Кизляр в регион из Астрахани было поставлено импортных сукна и шерстяных материй около 17 тыс. аршин и 1362 куска на 70776 руб., кошенили и индиго – на 280 тыс. руб., всего – на 350776 руб.³⁸

В урожайные годы хлеб, выращенный в Эндирейском, Аксайском и Костекском владениях, вывозился не только в Нагорный Дагестан, но и в другие регионы Северо-Восточного Кавказа, а также в Кизляр и казачьи городки, о чем свидетельствуют сведения архивных документов³⁹.

Обратная картина наблюдалась в годы неурожая: в Кизляре владельцы Дагестана закупали в значительных количествах хлеб, поступающий сюда из России. В 1755 г., когда особенно «студенная», как сообщается в архивных документах, зима погубила посевы озимой пшеницы, аксайские владельцы просили кизлярского коменданта фон Фрауендорфа разрешить закупить хлеба в Кизляре⁴⁰.

В мае 1767 г. костекский владелец Хамза Алишев писал коменданту Кизляра Н.А.Потапову о посылке его людей с целью покупки «для домашней надобности пшеницы»⁴¹. Засуха летом 1769 г. привела к неурожаю на плоскости и в сентябре того же года дербентский и кубинский Фатали-хан обращался к астраханскому губернатору А.П.Бекетову с просьбой прислать в Дербент несколько морских судов с мукой⁴².

В декабре того же года «холопы» тарковского шамхала Муртузали привезли для него купленное в Кизляре просо и пшеницу. В то же время шамхал просил о разрешении на покупку в Кизляре его узденем «пять или шесть арб пшеницы»⁴³. В том же году владельцы Хамза Алишев и Баши Темирбулатова обращались с подобными просьбами к кизлярскому коменданту, например, о разрешении купить «...для домашней надобности шесть арб пшеницы»⁴⁴.

Одним из важнейших товаров, вывозимых из России на Кавказ, в том числе и в Дагестан, являлось железо. Оно необходимо было для удовлетворения нужд развивающегося в Дагестане ремесленного производства. Подтверждением этого факта являются многочисленные сведения архивных документов: это прошения дагестанских и других кавказских владельцев, посланные в разные годы к русским властям Астрахани и Кизляра об отпуске необходимого количества железа. Среди них письма владельцев кумыкских княжеств, шамхала тарковского, уцмий кайтагского, аварского, казикумухского и дербентско-кубинского ханов и др.⁴⁵

Другим важным товаром, поступавшим через Кизляр в Дагестан, являлись лошади. Вопрос о продаже лошадей на Кавказ стал предметом обсуждения в Сенате и был решен положительно: лошади были изъяты из списка «заповедных» (как известно, во время русско-турецкой войны 1735–1739 гг., а затем из-за «приближения ... шаха Надира с войсками к здешней границе» был наложен запрет на продажу лошадей владельцам Дагестана и Азербайджана)⁴⁶.

Потребность в лошадях в Дагестане была большой, о чем свидетельствуют многочисленные прошения, хранящиеся в архивных фондах, владельцев Засулакской Кумыкии⁴⁷, шамхала тарковского, Фатали-хана, дербентского наиба Эльдар-бека, уцмья Кайтага Амир-Гамзы, бойнакского владельца Баммата, казанищенского Тишсиз-Баммата⁴⁸. Во всех этих прошениях речь идет о покупке различного количества лошадей – от 10 до нескольких десятков и сотен.

Интересно отметить, что в архивных фондах встречаются документы, сообщающие о том, что и сами представители кизлярской администрации обращались к дагестанским владельцам с просьбой достать им хороших породистых лошадей. Но в этом случае речь идет об одной или нескольких лошадях. В письме казикумухского Магомед-хана сообщалось в ответ на просьбу коменданта Ступишина, что ему (Магомед-хану) не удалось найти для коменданта хорошую лошадь, «...а ежели я лошадь сыщу, то немедленно к вам отправлю...»⁴⁹. Из письма Магомед-хана к коменданту Паркеру стало известно, что «как скоро» отыщет он «одну или две лошади, так скоро к вам отправить не премину»⁵⁰. В 1782 г. кизлярский комендант писал шамхалу тарковскому об отправке в Тарки подполковника Шергилова «единственно ради персидских и горских лошадей»⁵¹. Кизлярский комендант Куроедов просил кизлярского тезика ускорить покупку у уцмья кайтагского «жеребца из бурых или серых не выше 7 лет, видного». В 1782 г. в Аксайскую деревню, как сказано в архивном документе, отправились несколько военнослужащих Томского пехотного полка, расквартированного в Кизляре, «...для вымену на холст лошадей», на 500 арш. холста было выменено 14 обозных лошадей⁵².

Во II половине XVIII в. Кизляр – важнейший политический и военно-административный центр на Кавказе⁵³, который сыграл особую роль в жизни народов Северо-Восточного Кавказа, превратившись в крупнейший для своего времени экономический центр региона. Роль его в этот период столь значительна, что, по выражению известного кавказоведа акад. А.П.Берже, он был своего рода «русской столицей на Кавказе»⁵⁴. Кизляр служил как бы связующим звеном между Россией, Северным Кавказом, Закавказьем, Средним и Ближним Востоком. Через него осуществлялись политические, дипломатические, торговые и культурные сношения России с Кавказом и Востоком.

В 1755 г. в Кизляре, как пограничном городе, была учреждена пограничная таможня для контроля над ввозимыми из стран Востока и Кавказа товарами и взимания с них торговой пошлины. В первое время таможня и карантин находились при самом Кизляре у городской переправы через Терек. Но затем, «для большей безопасности от болезни», а также потому, что окрестности города в половодье часто затоплялись водами Терека, карантин и таможня были перенесены на правый берег

реки в 10 верстах к югу от городскому переправы у Лашуринского форпоста.

На новом месте были построены необходимые помещения для торговцев и товаров, а также обслуживающих карантин и таможню чиновников и охранной команды. Строения обнесены земляным валом с бастоном и рвом, наполненным водой, через который был переброшен подъемный мост, убиравшийся в случае угрозы нападения. Охранную службу нес специальный отряд из солдат и казаков с артиллерией. Здесь товары подвергались таможенному досмотру и окуриванию (с целью дезинфекции), после чего их разрешали ввозить в Кизляр и далее в Россию (или наоборот вывозить из Кизляра во владения Северо-Восточного Кавказа). До паромной переправы через Терек купцов сопровождал конвой из казаков.

В Кизляре имелось три больших базара: армянский, татарский и русский. Для приезжих купцов были обустроены караван-сарай. Ежедневная торговля осуществлялась также и в лавках, которых к концу XVIII – нач. XIX вв. насчитывалось более 200⁵⁵. На базары Кизляра, как и прежде, съезжались все народы Северо-Восточного Кавказа, привозя продукты сельского хозяйства, изделия ремесел, пригоняли скот, сплавляли по Тереку строительный лес⁵⁶. Из России сюда поставляли холст, соль, сахар, хлопчатобумажные ткани, ленты, тесьму, зеркала, металлы и металлические изделия, ножницы, иглы, булавки, мыло, нитки, стеклянную и медную посуду и т.п.

Заинтересованная в торговле не только с народами Северо-Восточного Кавказа, но и с Ираном, которая осуществлялась через Приморский Дагестан и по Каспию, Россия для поощрения торговли с Ираном и азиатскими народами создала торговую акционерную компанию⁵⁷, или «торгующее в Персии купеческое общество». Всего было выпущено 4 тыс. акций, каждая стоимостью в 150 рублей. Город Астрахань вложил в эту компанию 50 тыс. руб.⁵⁸ Деятельность компании была позже подкреплена указом Сената в 1758 г. С этого времени она стала называться «Персидского торгу компания». Ей принадлежало монопольное право торговли российскими и иностранными товарами через Астрахань и Кизляр с Ираном и феодальными владениями Кавказа.

Во II половине XVIII в., а именно в 1760 г., в Кизляре была открыта контора этой компании, в непосредственном ведении которой находилась торговля с народами Дагестана⁵⁹. Эта контора, замечает Ф.З. Феодаева, вероятно, призвана была содействовать расширению и укреплению взаимовыгодной торговли с народами Дагестана. Но, судя по архивным документам, ее деятельность и деятельность поверенного этой конторы Петра Дмитриева далеко не способствовали этому. Более того, повышение цен на «компанейские» товары, отказы поверенного обменивать привезенные горцами товары на холст, запрещение вывозить из

Кизляра товары, купленные у лиц, не входивших в компанию, вызвали резкое недовольство как у кизлярских купцов, так и у приезжих торговцев⁶⁰. Кизлярская пограничная таможня вынуждена была вследствие этого в своем донесении коменданту фон Фрауендорфу 10 марта 1760 г. отметить, что отказ поверенного компании отсылать товары во владения, находившиеся в российском подданстве (т.е. Эндирей, Аксай, Костек), а также в Большую и Малую Кабарду, причиняет «немалое неблагополучие и оскорбление» горцам. Исходя из этого, кизлярская таможня просила разрешения отпускать в эти владения товар, ссылаясь на указ 1758 г., который не запрещал этого.

О том, что деятельность этой компании тормозила торговые связи и с другими регионами Дагестана свидетельствует письмо казикамухского «торгового человека» Низбадина Исмаилова от 26 апреля 1760 г., в котором он сообщал, что «... от оной Персидского торгу компании не токмо в Кази-Кумыках, но и во всех горских жилищах никаких торгов и товаров не имеетца»⁶¹.

Учитывая все это и не желая обострять недовольство горцев, кизлярская администрация и Государственная Коммерцколлегия считали возможным отпускать в соседние с Кизляром владения (Эндирейское, Аксайское, Костекское), Большую и Малую Кабарду «к торгу оной компании не принадлежащие... к приласканию предписанных народов», необходимые им товары – «холст, всякую посуду, решеты, ножницы, замки» и т.п.⁶² Об этом же свидетельствует и письмо кизлярского коменданта А.А.Ступишина от 16 января 1762 г. к дербентскому и кубинскому Фатали-хану, где сообщалось, что посланнику его Ахмет-аге, купившему для хана 20 арш. сукна, 2 конца китайки, 200 арш. тастару, разрешено все это вывезти из Кизляра «...хотя указами, кроме учрежденной в Персию компании пропускать запрещено...»⁶³.

Все вышеприведенное свидетельствует, что деятельность «Персидского торгу компании» не дала положительных результатов в Дагестане. Основанная на монопольной системе, призванная служить интересам в первую очередь монополии, она сковывала свободу торговли в регионе, препятствовала расширению и углублению торговых отношений России с народами Северо-Восточного Кавказа⁶⁴.

В 60-е гг. XVIII в. в правительственных кругах России раздавались настойчивые призывы представителей передовой экономической мысли России о необходимости дальнейшего развития «коммерции для благополучия общества»⁶⁵. В эти годы в экономической политике России произошли коренные изменения. Новые принципы этой политики были ясно и полно изложены в протоколе заседания Конференции при высочайшем дворе от 5 января 1761 г. Они в первую очередь касались таможенной политики России. Там же предлагалось Сенату пересмотреть вопрос о целесообразности сохранения Персидской торговой компании

и было высказано мнение за ликвидацию монополий, так как вследствие их деятельности ухудшились условия сбыта русских товаров на внешнем рынке. Позже была ликвидирована большая часть казенных монополий и отдельных компаний в торговле и промышленности⁶⁶.

С углублением русско-дагестанского торгово-экономического интегрирования Дагестан постоянно испытывал на себе влияние происшедших в России социально-экономических процессов. Архивные сведения изучаемых нами документов Кизлярского комендантского архива дают возможность сделать в области развития товарно-денежных отношений в русско-дагестанской торговле очень интересные наблюдения.

Один из наиболее богатых русских купцов того времени, связавший свои деловые интересы с Дагестаном, владелец московской суконной фабрики Василий Суровщиков, торговый оборот которого был выше, чем у всех остальных московских купцов и достигал колоссальной по тем временам цифры в 116 тыс. рублей (среди московских купцов В. Суровщиков был первый по коммерции с границей)⁶⁷, имел комиссионеров среди кизлярцев, закупавших для него в дагестанских селах более 2 тыс. пудов марены ежегодно⁶⁸. Этот фабрикант, по данным архива, имел с Дагестаном более чем 10-ти летней давности экономические связи⁶⁹. Размах производства суконной фабрики, принадлежавшей В. Суровщикову и Компании был чрезвычайно широк, и в 60-х годах XVIII в. среди суконных предприятий России их фабрике не было равных. На 120 суконных и 60 каразейных станах выделялось 100959 аршин армейских сукон, 31336 аршин тонких сукон из иностранной шерсти, 2551 аршин каразеи и перерабатывалось марены, вывозимой из Кизляра, 1175 пудов⁷⁰. Имели в Кизляре своих комиссионеров и петербургские купцы – владельцы краповой фабрики Грязновский, Лапшин и Протопопов⁷¹.

Скупкой марены занимались и отдельные купцы из числа кизлярских армян. Так, кизлярский комендант И.И. Штендер в октябре 1776 г. писал бойнакскому владельцу Баммату, чтобы тот отпустил в Кизляр 6 харалов сухой марены, купленной кизлярским жителем, армянином в Кайтаге у разных людей, а также «два харала марены, купленной им в Губдях у бойнакских жителей». Заслуживает внимания и сведения, содержащиеся в письме коменданта Вешнякова уцмию Кайтага Амир-Гамзе от 8 мая 1783 г., где сообщается, что подвластный уцмия А.Абдурахманов и кизлярский житель армянин Г. Беров обязались письменно зачисляющийся за ними долг кизлярским купцам Аванесову в 1069 руб., а также Абазову в 525 руб. доставить в Кизляр около 317 пудов марены. Но они не сумели скупить такое количество марены и не выполнили своих обязательств, почему комендант и добивался от уцмия взыскать с его подвластного долг⁷².

В торгово-экономическом интегрировании Дагестана с Россией были развиты откупная система, вексельная форма денежных отношений, кредитно-ростовщические сделки, что дает основание делать наблюдения и выводы по поводу все усиливавшегося вовлечения народов Дагестана в орбиту складывавшегося общероссийского рынка.

В экономике дагестанских владений во II половине XVIII в была довольно развита откупная система.⁷³ На откуп отдавались сбор марены, рыболовные угодья, сбор пошлин с провозимых через владения товаров и т.п. Алиш Хамзин, костековский владелец, сдавал рыболовные угодья на р. Койсу на откуп русскому предпринимателю купцу Дуткину. Эти угодья стали яблоком раздора между соперничавшими за право их сдачи на откуп дагестанскими владельцами, с одной стороны, и между конкурирующими друг с другом русскими предпринимателями – с другой⁷⁴.

Эндирейские владельцы Темир Хамзин и Баммат Айдемиров не хотели их уступить Алишу Хамзину костекскому, в то время, как тарковский шамхал, считавший себя также владельцем этих угодий, тоже приложил руку и отдал их на откуп другому русскому предпринимателю Михаилу Князеву. 8 марта 1767 г. Хамза Алишев, костекский владелец, обращался к кизлярскому коменданту: «Отец, мой, Алиш-бек, рыболовное место, урочище Терсакъкань, отдал на откуп Дуткину на несколько год. Ныне андреевский владелец Темир подлинно отдал на откуп российскому ж человеку, чего ради прошу Вас, отца моего, через подателя сего письма о выгонии их отсюда дать мне дозволение и пришлите письменной приказ»⁷⁵. По всей вероятности, эта сделка приносила приличные барыши как владельцам «рыбных ловель», так и российским предпринимателям⁷⁶. Это дело будировалось в корреспонденции кизлярского коменданта более 10 лет: вопрос был довольно острым и ни один из дагестанских владельцев не хотел уступить. Следует отметить, что астраханский купец Михайло Князев получил на откуп и у дербентско-кубинского хана «рыбные ловли» на нижнем течении р. Куры. «В Куре ведется важная рыбная ловля, – говорится в источнике, – содержащаяся на откупе российскими астраханскими купцами, которые дают дербентскому хану за один год ханскими (деньгами – Е.И.) от 18 до 20 тысяч, а на российскую монету выйдет до 7300 рублей»⁷⁷.

Представители кизлярского купечества по договоренности с феодальными владельцами Эндирея, шамхалом тарковским, уцмием Кайтага и др. брали на откуп и сбор марены⁷⁸. При этом случались всякого рода недоразумения, когда отданный на откуп сбор марены перекупали купцы-конкуренты, прибегая ко всякого рода ухищрениям⁷⁹. В своем письме в августе 1772 г. шамхал Муртузали сообщал кизлярскому коменданту Паркеру, что приказчик кизлярского купца Аджимаматкула Каракозова без ведома шамхала взял на откуп подвластные ему «губденские, карабудацкие и торкалинские деревни и тайно отлучился, а по-

казанные деревни, – писал шамхал, – мною давно отданы (кизлярскому) армянину Гиро»⁸⁰. Таким образом, архивные документы свидетельствуют о конкурентной борьбе среди кизлярских купцов, о стремлении владельцев получить как можно больше выгоды за сбор и продажу корня марены, используя для этого не всегда честные методы.

В связи с поднятым выше вопросом следует отметить один существенный момент. Откупная система в течение веков существовала во всех странах Переднего Востока, а также в странах Закавказья и Северо-Восточного Кавказа. Как отмечал В.Н. Левиатов, «всегда для хозяйственной жизни она была огромным злом, разрушавшим, ослаблявшим экономику. Откупщик не имел другого интереса или побуждения, как только сбор ценностей»⁸¹. Откупная система тяжелым гнетом своим стесняла развитие ремесел и торговли⁸², все глубже проникая в хозяйство Дагестана.

Архивные документы свидетельствуют о факте наличия вексельной формы денежных отношений в расчетах между дагестанскими владельцами и российскими торговцами во II половине XVIII в.⁸³ Так, из письма дербентского Мама-Усейн-хана кизлярскому коменданту от 19 апреля 1753 г. видно, что дербентские и кизлярские торговцы для своих расчетов пользовались векселями⁸⁴. В феврале 1753 г. вдова Бекмурзы Кадырова из Кизляра обращалась к кизлярскому коменданту фон Фрауендорфу с просьбой задержать барамту с эндирейских жителей в пользу ее и костекского владельца Алиша Хамзина до погашения ими долга в 55 руб., взятых ими через ее мужа у кизлярского индийца Валерама. Среди ее документов, оправдывавших акт захвата барамты, как тогда это было принято, упомянут был вексель, выданный тезиком из Эндирея Байрамалиевым Аширали⁸⁵. Этот вексель и должны были оплатить эндирейские жители, чтобы индийский купец не предъявлял к ней претензий как наследнице мужа, посредничавшего между эндирейцами и индусом⁸⁶.

Тарковский шамхал Хасбулат писал коменданту Кизляра в 1753 г., что с «подателем сего письма посылал я владения своего Кумторкалинской деревни татарина Коркмаса... 50 руб. вексель, в котором проценты имеются, данной армянином Петросом; того ради прошу... с показанного армянина по силе данного им векселя всего и с процентом взыскать, подателю сего письма отдать и ко мне отправить»⁸⁷.

В другом архивном документе – письме кизлярского коменданта от 25 августа 1776 г. сообщалось эндирейскому владельцу Эльдару о задержке его холопа в Кизляре по просьбе кизлярского жителя армянина Осипова, которому аксайский житель задолжал 82 руб., подписав вексель, который и не оплатил⁸⁸.

По свидетельству архива, российские купцы обращаются к кизлярскому коменданту с просьбой о пропуске в Аксай, Эндирей, Костек и др. холста «для оплаты имеющих на них (купцах) долгов по вексе-

лям». Следует иметь в виду, что в это время Россия запрещала вывоз за границу российской монеты, а также золота и серебра⁸⁹. Несмотря на предпринятые меры, происходила большая утечка золотой и серебряной монеты с Астраханского и Кизлярского рынков (Дело в том, что после смерти Надир-шаха и наступившего после этого безвластия в Персии новый правитель Керим-хан получил в управление нищую и разоренную страну без золотого запаса и каких-либо ценностей. Выход из этого положения Керим-хан нашел в денежной реформе, по которой была искусственно завышена стоимость золота и серебра. 20-копеечная монета теперь стала 25-копеечной, шестирублевый червонец – девятирублевым. Червонцы из России на Восток шли раньше по 3 руб., а теперь по 4. Вывозить валюту из России в Иран стало очень выгодно. Пользуясь новым положением, местные ханы, дербентский, шемахинский, бакинский и др., стали самовольно переделывать русскую монету в собственную)⁹⁰. Контроль за выполнением данного указания осуществлялся российскими пограничными таможенными. С этой целью всех проезжавших через пограничные форпосты и заставы как в Астрахани, так и в Кизляре тщательным образом обыскивали. В случае, если таможенники находили у выезжавших в дагестанские владения или далее тайно провозимые деньги, их конфисковывали: 2/3 шли в казну, 1/3 – в виде награды выдавалась таможенникам⁹¹. Стремясь не допустить вывоз российских денег, царские власти принуждали горцев на вырученные от продажи в Кизляре и Астрахани деньги приобретать «какова ни есть товару», всячески поддерживали и поощряли меновую торговлю. Таким образом, «так как народы (Северо-Восточного Кавказа – Е.Н.) ничего за деньги не продают, а меняют на товары, а особливо на холст», российские купцы вынуждены были за приобретенные в Дагестане товары рассчитываться векселями. А уж по векселям расплачивались холстом, ими же расплачивались и за марену. «Не нахожу за потребно доказывать, – говорится в «Рассуждении о российской коммерции» от 1760 г., зная, что довольно известно, сколько облегчает коммерцию кредит вексельной, ибо, обращаясь вексели между купечеством, не токмо награждают недостаток, случающийся в монете, но действительно число оной умножают. А особливо... в России... по множеству внутренних товаров... не может купечество привести оных к портам без великого кредита, а к тому и иностранные товары большею частию забирают в долг на год и более...»⁹².

Вышеизложенные обстоятельства дают нам основание понять и объяснить тот факт, что в июне 30 числа 1751 г. кизлярские купцы К.Павлов, М.Аростомов и С.Михайлов в Кизлярской военной походной канцелярии дают подписку о том, что им позволено «холста 50 тыс. аршин для отдачи за долг в состоящие в подданстве е.и.в. в кумыцкие горские жилища отвесть, а в другие места за границу не возить...»⁹³.

§ 2. Характер таможенной политики контрагентов русско-дагестанской торговли

Чтобы полнее осветить торгово-экономические взаимоотношения России с Дагестаном во II половине XVIII в., необходимо рассмотреть таможенную политику России, с одной стороны, показать характер пошлинной политики дагестанских владетелей, влияние ее на развитие торговых взаимоотношений в регионе – с другой.

Как известно, «пошлины возникли из поборов, взимавшихся феодалами с проезжающих через их владения торговцев, откупавшихся таким способом от ограбления, поборов, которые впоследствии взимались также городами и при возникновении современных государств являлись для казны удобным средством добывать деньги»⁹⁴. Первоначально торговля была сухопутной и купеческие караваны нуждались в остановках в пути. Места стоянок зачастую одновременно были и местами торговли, поэтому пользование складочными местами стало сопровождаться уплатой податей. Правила торговли не допускали обмана, поэтому следить за порядком должны были специальные служащие, на содержание которых шла часть взимавшихся пошлин⁹⁵. Во II половине XVIII в. таможенные операции в регионе активно и разносторонне развивались: не будем забывать, что через приморский Дагестан проходил древнейший торговый путь «из Варяг» в Персию и дальше. Сборы с провозимых товаров издревле являлись важной статьей доходов местных феодалов. И в рассматриваемое время во всех феодальных владениях Дагестана взимались многочисленные пошлины, размеры которых каждый владетель устанавливал произвольно. Пошлинная политика дагестанских феодалов носила фискальный характер и преследовала цель личного обогащения⁹⁶. Как сообщал Д.И. Тихонов, шамхал и уцмий брали пошлину не только со всех товаров, провозимых через их владения, но и с людей «на лошади верхом едущего и пешим россиян, армян и жидов с каждого по 1 руб.»⁹⁷. «Понеже широта реки Койсу и нижние его берега не позволяют через мост иметь сообщение, то в разных местах на пармах по ней переезжают; каждой верховой человек за перевоз должен заплатить на ружейный заряд пороху и свинцовую пулю, а каждая повозка платит 15 коп.», – сообщал о переправе через Сулак в Эндирейском владении Я. Рейнегтс⁹⁸.

Так же поступали и владетели Тарков, Костека, Аксяя, чем вызывали недовольство кизлярских властей и российских купцов. На протяжении II половины XVIII в. вопрос о сборе пошлин муссировался в переписке кизлярских властей и дагестанских владетелей. В 1765 г. аксайский владетель сообщал кизлярскому коменданту: «...через бегоулов своих по отцовским обычаям надлежащую пошлину берем...»⁹⁹. Размер взимаемой пошлины в разное время был различным. В 50-х годах XVIII

в. пошлина в шамхальстве, судя по архивным данным, составляла с каждой арбы – 1 р. 80 коп. Но уже с 1762 г. шамхал Муртузали и его брат, владетель Бойнака Баммат, за провоз товаров и «препровождение» их через опасные места стали брать по 8-9 руб. Это обстоятельство обусловило недовольство и жалобы кизлярских купцов на имя кизлярского коменданта Ступишина¹⁰⁰. В марте того же 1762 г. Ступишин обращался к шамхалу с письмом, где писал, что тот своими действиями нарушает трактат (Рештский договор 1739 г.), по которому в «производнении купечества всякая вольность и взаимовспоможение положено...»¹⁰¹. И далее в письме указывалось, чтоб с проезжих купцов «лишних пошлин не взымали и напрасного разорения не чинили». Шамхал же объяснял свои действия тем, что раньше «...купцы российские ездили с малым товаром, потому и пошлина прежде малую бралась, а ныне купцы возят шелк и протчие шелковые и бумажные товары и на каждой арбе бывает по цене на тысячу и более»¹⁰². Спустя три десятилетия Д.И. Тихонов отмечал, что во владениях шамхала и уцмий взымают пошлины «серебряной российской монетой с каждой повозки как бы она нагружена не была товаром по 2 руб. 50 коп., с фруктов с одной повозки по 1 руб. 30 коп., с красок с каждого пуда – 2 руб. 50 коп., с канцелярского семя – 5 руб. с пуда, с лошади по 50 коп., с овец и с рогатого скота с 20 голов по одной овце и скоту, с рыбы с 10 – по одной же»¹⁰³.

Наиболее доходными статьями казны Дербентского ханства во II половине XVIII в. были: мизанный сбор (т.е. за взвешивание товаров), сбор от продажи скота: «казабханская статья»¹⁰⁴. Главной доходной статьей оставался рахтарный, т.е. таможенный сбор. Этот сбор опутывал густой сетью всю торговлю, поэтому часто под именем рахтарных сборов подразумевали вообще всевозможные поборы. Как отмечает Н.А. Магомедов, пошлины в Дербентском ханстве были разнообразны и многочисленны. В целом сбор их был четко отрегулирован. С тканей и мягких изделий пошлина бралась в расчете с вьюка. Взыскивались эти обложения деньгами. Чем дороже стоил товар, ввозимый, тем выше были пошлинные проценты или сборы. Наиболее высокими были пошлинные сборы с шелка и шелковых изделий, с хлопчатой пряжи, с привозной меди, пороха, серы, селитры, железа. Налоги или пошлины платились и за пользование дербентскими лавками. Приезжий купец за пользование большой лавкой для продажи своих товаров платил от 1 руб. 20 коп. до 2 руб. 40 коп. в зависимости от размера лавки. Был определен и срок пользования лавкой – 15 дней. Даже вывоз обратно непроданного в Дербенте товара не обходился без уплаты пошлины. Для торговцев был особенно ненавистен налог бадж, подчеркивает Н.А. Магомедов, который взымался с проезжих купцов за провоз товаров по торговым путям, у городских ворот и на пристани¹⁰⁵. Не облагались по-

шлинами лишь пшеница, рис и ячмень как продукты первой необходимости.

Таким образом, в Дербентском ханстве пошлинами облагались, по существу, все вывозившиеся и ввозившиеся товары. Торговый оборот Дербента во II половине XVIII в. имел тенденцию к росту. Параллельно с ростом объема торговых операций рос и объем рахтарных сборов, пополнявших ханскую казну¹⁰⁶. «Хан дербентский, – читаем в описании Дербента, – годового денежного дохода от пошлин с монетных и рахтарных доходов, лавок, фабрик, с привозных товаров и прочего собирающегося в городе Дербенте получает серебром... деньгами на 20000 и более рублей»¹⁰⁷.

В свою очередь в Российском государстве во II половине XVIII в. существовала довольно развитая система таможенных сборов. Пошлины были разнообразны: «явка» – сбор с торговца за явку товара на заставе, «анбарное» – за наем складского помещения, «контарное» – за взвешивание на весах и т.д. и т.п.¹⁰⁸ Изучая записи в Кизлярской пограничной таможене явок торговыми людьми товаров для провоза их в Астрахань, мы обнаружили фиксацию таких таможенных сборов, как пограничные по 10 копеек с рубля, на содержание застав по две копейки, «ансиденции» по четыре копейки, внутренних по 13 коп. с рубля, да с каждого пошлинного рубля по две копейки в пользу городов. «Из ...города Дербента, – говорится в документе, – привезенному 24 пуд. шелку-сырца на 1440 руб. и отправляемому через Кизляр в Астрахань облагаться пошлиной по таксе не положено, кроме по указу правительствующего Сената 1777 г. на содержание в Персии консула по одному рублю, ценою 1440 – 14 руб. 40 коп.»¹⁰⁹.

Таким образом, в изучаемый период в бюджете Российской абсолютистской монархии важное место занимали доходы от сбора пошлин. Правительство всеми мерами пыталось увеличить доходы от таможенного обложения. Если при императрице Елизавете пограничные таможенники России доставляли казне свыше 900 тыс. руб., то в начале царствования Екатерины II таможенные сборы в казну составляли свыше 2 млн. руб.¹¹⁰ Понятно, что царская администрация придавала большое значение таможенной службе и в изучаемом нами регионе, имея большие прибыли с пошлин в государственную казну. Так, в 1762 г. с привезенных из «горских деревень» в Кизляр товаров, по сообщению архивных документов, была собрана пошлина в размере 2608 руб. 80 коп., в 1763 г. – 2986 руб. 55 коп., а с вывезенных из Кизляра товаров в 1762 г. – в размере 2717 руб. 72 коп., в 1763 г. – 2241 руб. 27 коп.¹¹¹

Судя по архивным документам, таможенная администрация Кизляра и Астрахани, вопреки государственным указам о невзимании пошлин с российских подданных, злоупотребляла своею властью и требовала их с эндирейцев, аксайцев, костекцев и др., что вызывало справедливое

возмущение и жалобы последних в адрес Кизлярского коменданта. Еще в 1755 г. костекский владделец Алиш Хамзин и аксайский князь Каплан-Гирей Ахматханов писали кизлярскому коменданту, что они вместе со своими подвластными являются подданными России, «а когда де их подвластные, приезжая в Кизляр, покупают лошадей, быков, баранов и прочее, то с них требуют пошлину и через то они против россиян несут обиду...»¹¹². Об этом же писали Кизлярскому коменданту год спустя эндирейцы буквально следующее: «Вам доводится до сведения тягости и стеснения, причиняемые нам. Когда существовала Сулакская крепость (читай крепость Святого Креста – Е.И.) и когда там находились высокие генералы, нашим проезжающим людям никаких обид не было оказано. Теперь же нам оказывают чрезмерные обиды, с нас берут пошлину не такую, какая была всегда со времен отцов и дедов..., а несправедливо больше...»¹¹³.

Местная российская администрация была вынуждена считаться с недовольством дагестанских и кабардинских владетелей. Этот вопрос был решен на уровне правительства, которое было заинтересовано в дальнейшем укреплении торговых отношений с народами Северо-Восточного Кавказа и рассматривало их как одно из средств укрепления своего влияния в регионе¹¹⁴. Был предпринят ряд мер по организации и урегулированию торговли в регионе. В Кизлярском комендантском архиве хранится копия «промемории» Государственной Коллегии Иностранных дел, датированная 1757 г., где указывается: «...А что касается до кумышской жалобы о взятии с них в Кизляре пошлины..., чтобы в близости от Кизляра в удобном месте для торгу с ними, кумыками, а сверх того со всеми тамошними горскими народами, учредить и построить меновой двор и лавки для товаров..., а тому, учреждаемому при Кизляре меновому двору на том основании быть надобно, чтоб на оном кумыки и все тамошние горские народы могли торговать беспошлинно...»¹¹⁵. Меновые дворы по кавказской линии были учреждены гораздо позже, а в 1762 г. Екатерина II указом освободила от обложения пошлиной товары, доставляющиеся горцами в Кизляр, в 1765 г. царским указом предписывалось: «...кабардинцы и кумыки как при продаже собственных произведений и скота, так и при покупке товаров в Кизляре пошлин совсем не платили... и чтоб сие распоряжение порядочным образом и без всяких притеснений проезжающим в Кизляр кабардинцам и кумыкам исполняемо было, в том над Кизлярскою пограничною таможенною смотрение иметь поручено здешнему коменданту»¹¹⁶. В 1791 г. от уплаты пошлин были освобождены все народы Дагестана¹¹⁷.

Здесь также следует указать на один существенный аспект. Как нами уже указывалось, в экономической политике России в 60-е годы произошли коренные изменения, направленные на расширение торговли, особенно восточной, раздавались призывы некоторых экономистов об

отмене пошлин при вывозе, например, холста и пряжи за границу¹¹⁸. Следует отметить, что эти меры российского правительства отвечали интересам дагестанцев и других народов региона и в конечном итоге сказались положительно на дальнейшем развитии русско-дагестанских торгово-экономических отношений. Однако не все и не всегда было гладко в этих отношениях. Таможенники на заставах и форпостах часто занимались прямым вымогательством у горцев, самовольно вводили пошлины и определяли размер таможенных сборов, всячески стремились обмануть неискушенных в коммерческих делах горцев¹¹⁹.

В 1770 г. владетели и старшины Аксая и Эндери выражали недовольство действиями директора Кизлярской таможни Хастатова, который, взимая с их подвластных пошлины, причинял им «нестерпимые обиды». Кизлярский комендант среагировал на это заявление и направил в таможенную ордере, где подчеркивалось, что кабардинцы и кумыки государственным указом освобождены от уплаты каких-либо пошлин, как верноподданные России¹²⁰. Подобные действия таможенных служб далеко не содействовали, а наносили ущерб русско-дагестанским экономическим взаимоотношениям. Иногда вразрез с политикой правительства России, проводимой в регионе, были направлены и действия самой Кизлярской администрации. В 1790 г. Кизлярский комендант фон Вейсфельд самовольно приказал командирам форпостов отбирать у приезжающих «из-за границы» в Кизляр «владельцев, узденей и всего народа» оружие и взимать пятикопеечный сбор. Это вызвало возмущение и жалобы дагестанских владетелей. Местные военные власти вынуждены были вмешаться и предпринять меры по прекращению подобной практики Кизлярской администрации и таможенных служб, опасаясь нарушения мирных отношений с местным населением¹²¹.

В 1791 г. шамхал тарковский обращался с ходатайством к императрице Екатерине II о возвращении на пост директора Кизлярской таможни асессора И.Петрова, которого горцы хорошо знали, он снискал их расположение и уважение¹²². «Во владении моем... скудные и маломочные народы были оным директором и довольны, и благодарны...», а при новом директоре «маломочные промышленники и прочие стали терпеть притеснение и затруднение...»¹²³, – писал шамхал. В ответ на это заявление тарковского владетеля президент Коммерцколлегии граф А.Р.Воронцов писал, что Кизлярской и Астраханской таможням предписано оказывать «всякую справедливость и ласковость приезжающим туда для торга подвластным вам народам, не делая им впредь никаких обид и притеснений... ибо желание... нашей монархини есть таково, чтобы как подвластные вам, почтеннейший приятель мой, дагестанцы, так и прочие соседственные народы... могли в полной мере пользоваться всякою свободою торговли»¹²⁴.

Изучение архивных документов подтверждает тот факт, что царская администрация в Кизляре искусно использовала таможенную политику в качестве экономического рычага для решения некоторых политических вопросов.

В 1790 г. правитель кавказского наместничества С.Брянчанинов в ответ на неоднократные просьбы тарковского шамхала и хана Дербента поставил перед правительством вопрос об освобождении от пошлин их товаров, провозимых в Кизляр и Астрахань для продажи, считая необходимым «возбудить» в них верность к российскому престолу и «удалить» их от соглашения с Турцией; Брянчанинов предлагал «хотя бы на то время, пока кончитца с Портою продолжающаяся ныне война, позволить... им принадлежащие вещи пропускать без пошлин»¹²⁵. Предложение это было поддержано правительственными кругами и Брянчанинову в том же 1790 г. был направлен указ, разрешавший кавказцам, в том числе и дагестанским владетелям, привозить в Кизляр и Астрахань товары без уплаты пошлин. Но были поставлены условия, заключающиеся в том, чтобы не вывозились всякого рода запрещенные (заповедные) товары. Кроме того, размер пошлины, от которой они освобождались, не должен был превышать 300 руб. в год¹²⁶.

Таким образом, будучи действительно заинтересованными в дальнейшем развитии торгово-экономических взаимоотношений с горцами Дагестана и делая для этого все возможное, царизм старался взять под свой контроль этот процесс и извлечь из этого максимальные выгоды, как политические, так и экономические¹²⁷. Стараясь завоевать расположение и доверие феодальных владетелей Дагестана, российская администрация в Кизляре проявляла внимание к их просьбам, стремилась удовлетворить их, предоставляя разного рода льготы, выступая в качестве своего рода третейского судьи, лавируя между сталкивающимися интересами владельцев различных феодальных владений Дагестана. Озабоченная желанием усилить свое влияние среди них, кизлярская администрация использовала самые разнообразные экономические рычаги.

Как сообщают архивные документы, летом 1782 г. чиркеевские старшины благодарили кизлярского коменданта за разрешение «пасти баранов в российском месте»¹²⁸. Осенью 1790 г. уздени эндирейского князя Касая Аджимуртузалиева получили разрешение «пасти скот на той стороне р. Терек в двух кошах баранов и один конский табун»¹²⁹.

Летом 1768 г. между владетелем Эндирия Темиром Хамзиным и шамхалом тарковским Мургузали произошел конфликт из-за урочища Кошичу на берегу р. Сулак. Обвиняя подвластных шамхала в разбойном нападении на эндирейские «дачи» и в угоне скота, Темир Хамзин в письме на имя кизлярского коменданта Н.А.Потапова предъявлял свои владельческие права на то, что с древнейших времен границей между

Эндирейским владением и тарковским шамхальством служила р.Сулак¹³⁰. В свою очередь тарковский шамхал обосновывал свои права на левобережье Сулака ссылкой на то, что эти земли принадлежали его предку Адиль-Гирею, с разрешения которого была там основана крепость Святого Креста¹³¹. Взяв на себя роль посредника, поскольку были задеты интересы эндирейцев, подданных России, кизлярский комендант послал ротмистра Терского войска Мещерякова с несколькими ногайцами для расследования дела на месте, которому он рекомендовал в случае, если не удастся доказать правоту эндирейцев, все равно «... по здешнюю сторону Сулака нимало никаких угодий шамхалу не уступать и андеевцев до того не допускать»¹³². Этот вопрос долго муссировался в корреспонденции кизлярского коменданта, не находя своего решения.

Но более существенным проявлением т.н. «политики ласкания» в этот период следует, вероятно, рассматривать разрешение российских властей вывозить на Кавказ, в том числе и в Дагестан, железо, которое относилось к числу «заповедных», т.е. запрещенных к вывозу на Восток товаров¹³³.

Развивающееся ремесленное производство и хозяйственные потребности в дагестанских владениях испытывали острую нужду в привозном русском железе. Большой спрос приводил к усилению контрабандных поставок железа и к повышению на него цен. Российские власти преследовали контрабандную торговлю железом. Об этом свидетельствуют многочисленные распоряжения кизлярских властей об усилении контроля на таможах и форпостах с целью «недопущения потаенного провоза железа, стали и свинца». Кизлярская администрация ловко использовала данное положение с металлом в качестве экономического рычага, разрешая отпуск большего или меньшего количества металла тому или иному владетелю Дагестана. Лишь в 1798 г. был издан указ, разрешавший вывоз металла (кроме военных снарядов) из Астрахани и Кизляра на Кавказ, хотя представителями передовой экономической мысли России еще в 1761 г. было рекомендовано правительству: «ближайшее средство к получению в государстве денег, а именно: тотчас отныне... позволить все те здешнего продукта товары за море отпускать, кои каким-либо образом донныне запрещены были». Они считали особенно выгодным для казны увеличить экспорт леса и железа. «Политически и экономически крайне нужно, пешась об увеличении вывоза железа за границу..., чтоб сей знатной и собой уже полезной торг сделать еще полезнейшим»¹³⁴, – говорится в документе.

§ 3. Экономические центры Дагестана как центры русско-дагестанской торговли

Во II половине XVIII в. помимо города Кизляра, ставшего центром русско-кавказской, т.е. и русско-дагестанской торговли, важную роль продолжали играть и крупные экономические центры Дагестана – Аксай, Эндирей, Тарки, Дербент, выполнявшие функции центров как внутренней торговли Дагестана, так и внешней – с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа. Через них пролегла сухопутная международная Волжско-Каспийская транзитная торговая магистраль, издревле связывавшая Средний Восток с Западной Европой¹³⁵. Здесь проходила «купеческая дорога, сообщающая посредством торговли народы от Каспийского до Черного моря живущие»¹³⁶. Эндирей являлся как бы связующим звеном между Кизляром и Нагорным Дагестаном. «Деревня сия есть всему кавказскому народу воротами на плоскость», – констатировал кизлярский комендант Ахвердов¹³⁷. «Здесьние купцы, – сообщал кизлярский комендант, – туда в горы отвозят /товары/ и тамо в розницу продают и не ездят в Кизляр, там у оных /у купцов/ что кому надобно берут»¹³⁸.

Среди архивных документов имеются сведения, красноречиво иллюстрирующие ассортимент товаров как с одной, так и с другой стороны. Вывозили из Эндирейского владения, как уже выше отмечалось, марену в больших количествах, шелк-сырец, а также рис, фрукты, мед, воск, сыр, изделия из шерсти, шелковые и бумажные ткани, горское сукно, таркалы для виноградников и т.п. Многочисленные прошения кизлярских купцов о пропуске их через таможенную с товарами в Эндирей свидетельствуют о выгодах этой торговли для них. Это подтверждается и тем обстоятельством, что многие кизлярские купцы открывали свои лавки в Эндирее¹³⁹.

Акбиев А.С., исследуя экономическое развитие кумыкских земель (вторая половина XVII – первая половина XVIII в.) и освещая место торговли в хозяйственной жизни кумыков, основываясь на архивных данных, приходит к выводу, что в таких крупных торговых центрах как Тарки и Эндирей существовали своеобразные купеческие организации, следившие за правильным заключением торговых сделок, при осуществлении которых употреблялись расписки и векселя¹⁴⁰. Мы полагаем, что данный вывод требует уточнения. Это купеческие организации, на наш взгляд, кизлярского армянского купечества, которое подолгу оставалось в торговых центрах Дагестана, торгуя здесь в собственных лавках и дуках.

Судя по архивным документам, кизлярские купцы возили в Эндирей на продажу самые разнообразные изделия российской промышленности: холст, иголки, наперстки, курительные трубки, карманные зеркала,

ла, замки, сундуки, писчую бумагу, предметы роскоши: парча, бархат и т.п.¹⁴¹

Для иллюстрации ассортимента товаров, вывозимых из Эндирей, приведем данные архивных документов:

14 мая 1768 г. через Каргинскую таможенную в Кизляр из «Андреевской деревни привезены тамошними жителями... корня марены – 12 харалов, шелку-сырцу – 2 полутайка ... сукна черкасского – 4 арш., намазлыков – 3, кошма – 1, палас – 1, бурок – 2...». 18 мая «... сукна кубачинского – 5 концов, шкур медвежих – 2, бирючьих – 11, козлиных – 20...», 22 мая «... чихиря тавлинского две бочки»¹⁴². В марте 1772 г. эндирейский владелец Темир Хамзин отправляет своих подданных с 4 арбами муки для продажи в Кизляре¹⁴³.

В июле 1772 г. приказчик московской суконной мануфактуры И. Андреев вывозил через Кизляр в Астрахань купленный в Эндирее товар: «марены в 37 мешках, орехов грецких в 2-х мешках, воску – 1 пуд. 10 фунтов, чекменей черных – 130 в двух узлах, крыш одеяльных – 21, бязей здешнего дела – 33 ... здешнего рода пшеница в 7 мешках, здешнего ж роду бумаги хлопчатой – 2 пуда 17 фунтов, ... купленных здесь замков ружейных (считаю возможным предположить, что эти ружейные замки сделаны или в Амузги, или в др. ремесленном центре Дагестана – Е.И.) – 10 шт., шкур лисьих – 57, волчьих – 8, куниц – 14, ... овчин мелких – 260...»¹⁴⁴.

Вторым по своему значению торговым центром Засулакской Кумыкии во II половине XVIII в., как и прежде, было сел. Аксай¹⁴⁵. Жители Аксаи занимались земледелием, скотоводством, причем земледелие занимало ведущее место. Здесь производились «пшеница, ячмень, просо, овощи», много собиралось «хлопчатой бумаги»¹⁴⁶. В Аксае имели свои лавки кизлярские купцы из армян, сообщают архивные документы. В одном из них приводится реестр товаров кизлярского купца Ефремова, торгующего в лавке в Аксае, где наряду с российскими товарами: холст, иглы, медные наперстки, зеркала, складные ножи, замки; восточными: бязь шемахинская, крымская, зафиксировано также: сукно мичкизское, черкесские башлыки и др. Этот документ говорит о многом, а в первую очередь иллюстрирует посредническую роль Аксаи в торговле между народами Северо-Восточного Кавказа и Россией¹⁴⁷. Аксайцы, по данным архива, вывозили на продажу в Кизляр марену, хлопок, шелк, рис, фрукты, мед, сукно местное и бурки. В Кизляре же они приобретали главным образом изделия русской промышленности: «для домашних потребностей ... котлов чугунных – 2, сундук, окованной жостью – 1, башмаков савровых (вид кожи) – 4 пары, сито – 1, холста на 4 рубахи...»¹⁴⁸ и др.

В изучаемое время наблюдается дальнейшее расширение экономических связей с селением Костек¹⁴⁹. Рапорты с Каргинского форпоста,

через который проезжали едущие из Кизляра в Костек или обратно по торговым делам костекцы или кизлярские купцы, дают нам данные для представления об ассортименте товаров этой постоянно действующей в 50-80-е годы XVIII в. экономической связи между Кизляром и Костеком. 4 ноября 1761 г. кизлярский купец Назар Артемьев привез из Костека «... муки пшеничной два чувала, проса три чувала, кураги один чувал, посуды глиняной один четень...»¹⁵⁰. В феврале 1763 г. кизлярский тезик Баба Исмаилов привез в Кизляр из «Костекской деревни ... шелку-сырцу два полутайка, разного разбитного товару шелкового и бумажного – один полутаек, один узол и три переметные сумы, да в четырех малых мешках миндальных орехов, пшена сарачинского...»¹⁵¹. Среди товаров, ввозимых в Костек кизлярскими купцами: «холста – 350 арш., холщевых бурметей – 20 концов, пестряди холщевой – 53 арш., котлов чугунных – 40...» и т.п.¹⁵²

В сентябре 1769 г., по данным архива, поданный костекского владетеля Хамзы Алишева отправлялся в Кизляр для покупки 5 пудов железа и двух ведер масла для нужд семьи Хамзы¹⁵³.

В ноябре того же года Хамза Алишев просил Кизлярского коменданта разрешить купить в Кизляре для него 6 пудов железа и 6 ароб пшеницы¹⁵⁴. О давних прочных и постоянных деловых связях кизлярских и астраханских купцов с Эндиреем, Аксаем и Костеком свидетельствуют многочисленные просьбы этих купцов, упоминаемые нами выше, пропустить их товар, а именно самый ходовой из товаров – холст, для погашения долгов, которые имели на себе эти купцы у жителей Засулакской Кумыкии¹⁵⁵. В 1768 г. известный астраханский купец Тимофей Дуткин заключил с костекским владетелем и его подвластными подряд на поставку им необходимых товаров, что он будет «всякие потребные им вещи в ту деревню отвозить, принимая за них тамошние товары»¹⁵⁶.

Кизлярский комендантский архив дает нам сведения для характеристики экономических связей ногайцев¹⁵⁷ с Кизляром¹⁵⁸. Архивные документы позволяют определить ассортимент товаров, привозимых ногайцами в Кизляр и вывозимых из Кизляра. Они в обмен на свои товары приобретали здесь необходимые им вещи как местного северокавказского происхождения, так и российские, а также восточные товары. Пригоняли же они в Кизляр на продажу крупнорогатый скот, табуны лошадей – ценнейший по тем временам товар, в котором нуждались как Россия, так и местные дагестанские, чеченские, кабардинские и закавказские владетели, стада овец, шерсть, изделия из нее, масло и другие продукты животноводства. Свою продукцию они сбывали и на осенних ярмарках в притеречных казачьих станицах. Русская администрация Кизлярской крепости закупала у ногайцев для армии драгунских и гужевых лошадей¹⁵⁹. Следует также отметить тот факт, что немало-

важная роль в обеспечении всех транзитных сухопутных перевозок товаров региона принадлежит ногайцам. Они поставляли на своих арбах за плату почти всю массу купеческих и казенных товаров из Кизляра в Астрахань, Моздок и обратно¹⁶⁰. Ногайцы занимались и отхожим промыслом. С наступлением весны они уходили на заработки в казачьи станицы, занимались обработкой садов и виноградников, молотьбой хлеба и т.п.¹⁶¹

Особого внимания, подчеркивает Д.С. Кидырниязов, заслуживают документы, рассказывающие о добрососедских связях ногайцев с терскими казаками¹⁶². Во время неурожая и голода казаки помогали ногайцам провиантом и др.¹⁶³ Опыт разведения скота ногайцами на огромных степных просторах Северо-Восточного Кавказа способствовал развитию навыков скотоводства среди русского населения Притеречья. Казаки перенимали у местных народов породы скота, более приспособленные к местным условиям¹⁶⁴. Ногайцы арендовали у царской администрации Кизлярской крепости земли под пастбища. Так, в 1758 г., по сообщению архивного документа, к кизлярскому коменданту обратился ногаец Найманова аула О.Кантемиров с просьбой выделить ему пастбища под выпас скота¹⁶⁵.

Во II половине XVIII в. непрерывными и разнообразными становятся экономические связи России с крупным ремесленным центром Дагестана – Тарки. Тарки, как указывалось выше, веками являлись связующим звеном в транзитной торговле России с Востоком. Казна шамхала тарковского непрерывно пополнялась доходами как от торговли, так и от таможенных сборов. Говоря о таркинцах, И. Гербер сообщал, что сеют и собирают много хлопчатой бумаги, которая там «наилудче растет»¹⁶⁶. В окрестностях Тарков в большом количестве произрастала марена, сбор которой шамхалы тарковские отдавали на откуп российским купцам¹⁶⁷. В столице шамхальства, по свидетельству современников, в изучаемое время получили развитие различные кустарные промыслы, появилось множество мелких мануфактур. Здесь, как и во многих торговых центрах того времени, имелся квартал, где в основном было сосредоточено торгово-ремесленное население¹⁶⁸.

Как отмечает В.Г. Гаджиев, в изучаемое время в Тарках уже дает о себе знать небольшая пока, но собственно купеческая прослойка¹⁶⁹, постоянно ведущая торговлю в России и Персии.

Таркинцы поставляли в Кизляр и далее в Россию сырье (марена, шелк-сырец, хлопок), изделия кустарных ремесел, продукты своей сельскохозяйственной деятельности, а также восточные товары, которые они перекупали в Дербенте, Шемахе, в Закавказье и с выгодой перепродавали их на российском рынке. В Тарки стекались товары и из внутреннего Дагестана. Сюда по торговым делам приезжали из России купцы, некоторые из них следовали транзитом с товарами через Тарки на

Восток, другие жили в Тарках постоянно «для купечества». Отдельные кизлярские купцы являлись торговыми поверенными самих шамхалов, ведя от их имени торговые операции в Астрахани и Кизляре¹⁷⁰. Архивные документы ярко иллюстрируют широкий ассортимент товаров, поступавших в Тарки из России и из Европы: это всевозможные металлические изделия, медные котлы, блюда, сундуки, тазы, топоры, ножи, гвозди, огнестрельное оружие, иглы, булавки, ножницы, пуговицы, зеркала, меха, европейские шерстяные ткани, бархат, холст и ситец и т.п.¹⁷¹

Кизлярские и астраханские купцы поддерживали регулярные торговые связи с селениями, входившими в состав шамхальства тарковско-го: Губденом, Карабудахкентом, Эрпели и др., откуда в большом количестве вывозили фрукты свежие и сушеные, «пшено сорочинское» и орехи¹⁷².

В августе 1783 г. кизлярский комендант просил шамхала тарковского оказать содействие астраханскому купцу, который следовал в Карабудахкент, сопровождаемый командой казаков и подводами для закупки, видимо, достаточно большого количества фруктов для Петербургского двора¹⁷³. На протяжении многих лет в шамхальские владения направлялись специальные торговые агенты для закупки фруктов для императорского окружения¹⁷⁴. В «Путевых очерках» графа Яна Потюцкого зафиксировано следующее: «По пути из Кизляра нам встретились огромные караваны с фруктами. Их везли люди шамхала в Астрахань для отправки в Петербург»¹⁷⁵. В архивном документе комендант обращался к Бамат-Мирзе Карабудахкентскому с сообщением о том, что подвластные последнего могут «без всякого опасения ездить в Кизляр для продажи фруктов»¹⁷⁶.

Довольно оживленные торговые связи существовали и с Кайтагом. И. Гербер сообщал о плоскостной части Кайтага, что эта «земля хлебородная... довольно пашен, садов... добрые луга» для скотоводства¹⁷⁷. Груши, яблоки, айва, персики, абрикосы, орехи – вот неполный перечень того, что вывозилось на продажу из Кайтага в Кизляр, Астрахань и др. города России.

Во владениях уцмия росла также и «наилучшая марена». В 1790 г., как сообщает архивный документ, приказчик кизлярского купца И. Иерусалимского просил разрешение на вывоз из Кизляра купленную в сел. Башлы марену весом 520 пудов. общей стоимости 1560 руб.¹⁷⁸

В Нагорный Кайтаге также занимались земледелием и скотоводством, но значительное место в экономике жителей этого региона отводилось ремеслу и домашним промыслам. Здесь функционировали известные на весь Кавказ такие ремесленные центры, как Кубачи, Амузги, Харбук, Сулевкент, Ицари и др. Кубачинцы «...и теперь очень искусные художники и выделывают прекрасное огнестрельное оружие, гладкое и граненое, сабли, панцири и многие золотые и серебряные вещи для вы-

возу за границу... – сообщал современник. – ...В равнинах своих имеют они пажити и пахотные поля, но хлеб большей частью достают по купле, надеясь в содержании себе иметь достаточный прибыль от своих мануфактур...»¹⁷⁹. Жителям этих селений было удобнее торговать с Россией через Дербент. Сюда вели веками апробированные торговые пути. Немалую роль в этом продолжали играть купцы-посредники из кизлярских и местных армян, грузин и евреев, хорошо знавшие торговые обычаи и условия торговли в регионе и проникавшие с товаром и за товаром в Нагорный Дагестан. В архивных документах среди товаров, вывозимых в Дербент из Кайтага, чаще всего упоминаются бурки и сукно и в довольно крупных партиях¹⁸⁰. Мы приводим сведения дербентской таможни, не утверждая, что весь этот товар вывозился в Россию, но предположить, что часть из него шла на рынок Кизляра и Астрахани как для нужд местного населения, так и на вывоз, на наш взгляд, есть все основания.

Кайтагцы поддерживали постоянные торговые отношения с Кизляром, что подтверждается архивными данными. Приезжая в Кизляр для торгов, они приобретали там самые разные товары, в основном же это: железо, изделия из него, дешевые русские ткани, кремни, а также скот и лошади¹⁸¹.

Изучение данных Кизлярского комендантского архива дает основание утверждать о наличии достаточно широких торговых связей, осуществлявшихся между Россией и Казикумухским ханством. Довольно самостоятельный казикумухский хан в изучаемое время выступает в роли крупного торговца, поддерживающего активные экономические отношения с Кизляром и через Кизляр. В одном из архивных документов сообщается о том, что в 1798 г. тарковский шамхал Мехти задержал товар, а именно – 200 пудов шелка в 49 полутайках стоимостью в 24 тыс. рублей, который был куплен в Джарах и перебрасывался в Кизляр подданными казикумухского хана, которые в целях безопасности назывались шушинскими купцами (в это время между шамхалом Мехти и казикумухским ханом «была ссора» – Е.И.)¹⁸². В другом документе сообщается, что для казикумухского хана куплены «на его потребности, на собственные его ханские деньги разных товаров по цене 600 руб.: краски брусковой (индиго) 2,5 пуда, семя канцельного (кошенили) 2 пуда и холста 2 тыс. аршин»¹⁸³. Следует обратить внимание на тот факт, что хан покупает в довольно больших количествах краску разного цвета: индиго и кошениль, которая, вероятно, нужна ему для окрашивания шерсти для ковров или сукна. Другим крупным торговцем Казикумухского ханства выступает в документах казикумухский кадий, который, как и сам хан, ведет кредитно-ростовщические операции, давая в долг деньги российским (т.е. немусульманам – Е.И.) кизлярским купцам под проценты¹⁸⁴.

В документах не указывается под какой процент, но не будет ошибкой утверждать, что он довольно высок. Вероятность развитости в Казикумухском ханстве XVIII в. товарно-денежных отношений не вызывает сомнений. На этот счет небезынтересны наблюдения исследователя-арабиста Х.А. Омарова. Изученные им 47 актов записей, зафиксированных в рукописном Коране, содержат редкие сведения по истории экономической жизни Казикумуха начала XVIII в.¹⁸⁵ Эти акты являются купчими на земельные наделы, зарегистрированные на имя Къачи сына Муты и на некоторых его родственников. Сам Къача выступает здесь как основатель торгового дома в Кумухе. На его имя составлено 20 актов о коммерческих сделках. Къача приобрел участки у 17 владельцев, уплатив при этом деньги в сумме 162 тумана 3 аббасы 100 шагьи 2 дирхема¹⁸⁶. Другая часть записей – акты по предоставлению кредита с целью получения прибыли. Здесь следует отметить, что, так как взимание ростовщического процента запрещено Кораном: «Аллах разрешил торговлю и запретил рост», кумухцы, в данном случае семья Къачи, прибегали к так называемым «шариатским ухищрениям», придавая кредиту форму торговой сделки при участии шариатского судьи. В этом случае прибыль от основной суммы должна была составлять 20%. При нелегальных же сделках и, возможно, при коммерческих сделках с немусульманами процент не был ограничен. Х.А.Омаров устанавливает несколько различных форм получения ростовщического процента в Казикумухе XVIII в., завалированных под куплю-продажу недвижимости с последующей арендой ее, т.е. предоставление кредита под видом купли участка земли, которая затем сдается в аренду продавшему ее для возвращения годового ростовщического процента¹⁸⁷.

Къача, сын Муты, являлся крупным лакским феодалом¹⁸⁸. Брат Къачи Нажмутдин также играл активную роль в кредитно-ростовщических операциях. На его имя зарегистрировано большее число актов, относящихся к 30-м гг. XVIII в. Нам кажется, вполне вероятным предположить, что семья, располагавшая довольно крупным по тем временам капиталом, не могла не участвовать и в большой торговле вне Казикумуха как с Закавказьем, так и с Россией.

Не следует также забывать, что различные владения Дагестана были с той или иной степенью активности причастны или вовлечены в торговую деятельность, издревле развивающуюся по прикаспийской коммерческой артерии, что, естественно, играло большую роль в их экономике. Поэтому в Дагестане особенно в приморской его зоне в XVIII в. более, чем где-либо на Кавказе, были развиты товарно-денежные отношения¹⁸⁹. В этой торговле были задействованы большие капиталы, имели хождение и денежные знаки различных денежных систем. В обращении были дербентские, шемахинские, российские, иранские, голландские, турецкие и даже кубачинские монеты. Кубачинцы

«...чеканят монету серебряную турецкую и персическую и даже (российские – Е.И.) рубли, кои обращаются в коммерции, потому что полновесны и имеют надлежащую доброту»¹⁹⁰. Как указывает Х.А.Омаров, в актовых записях коммерческих операций в Казикумухе в XVIII в. часто отмечается характеристика серебряных денег термином «халиса» или «жийад», соответствующими понятию «хорошие монеты», что, вероятно, следует понимать – монеты высокой пробы, т.к. некоторые аббасы, обычно грузинского чекана, имели содержание чистого серебра только 7,5 р. В документе это звучит следующим образом: «Нажмутдин-бек предоставил кредит Гьидже из Кубачи в размере 60 туманов, состоящих из монет хорошего качества достоинством аббасы...»¹⁹¹. Однако, все более и более российские деньги вытесняли другие, хотя и сохранялись старые названия турецких и персидских денежных знаков. Дагестановедами и до нас высказывалась мысль о неубедительности¹⁹² мнения некоторых кавказоведов, что денежное обращение в горах Дагестана носило случайный, эпизодический характер и то, начиная с последней четверти XVIII в., лишь в Аварском ханстве, у андийцев, и в зоне военнo-грузинской дороги¹⁹³. Учитывая вышеприведенные данные актовых записей в Казикумухе еще начала XVIII в., мы приходим к выводу не только о неубедительности, скорее, о несостоятельности этого мнения.

Немаловажную роль и в экономике жителей союзов сельских общин Дагестана в изучаемое время играли торговые отношения с Кизляром и Астраханью¹⁹⁴. По наблюдениям А.Г. Мансуровой, в конце XVIII – начале XIX в. жители Цудахара «беспрерывно» бывают в Кизляре. Прибывали туда «для разных покупок», а более всего для закупок зерна и муки. Привозили они для сбыта свои традиционные товары: пользовавшееся большим спросом сукно цудахарское и ходжалмахинское, продукцию животноводства и, особенно, садоводства, а также ремесла¹⁹⁵.

Таким образом, в связи с развитием торговли с Россией возрастал товарооборот и в самом нагорном Дагестане. Вместе с тем, утверждает Ф.З. Феодаева, «в этот период возрастает роль местного купечества и узденей в торговле с Россией, причем последние выступают не только как поверенные феодалов, но и от своего собственного имени...»¹⁹⁶. Развитие торговых и товарно-денежных отношений в дальнейшем привело к появлению в дагестанском обществе прослойки профессиональных торговцев-базарганов, скупщиков-кирачи, живших главным образом за счет торговли. Дальнейшее развитие рыночных связей, усиление товарно-денежных отношений в союзах сельских общин неизбежно усиливали дифференциацию общинников, хозяйство горцев теряло свой натуральный характер¹⁹⁷.

Особая роль во II половине XVIII в. в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений, как и прежде,

принадлежала Дербенту. Торговля Дербента с Россией в XVIII в. достаточно хорошо изучена и освещена в работах исследователя позднесредневекового Дербента Н.А. Магомедова¹⁹⁸. Дербент во II половине XVIII в. по-прежнему являлся наиболее важным торговым центром и общедагестанского значения¹⁹⁹. Горцы самых отдаленных частей Дагестана привозили сюда продукцию своего хозяйства и ремесла и обменивали ее на необходимый им товар. Особенное же значение имел Дербент для кайтагцев и для народностей лезгинской группы, которые находились в непосредственной близости к Дербенту и были связаны с ним целой сетью торговых дорог²⁰⁰. Общины Ахтыпара, Докузпара и Алтыпара занимались скотоводством, земледелием и ремеслом. «Этот народ... отличается от всех вольных обществ Дагестана своим богатством, промышленностью и многочисленностью...»²⁰¹, сообщается в архивном документе. Через Дербент эти народы и народы нагорного Дагестана имели возможность сбывать свои и приобретать необходимые им товары российской промышленности. «В Дербент привозят из Шемахи шелк и шелковые материи..., из города Тарков и соседних оному мест: марена, кубечинское сукно, бурки, мед, масло коровье, мерлушки, горские сушеные груши, ружья, пистолеты и сабли в кубечинском селении сделанные...»²⁰².

Из описания Дербента Бутковым, относящегося к 1796 г., следует, что Дербент довольно крупный торговый центр, с населением примерно в 10 тыс. чел. с несколькими караван-сараями, многочисленными торговыми лавками и фабриками шелковых и бумажных материй²⁰³, со своим монетным двором, что свидетельствует о наличии довольно развитых товарно-денежных отношений. Как подчеркивал Н.А. Магомедов, наличие 500 лавок в Дербенте в 1796 г. свидетельствует о высоком уровне развития торговли в Дербенте. Если допустить, что в каждой из них работало по 1-2-3 человека, то торговцев должно было бы насчитываться до тысячи человек²⁰⁴. Надо полагать, что через эти лавки реализовывались изделия дербентских 30 фабрик шелковых материй и 115 фабрик хлопчатобумажных тканей²⁰⁵. Жители Дербента сеяли пшеницу, ячмень, выращивали рис, виноград, яблоки, груши, гранаты, персики, занимались шелководством, выращиванием и сбором марены, шафрана²⁰⁶.

Дербент в изучаемое время продолжал также играть роль своего рода перевалочной базы товаров, которые привозились из России в Дербент как по морю, так и по суше, а оттуда рассредотачивались частью по владениям Дагестана, частью – в Закавказье. С другой стороны, Дербентское владение было одним из поставщиков марены и шелка-сырца для текстильной промышленности России. Дербент, будучи крупным центром внутридагестанской торговли, играл роль посредника в торговле владений Южного Дагестана с Россией. В свою очередь, Дербент нуждался в российских товарах, особенно в железе и изделиях из метал-

лов. Среди товаров, ввозимых из России в Дербент, следует особо выделить сахар, железо, медь, меха, сукна, иглы, наперстки, зеркала и многое др. В архиве кизлярского коменданта имеется достаточно большое количество документов, подтверждающих этот факт²⁰⁷.

Со своей стороны в обоюдовыгодной торговле с Дербентом были заинтересованы и российские торговцы. О том, что торговля с Дербентом принесла бы большие выгоды, указывал академик Гмелин, писавший, что сюда можно было бы ежегодно посылать два корабля с мукой, железом, сталью, свинцом и все это продавать «с великим барышом»²⁰⁸. По неполным данным Астраханской таможни в конце 70-х – нач. 80-х гг. XVIII в. в Дербент из Астрахани было вывезено тысяча пудов железа в полосах и 101 котел²⁰⁹. Торговавшие с Дербентом российские купцы вывозили оттуда в Кизляр, Астрахань и другие русские города, кроме уже названных товаров, таких как марена (которой, по сообщению П.Г. Буткова, до 6000 пудов ежегодно отправлялось морем в Астрахань, а также сушей в Кизляр)²¹⁰, шелк-сырец. По данным Астраханской таможни за 1778–1781 гг. из Дербента в Астрахань только морем было вывезено 270 пудов 20 фунтов хлопчатобумажной пряжи и хлопка. Примерно в то же время в Дербент было доставлено 1060 аршин российского полотна разных сортов²¹¹, еще и шелковые и бумажные ткани, шерстяные паласы, сафьян, рис, шафран, фрукты, вино и т.п.

По данным А.И. Ахвердова, в конце XVIII – начале XIX вв. большая часть из жителей Дербента была занята «в купеческом промысле... в покупке и продаже из разных мест привозимые к ним персидские товары, с коими в небольшом количестве продают произведения и своих шелковых и бумажных фабрик, имеющихся в городе»²¹². По его же сведениям, Дербент был связан торговлей с Кизляром, Эндиреем, Аксаем, Костеком, Тарками, Карабудахкентом, Губденом, Бойнаком, «табасаранскими, казыкумыцкими и прочими мелкими деревнями»²¹³.

Дербентские купцы и сами выезжали со своим товаром в Кизляр. Приведем здесь сведения об ассортименте их товаров, привезенных в Кизляр. Это «коноваты, кутни, платки гунбендинские, бурметы, фаты бумажные белые и красные, мови шелковые и полушелковые, кафтан нешитый, бязь, сукно кубачинское...» и т.п.²¹⁴ Дербентские торговцы в лице феодальной знати и собственно купцов покупали в российских городах, Кизляре и Астрахани, различные товары: «муки четыре или три мореходные судны», «верблюдов, лошадей, буйволов за товар на 400 руб.»²¹⁵ и т.п.

О заинтересованности во взаимовыгодной торговле с Россией свидетельствуют просьбы Фатали-хана сразу же по восшествии на ханский престол о расширении торговли с Россией, который напоминал о том, что Дербент «был издревле портом и завсегда туда российские суда ходили и коммерция между российскими и тамошними купцами происхо-

дила», выражая надежду, что российские купцы «по примеру прежне-му» будут прибывать в Дербент и торговать. Со своей стороны хан обещал оказывать купцам «всякое благодеяние»²¹⁶. Это послужило причиной секретного рескрипта Екатерины II, на основе чего и были посланы из Коллегии иностранных дел²¹⁷ и от астраханского губернатора два письма Фатали-хану. В рескрипте Екатерины II политика дербентского хана квалифицировалась как «доброхотство и благодеяние нашим подданным» и предлагалось проявить к нему «большого приласкания» и удержать его «к здешней Российской стороне и дабы содержать его всегда при доброхотстве». Поэтому «повелели мы нашему сенатору... Панину, – писала Екатерина II астраханскому губернатору, – на вышеозначенное Фаталиханово письмо отправить в приласкательных терминах ответное...». Далее она приказывала, чтобы «при отправлении из Астрахани в Персию с товарами судов заезжать несколько в Дербент». «Случая не упустите, – предупреждала императрица, – по желанию его, хана, нарочное судно с товарами для торгу в Дербент отправить»²¹⁸. Отсюда явствует, что российское правительство в свою очередь было заинтересовано в дальнейшем расширении торговых связей с Дербентом.

Несколько позже Фатали-хан в своем письме российскому консулу М.Е. Сулякову сообщал: «О построении для российских ...купцов гостиного двора приказано от нас..., чтобы им (его придворным – Е.И.) иметь накрепчайшее старание и построить для купцов без замедления гостиный двор...»²¹⁹. Старания Фатали-хана направить торговлю России с Персией через Дербент вытекали из стремления поднять экономическое значение Дербента, подорванное как нашествием Надир-шаха, так и длительной междоусобной борьбой. В 1769 г. Фатали-хан писал российскому двору: «Ныне воспоследствовало во всем здешнем крае нехлебородие... Послал от себя нарочного в Астрахань со испрошением той милости, чтобы дозволено ему было купить съестных припасов на деньги на десять мореходных суднах, а затем желающие бы астраханские купцы для своей прибыли отпущены были с мукой сюда»²²⁰.

Все сказанное нами выше показывает, что русско-дагестанские торгово-экономическое интегрирование во II половине XVIII в. продолжало развиваться в русле сложных и противоречивых как внутри, так и внешнеполитических событий в регионе. Его стабильность и неуклонное расширение было обусловлено общностью экономических интересов как Дагестана, так и России. Под влиянием этого процесса в экономике Дагестана происходили большие изменения, нарождались новые экономические отношения. Правительство России и в этот период продолжало отводить большое внимание развитию торговых связей, усматривая в этом одно из средств распространения своего влияния в регионе.

Основным сырьевым товаром, вывозимым во II половине XVIII в. из Дагестана, остается марена. Из Дагестана и через Дагестан из стран

Закавказья в Россию продолжал поступать шелк-сырец и хлопок. Большое место в дагестанском экспорте отводится различным фруктам, которые поставляются на российский рынок как в свежем, так и сушеном виде, а также рыбе и рыбным продуктам. Из России в Дагестан, как и прежде, поступали различные металлы и изделия из них, а также различные хлопчатобумажные и шерстяные ткани и другие жизненно необходимые горцам товары.

Огромное влияние на развитие торговли в регионе оказывал Кизляр, а также крупные экономические центры Дагестана, такие как Дербент, Тарки, Эндирей, Костек, где в изучаемый период имели свои лавки российские купцы.

Торговые связи с нагорным Дагестаном осуществлялись через торговые центры, расположенные на плоскости, а также через посредников из армян и грузин из кизлярского купечества, которые поставляли российские товары в старинные центры внутренней торговли – Анди, Казикумух, Цудахар, Акуша и др.

¹ Шамхалы Тарковские // ССКГ. Тифлис, 1868. С.59-61; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С.25; Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. М., 1991. С.139; Феодаева Ф.З. Из истории русско-дагестанских политических взаимоотношений в 60–80 гг. XVIII в. // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. научн. сообщений. Махачкала: Даггосуниверситет, 1970. Вып. I. С.136; ЦГА РД. Ф.379. Оп.2. Д.53. Л.75.

² См.: Козубский Е. История Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906; Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией. Баку, 1965; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения во II пол. XVIII – нач. XIX вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1973; Магомедов Н.А. Экономическое развитие Дербентского ханства в XVIII в. (Ремесло, торговля, налогово-финансовая система). Дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1985.

³ См. подробно: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.141–146.

⁴ Феодаева Ф.З. Из истории... С.144; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.540. Л.35; Д.562. Л.98.

⁵ Там же. Д.529. Л.81. Письмо группы кизлярских купцов от 26.3.1762 г.

⁶ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.540. Л.37.

⁷ Сотавов Н.А. Указ. соч. С.140.

⁸ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.138.

⁹ ЦГА РД Ф.367. Оп.2. Д.678; Д.743. Л.3; Д.716. Л.54; Д.946. Л.60–61, 81–82, 84 и т.д.

¹⁰ Гаджиев В.Г. Роль России... С.155.

¹¹ КРО. Т.2. С.219.

¹² Сотавов Н.А. Указ. соч. С.149.

¹³ Русско-дагестанские отношения в XVIII – нач. XIX вв.: Сб. док. М., 1988 (Далее РДО, 1988). С.13.

¹⁴ Там же. С.13. АКАК. Тифлис, 1867. Т.2. С.1123, 1124.

¹⁵ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г. СПб., 1869. Ч. II. С.286, 287.

¹⁶ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.117; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.750. Л.3, 12, 18, 28, 33, 40.

¹⁷ Там же. Д.884. Л.12; Д.873. Л.3, 4; Д.881. Л.18, 32, 81, 91, 109; Д.2995. Л.70.

- ¹⁸ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.117; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.915. Л.1–4, 15, 17, 19, 20, 25, 36, 47, 61, 63, 64; Д.881. Л.70.
- ¹⁹ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. // УЗ ИИЯЛ. Махачкала, 1965. Т.14. С.161; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.58. Л.60.
- ²⁰ Там же. Д.529. Л.46.
- ²¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. С.86.
- ²² ЦГА РД. Ф.379. Оп.2. Д.43. Л.89; РДО., 1988. Док. №88. С.87.
- ²³ Там же. Оп.1. Д.1157. Л.8.
- ²⁴ Там же. Д.492. Л.7; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения ... С.119.
- ²⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.3. Д.138. Л.28; Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.120.
- ²⁶ ЦГА РД. Ф.379. Оп.3. Д.873. Л.20, 64; Д.883. Л.1, 11; Д.915. Л.82, 23, 24, 30, 31, 38, 40, 41, 48, 62, 65–67.
- ²⁷ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.119.
- ²⁸ Там же. Д.657. Л.78; Д.1183. Л.42, 46, 58, 59.
- ²⁹ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.225.
- ³⁰ Маркова О.П. Указ. соч. С.84, 85.
- ³¹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.873. Л.3; РДО, 1988. С.146.
- ³² Там же. Д.963. Л.38; Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.99.
- ³³ Там же. Л.880. Л.30.
- ³⁴ Там же. Д.881. Л.31.
- ³⁵ Там же. Д.991. Л.57, 67.
- ³⁶ Маркова О.П. Указ. соч. С.88.
- ³⁷ РДО, 1988. С.235–237.
- ³⁸ Маркова О.П. Указ. соч. С.93.
- ³⁹ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.33; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.509. Л.11; Л.1183. Л.1; Д.854. Л.6.
- ⁴⁰ Там же. Д.336. Л.7, 9, 107, 108.
- ⁴¹ Там же. Д.655. Л.34.
- ⁴² Там же. Д.727. Л.93; РДО, 1988. С.132.
- ⁴³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.728. Л.88; Д.722. Л.11.
- ⁴⁴ РДО, 1988. С.133, 135.
- ⁴⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.203. Л.58; Д.227. Л.53 № Д.304. Л.49; Д.336. Л.16; Д.726. Л.63; Д.677. Л.3; Д.682. Л.99; Д.723. Л.72; Д.727. Л.51; Д.729. Л.95; Л.728. Л.88, 89; Д.853. Л.1; Л.852. Л.21; Д.854. Л.49; Д.779. Л.84; Д.1171. Л.9; Д.1182. Л.19, 68; Д.1194. Л.80.
- ⁴⁶ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.434.
- ⁴⁷ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.104; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.517. Л.107, 108; Д.480. Л.69; Д.1172. Л.3; Д.1183. Л.19.
- ⁴⁸ Там же. Д.465. Л.72; Д.656. Л.23, 98; Д.520. Л.34; Д.564. Л.54; Д.854. Л.62; Д.404. Л.42; Д.654. Л.14; Д.653. Л.56.
- ⁴⁹ Там же. Д.858. Л.65.
- ⁵⁰ Там же. Д.722. Л.52.
- ⁵¹ Там же. Д.722. Л.52.
- ⁵² Там же. Д.1183. Л.80.
- ⁵³ Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – I пол. XIX в. // Труды ЧИНИИЯЛ. Грозный, 1961. Т.4. С.289.
- ⁵⁴ АКАК. Тифлис, 1866. Т.1. С.10.

- ⁵⁵ Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терка. Махачкала, 1986. С.96.
- ⁵⁶ Гриценко Н.П. Указ. соч. С.289–291.
- ⁵⁷ Куканова И.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – нач. XVIII в. // ИЗ М., 1956. Т.57. С.253.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.468. Л.98.
- ⁶⁰ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения... С.111; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.484. Л.71; Д.468. Л.98, 99, 102; Д.510. Л.8; Д.492. Л.44; Д.524. Л.129.
- ⁶¹ Там же. Д.508. Л.44; Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.112.
- ⁶² ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.509. Л.99.
- ⁶³ Там же. Д.524. Л.129.
- ⁶⁴ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.114.
- ⁶⁵ См.: Записка сенатора Н.Е. Муравьева о развитии коммерции и путей сообщения в России (60-е гг. XVIII в.) // Историческая география России XII – начало XX в. М.: Наука, 1975. С.234–247.
- ⁶⁶ См.: Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука, 1966. С.182.
- ⁶⁷ Аксенов А.И. Генеалогия московского купечества XVIII в.: Из истории формирования русской буржуазии. М.: Наука, 1988. С.108.; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.445/28. Л.4.
- ⁶⁸ Умаханов М.-С.К. Развитие товаро-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С.35–36. ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.508. Л.60.
- ⁶⁹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.873. Л.3.
- ⁷⁰ Аксенов А.И. Указ. соч. С.107; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.5276/1. Л.1.
- ⁷¹ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений... С.161.
- ⁷² ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1196. Л.21.
- ⁷³ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения ... С.115; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.855. Л.127; Д.1142. Л.58; Д.979. Л.10.
- ⁷⁴ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.35.
- ⁷⁵ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.34; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.595. Л.74.
- ⁷⁶ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.595. Л.34, 63, 68, 74; Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.165.
- ⁷⁷ Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения с Россией... С.126; ЦГВИА. Ф.ВУА. Д.18474. Ч.5. Л.4.
- ⁷⁸ Тихонов Д.И. Описание Северного Кавказа. 1796 г. // ИГЭД. С.140; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.855. Л.124; Д.1142. Л.58; Д.979. Л.10.
- ⁷⁹ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.115.
- ⁸⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.855. Л.127, 129.
- ⁸¹ Левиатов В.Н. Очерки из истории Азербайджана в XVIII в. Баку, 1948. С.58.
- ⁸² См.: АКАК. Тифлис, 1867. Т.II. Док.1203. С.602.
- ⁸³ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.34; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.289. Л.25; Д.290. Л.41; Д.543. Л.30; Д.657. Л.28, 33, 37; Д.802. Л.47; Д.1198. Л.3, 8; Д.1196. Л.45, 52; Оп.2. Д.43. Л.76.
- ⁸⁴ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.30; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.290. Л.41.
- ⁸⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.2. Д.43. Л.76.
- ⁸⁶ Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.30.
- ⁸⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.2. Д.289. Л.26.
- ⁸⁸ Там же. Оп.1. Д.979. Л.8.

- ⁸⁹ Хромов П.А. Экономическое развитие России. М., 1967. С.219.
- ⁹⁰ См.: Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.96.
- ⁹¹ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.109; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.752. Л.2; Д.718. Л.3.
- ⁹² Троицкий С.М. Россия в XVIII веке. М.: Наука, 1982. С.236.
- ⁹³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.249. Л.112.
- ⁹⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.3. С.57.
- ⁹⁵ Марков Л.Н. Очерки по истории таможенной службы. Иркутск, 1987. С.28.
- ⁹⁶ Абдуллаев Г.Б. Указ. соч. С.390; Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.123.
- ⁹⁷ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.135.
- ⁹⁸ Дагестан в известиях русских и западноевропейских авторов XIII–XVIII вв. Махачкала, 1992. С.255.
- ⁹⁹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.595. Л.65.
- ¹⁰⁰ Там же. Д.529. Л.81.
- ¹⁰¹ Там же. Д.524. Л.143.
- ¹⁰² ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.524. Л.106.
- ¹⁰³ Тихонов Д.И. Указ. соч. // ИГЭД. С.135.
- ¹⁰⁴ Абдуллаев Г. Указ. соч. С.145; Магомедов Н.А. Финансовая система Дербентского владения в XVIII в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С.70.
- ¹⁰⁵ Магомедов Н.А. Указ. соч. С.76.
- ¹⁰⁶ Там же. С.72.
- ¹⁰⁷ Абдуллаев Г. Указ. соч. С.145; РГВИА. Ф.ВУА. Д.18474. Л.13–30.
- ¹⁰⁸ Марков Л.Н. Очерки из истории таможенной службы. Иркутск, 1984. С.27, 28.
- ¹⁰⁹ РДО, 1988. С.220–222.
- ¹¹⁰ Толстой Д. История финансовых учреждений России со времен основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848.
- ¹¹¹ КРО. Т.2. С.231–234.
- ¹¹² Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.126; РГА ДА. Ф. «Коммерцколлегия». Д.564. Оп.1. Л.1.
- ¹¹³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.357. Л.55.
- ¹¹⁴ Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. 1957. №1. С.148.
- ¹¹⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.409. Л.6.
- ¹¹⁶ Там же. Д.115. Л.67; Д.790. Л.56, 69; Бутков П.Г. указ. соч. Т.III. С.104.
- ¹¹⁷ Гаджиев В.Г. Архив кизлярского коменданта // ИСКНЦ ВШ. Ростов н/Д, 1978. №2. С.10; Феодаева Ф.З. Вопрос о торговых пошлинах в русско-дагестанских отношениях // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Сб. научных сообщений. Махачкала, 1972. С.134.
- ¹¹⁸ Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М.: Наука, 1966. С.182, 183.
- ¹¹⁹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья... С.222.
- ¹²⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.526. Л.56.
- ¹²¹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.3. Д.82. Л.2.
- ¹²² Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.128.
- ¹²³ РДО, 1988. С.224. Док. №311.
- ¹²⁴ Там же. С.221. Док. №308.
- ¹²⁵ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.131; АВПР. Ф.Сношения России с Персией 1792–1798 гг. Оп. 77/6. Д.484. Л.335–336.
- ¹²⁶ Там же. Л.333.

- ¹²⁷ Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореволюционный период // История СССР. 1957. №1. С.148.
- ¹²⁸ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1171. Л.92; Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.39.
- ¹²⁹ Там же. Оп.3. Д.82. Л.82–83.
- ¹³⁰ Там же. Д.682. Л.89.
- ¹³¹ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения... С.37.
- ¹³² ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.790. Л.46.
- ¹³³ Бутков П.Г. Указ. соч. Т.1. С.147.
- ¹³⁴ См.: Троицкий С.М. Указ. соч. С.182, 183.
- ¹³⁵ Юхт А.И. Торговля России с Закавказьем и Персией во II четв. XVIII в. // История СССР. 1961. №1. С.142; Куканова И.Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII – нач. XVIII вв. // Исторические записки. №57. С.232; Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М., 1966. С.75; Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. Вып.1. С.16, 74, 76.
- ¹³⁶ Отечественные записки. СПб., 1821. Ч.8. С.87.
- ¹³⁷ Ахвердов А.И. Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. С.215.
- ¹³⁸ АВПР. Ф. Кумыцкие дела. 1756–1758 гг. Оп.121/1. Д.2. Л.30 с об.
- ¹³⁹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.710. Л.3, 12, 40; Д.722. Л.58. Д.1183. Л.61.
- ¹⁴⁰ Акбиев А.С. Социально-экономический строй кумыков во второй половине XVIII в.: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 1994. С.12–13.
- ¹⁴¹ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1146. Л.2; Д.880. Л.31; Д.916. Л.13, 41, 52.
- ¹⁴² РДО. 1988. С.119. Док. №141.
- ¹⁴³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.854. Л.6.
- ¹⁴⁴ Там же. Д.873. Л.3; РДО. 1988. С.146. Док. №199.
- ¹⁴⁵ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. // УЗ ИИЯЛ Дагфилиала АН СССР. Махачкала, 1965. Т.14. С.163; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.73.
- ¹⁴⁶ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.85.
- ¹⁴⁷ Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения... С.137.
- ¹⁴⁸ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.532. Л.97.
- ¹⁴⁹ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии... С.164.
- ¹⁵⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.556. Л.53.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² Там же. Д.1146. Л.1, 2.
- ¹⁵³ РДО. 1988. С.131. Док. №166.
- ¹⁵⁴ Там же. С.133. Док. №171.
- ¹⁵⁵ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.249. Л.10.
- ¹⁵⁶ Там же. Д.712. Л.14; Д.681. Л.14; Умаханов М.-С.К. Указ. соч. С.35–36.
- ¹⁵⁷ Имеются в виду ногайцы, располагавшиеся на территории нынешнего Дагестана.
- ¹⁵⁸ Иноземцева Е.И. Роль Кизляра в развитии торговых связей ногайцев с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в XVIII в. // Историко-географические аспекты развития Ногайской орды. Махачкала, 1993. С.103–108.
- ¹⁵⁹ Кидьирнизов Д.С. Архив «Кизлярский комендант» – важнейший источник по истории русско-ногайских отношений в XVIII в. // Источниковедение истории Дагестана. Махачкала, 1987. С.90–95; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.34. Л.35; Д.44. Л.4, 29; Д.125. Л.66, 67, 77.
- ¹⁶⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.2. Л.56, 57, 60; Д.44. Л.4; Д.89. Л.74.
- ¹⁶¹ Там же. Д.245. Л.38, 77.

- ¹⁶² Кидырниязов Д.С. Указ. соч. С.93; ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.29. Л.34, 48.
¹⁶³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.45. Л.35; Д.125. Л.77.
¹⁶⁴ Там же. Д.45. Л.10, 35, 36, 105, 135.
¹⁶⁵ Кидырниязов Д.С. Указ. соч. С.94.
¹⁶⁶ Гербер И.-Г. Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. С.71.
¹⁶⁷ Тихонов Д.И. Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. С.130.
¹⁶⁸ Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.109.
¹⁶⁹ Там же.
¹⁷⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.852. Л.25, 75; Д.854. Л.85.
¹⁷¹ Там же. Д.203. Л.58; Д.271. Л.10; Д.225. Л.68; Д.227. Л.38, 41.
¹⁷² Там же. Д.291. Л.62; Д.963. Л.49; Д.881. Л.34; Д.916. Л.67, 87, 91; Д.979. Л.8; Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения... С.152.
¹⁷³ РДО, 1988. С.182. Док. №245.
¹⁷⁴ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.521. Л.45; Д.562. Л.117; Д.601. Л.13; Д.1183. Л.59, 60.
¹⁷⁵ РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф.2. Оп.1. Д.491. Л.1.
¹⁷⁶ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.1196. Л.48.
¹⁷⁷ ИГЭД. С.83–84.
¹⁷⁸ Феодаева Ф.З. Указ. соч. С.156; ЦГА РД. Ф.379. Оп.3. Д.86. Л.8.
¹⁷⁹ Шишкевич Ф. Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и Каспийским, содержащие новейшие описания живущих в оных народов, и достопамятности древняго и нынешняго тех земель местоописания. Пер. с франц. СПб.: Тип. Шнора, 1810. С.37.
¹⁸⁰ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.5. Л.95–106.
¹⁸¹ Там же. Д.304. Л.42.
¹⁸² Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II половине XVIII в. ... С.167.
¹⁸³ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.853. Л.75.
¹⁸⁴ Там же. Д.784. Л.21, 22.
¹⁸⁵ Омаров Х.А. Развитие товарно-денежных отношений в нагорном Дагестане (на примере кумухских частных актов) // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С.81–97.
¹⁸⁶ Омаров Х.А. Указ. соч. С.82–83.
¹⁸⁷ Там же. С.93–96.
¹⁸⁸ См.: Булатова А. Лакцы. Махачкала, 1971; Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961.
¹⁸⁹ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений во II пол. XVIII в. ... С.165.
¹⁹⁰ Историографические записки о странах, лежащих между морями Черным и каспийским... С.73. См. также: Гербер И.-Г. Указ. соч. // ИГЭД. С.76; Голиков И.И. Деяния... С.241.
¹⁹¹ Омаров Х.А. Указ. соч. С.90.
¹⁹² Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Исследование социально-экономического развития и структуры административно-политического управления): Дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 1990. С.145.
¹⁹³ Гамрекели В.Н. Торговые связи Восточной Грузии с Северным Кавказом в XVIII в. Тбилиси, 1968. Ч.1. С.43.

- ¹⁹⁴ Алиев Б.Г. Указ. соч. С.156; Мансурова А.Г. Торговые связи Цудахарского союза сельских обществ в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С.101.
¹⁹⁵ Мансурова А.Г. Указ. соч. С.100.
¹⁹⁶ Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений... С.172.
¹⁹⁷ Алиев Б.Г. Указ. соч. С.159.
¹⁹⁸ Магомедов Н.А. Дербент и Дербентское владение в XVIII – первой половине XIX вв. (Политическое положение и экономическое развитие). Махачкала, 1998; Его же. Торговые связи Дербента с Россией в конце XVII – нач. XVIII в. // Из истории взаимоотношений Дагестана с Россией и народами Кавказа: Сб. статей. Махачкала, 1982; Его же. Финансовая система Дербентского владения в XVIII в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С.64–80.
¹⁹⁹ Рамазанов Х.Х., Шихсаидов А.Р. Очерки истории Южного Дагестана. Махачкала, 1964. С.144; Хашаев Х.М. Общественный строй Дагестана в XIX в. М., 1961. С.113–114; Ихиллов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С.133.
²⁰⁰ Умаханов М.-С.К. Торговые центры Дагестана XVII-XVIII вв. и их роль в развитии товарно-денежных отношений // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С.11.
²⁰¹ Абдуллаев Г. Указ. соч. С.130. ЦГВИА Ф.ВУА. Д.18488. Л.3–4.
²⁰² Абдуллаев Г. Указ. соч. С.140. Архив АН СССР. Ф.99. Д.14. Л.469. Л.5.
²⁰³ Бутков П.Г. Выдержки из «Проекта отчета о персидской экспедиции в виде писем». 1796 г. // ИГЭД. С.202.
²⁰⁴ Магомедов Н.А. Указ. соч. С.153.
²⁰⁵ ИГЭД. С.202.
²⁰⁶ Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря... С.352.
²⁰⁷ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.873. Л.19, 22; Д.915. Л.50, 68; Д.24. Л.109; Д.29. Л.95, 97 и др.
²⁰⁸ Гмелин С.Г. Путешествие по России для исследования трех царств естества. СПб., 1785. 1 пол. Ч.III. С.21–22; Феодаева Ф.З. К вопросу о развитии русско-дагестанских торговых отношений... С.170.
²⁰⁹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. М.: Наука, 1966. С.88.
²¹⁰ ИГЭД. С.202–203.
²¹¹ Маркова О.П. Указ. соч. С.86, 88.
²¹² ИГЭД. С.219.
²¹³ Там же.
²¹⁴ ЦГА РД. Ф.379. Оп.1. Д.710. Л.9.
²¹⁵ Там же. Д.595. Л.89; Д.728. Л.93; Д.884. Л.62.
²¹⁶ См.: Феодаева Ф.З. Русско-дагестанские отношения... С.143.
²¹⁷ РДО, 1988. С.115. Док. №132.
²¹⁸ Цит. по кн.: Абдуллаев Г. Азербайджан в XVIII веке... С.370–371.
²¹⁹ РДО, 1988. С.129. Док. №162.
²²⁰ См.: Абдуллаев Г. Указ. соч. С.379; РДО, 1988. С.132. Док. №168.

ГЛАВА IV.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИНТЕГРИРОВАНИЕ ДАГЕСТАНА И РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.

С заключением Гюлистанского мирного договора 1813 г., юридически оформившего признание уже совершившегося в основном добровольного вхождения в состав России многих ханств и горских обществ Северного Кавказа, Дагестан, как и весь Кавказский регион, все более и более становился сферой внутренней экономической политики России. Русская буржуазия все настойчивее изыскивала возможности сбыта своих товаров на окраинах страны, в том числе и в Дагестане. Процесс развития товарно-денежных отношений наложил свою печать на все сферы жизни народов региона, стимулируя развитие производительных сил. И хотя развитию русско-дагестанского торгово-экономического интегрирования препятствовали и удаленность от центральных российских губерний, и бездорожье, и бедность местного купечества, и сложность политической обстановки, ничто уже не могло остановить этот важный, жизненно обусловленный, обоюдовыгодный процесс.

Из центральных губерний завозили заграничные и русские товары – металлы и изделия из них, ткани, сахар, чай и др. В свою очередь, в начале XIX в. в Москву, Петербург, на Макарьевскую ярмарку из Дагестана поставлялись: скот мелкий и крупный рогатый, продукты скотоводства, рыба и различные рыбопродукты, кизлярские вина, виноградный спирт, изделия кустарных промыслов, в больших количествах фрукты свежие и сушеные и др.

§ 1. Кизляр – как центр торгово-экономической интеграции России и Дагестана

С самого возникновения Кизляр стал местом оживленного внутреннего обмена. Этому способствовало во многом то обстоятельство, что этот город оказался на транзитном пути из Персии, Закавказья и Северо-Восточного Кавказа во внутреннюю Россию. Еще в 90-е гг. XVIII в. сухопутная торговля через Кизляр «чуть ли не достигла уровня морской торговли...» России на Каспии. В 1793 г. она выражалась суммой в 665 тыс. руб., а оборот морской торговли через Астрахань в 835 тыс. руб.¹ Заметный рост оборота кизлярской торговли происходит в первые десятилетия XIX в. Так, в 1824 г. в Кизляр привезли товары на 705961 руб., отвезли – на 395051 руб.² В 1825 г. соответственно привоз составил 624755 руб., отвоз – 340059 руб.³ В следующем году в Кизляр привезли

товаров на 827812 руб., отвезли – на 390658 руб.⁴ Через год соответственно привоз составил уже 1.492792 руб., отвоз – 6.259907 руб.⁵

«Кизляр превосходит (30-е гг. XIX в.) прочие города Кавказской области обширностью своей торговли, которую он ведет с губерниями: Астраханской, Нижегородской, Екатеринославской, Харьковской, Курской, с обеими столицами, с горскими и закавказскими народами»⁶, – писал современник. Долгое время Кизляр оставался центром транзитной торговли с Персией и рядом районов Кавказа. Русские и армянские купцы привозили сюда из внутренней России хлопчатобумажные ткани, шерстяные изделия, лес, железо, чугун, свинец и др. товары, которые частью сбывали горцам в обмен на соль, рыбу, икру и предметы ремесел, а частью продавали в Закавказье. «Из-за границы горские кумыки и другие народы привозят хлопчатую бумагу, куны меха, медь и разные фрукты, кои из Кизляра отправляются по большей части в Астрахань. Притом армяне торгуют в Персию, с Дербентом, с кавказскими народами в городе Тарке и кумыкских деревнях – Индери, Брагуне, Костеке»⁷.

В Кизляр, как и прежде, съезжались все северо-кавказские жители, в том числе и дагестанцы. В 1812 г. только жителям четырех дагестанских селений Эндирей, Тарки, Костек и Казияурт выдали билет на въезд в Кизляр по торговым делам 250 раз⁸. В общей сложности в 1812 г. из Эндирея, Тарков, Костека и Казияурта было привезено в Кизляр около 1400 бурок, до 200 ковров, до 800 паласов, 1169 сафьянов, 330 овчин, сотни аршин горского сукна⁹. А с 29 марта по 1 июля 1818 г. право въезда в Кизляр получили 312 чел. из Дагестана, 9 и 10 сентября – более 90 чел.¹⁰

О расширении кизлярской торговли в 20-е гг. XIX в. свидетельствует следующая таблица:¹¹

Годы	Привоз	Отвоз
1823	573018 руб. 90 коп.	549974 руб. 15 коп.
1824	705691 руб. 25 коп.	305051 руб. 43 коп.
1825	624755 руб. 40 коп.	340059 руб. 97 коп.
1826	827812 руб. 50 коп.	390658 руб. 55 коп.
1827	647288 руб. 47 коп.	365544 руб. 75 коп.
1828	1.492792 руб. 65 коп.	625907 руб. 14 коп.

В 20-е гг. увеличивается и число дагестанских сел, ведущих оживленную торговлю с Кизляром. Это подтверждает тот факт, что торговля горцев с Россией в I пол. XIX в. имела тенденцию к росту, экономические отношения – к основательности и прочности.

В 1824 г. в Кизляр приезжали торговать только из крупных дагестанских сел, традиционно связанных торговыми связями с Россией, но и из Карабудахкента, Казаница, Эрпели, Отемиша, Усмикента, Акуши,

Цудахара, Губдена, а также из Кумуха и др. горных аулов¹². Из «Сведений для составления статистики Российской, собранных по делам Кизлярской таможни» видно, что в 1826 г. из горских владений в Кизляр ввезено товаров на 140950 руб., а вывезено из Кизляра в горские владения – на 115965 руб., во внутривосрийские губернии – на 526470 рублей¹³. Таким образом, для горцев торговля с Кизляром, через Кизляр с Россией в изучаемое нами время продолжала оставаться жизненной необходимостью. «Однако, с другой стороны, царизм стремился взять под свой контроль развивающуюся торговлю с горцами и извлечь из нее максимальную выгоду»¹⁴. С этой целью начиная с 80-х гг. XVIII в., царское правительство предпринимает меры по урегулированию меновой торговли с горцами. Но существенных успехов в этом направлении до начала XIX в. не было достигнуто¹⁵. Известно, что в 1805 г. Цицианов приказал местным властям «впредь установить базарные цены и объявить об этом всем горским народам», открыть «татарские» рынки в Георгиевске, Моздоке, Науре, Кизляре, где вольно будет им мену на товары с армянами производить или самим заводить, строить и соорудить лавки, но в том и другом случае наистрожайше начальникам поручать и комендантам смотреть, чтобы никакого притеснения сим иноплеменным народам чинимо не было»¹⁶. Однако на деле все было далеко не так радужно.

Как отмечает в своем исследовании Л.В.Куприянова, «с самого возникновения меновой торговли проявилась колонизаторская сущность экономической политики царизма на Кавказе. Это выразилось в том, что горские народы ... должны были покупать хлеб, соль и др. товары за деньги, а сбывать свою продукцию только путем обмена товара на товар. Существовал целый ряд ограничений: надзор над меновой торговлей, который осуществлялся чиновником, специально назначенным царской администрацией, карантинное очищение товаров, строгий перечень товаров, разрешаемых для обмена и т.д.»¹⁷.

Царизм использовал меновой торг в политических целях. Пытаясь склонить горцев на свою сторону, царское правительство в 1810 г. распорядилось, чтобы на меновых дворах «при покупке хлеба и соли горцами на деньги и при вымене или покупке же ими товаров пошлину в казну не брать»¹⁸. В «Замечаниях Г.–М. Вердеревского об учреждении на Кавказской линии менового торгога с горцами» от 29 января 1811 г. сказано: «Дозволение им брать у нас соли и вывозить без платежа пошлины делает великое влияние на приверженность их российскому престолу»¹⁹. Правительство требовало от администрации меновых дворов, соляных магазинов и карантинных постов строгого соблюдения правил торговли²⁰. На самом же деле все было далеко не так. Да и местная администрация придерживалась принципа, что меновая торговля существует только для «мирных» горцев²¹.

Однако, несмотря на то, что меновая торговля носила колониальный характер, все же она играла положительную роль в развитии экономических связей народов Северо-Восточного Кавказа с Россией. Рядом с меновыми дворами действовали меновые базары для торговли с горцами – сатовки (от тюрк. сатма – продажа).

В 30–40-х гг. XIX в. под влиянием углубления экономических связей народов Северо-Восточного Кавказа с русским населением региона и казачеством, с Россией в целом, расширения частной торговли российских купцов среди горских народов, а также усиления контрабандной торговли значение меновой торговли падает. По-прежнему основной статьей в торговле горцев оставались изделия домашнего промысла и ремесла, продукты животноводства, пушнина, лесоматериалы, но вместе с тем горцы начинают поставлять на рынок земледельческие продукты.

В 40-50-х гг. наметился рост товарно-денежной торговли, но она еще не стала господствующей. Царское правительство в 1816 г. издало новое «Положение» о меновой торговле с горцами на Кавказской линии, «сделав некоторые уступки русской буржуазии, но главная цель этого документа состояла в том, чтобы удержать монополию торговли, расширить и укрепить свое влияние среди местного населения»²².

В основном горцы Дагестана были связаны с Амир-Аджи-Юртовским меновым двором, куда их ежегодно съезжалось значительное число со своими товарами. Так, по данным «Обзора меновых сношений с горцами по Кавказской линии» только в 1846 г. в Амир-Аджи-Юртовский меновой двор прибыло 2700 человек кумыков, горских евреев и др.²³

О характере торговли с горцами в Амир-Аджи-Юртовском меновом дворе говорят данные о привозимых горцами Северного Кавказа и проданных ими товарах. Только за 3 месяца 1817 г. здесь были проданы следующие товары: «рыба севрюга соленая – 125 пуд., лист желатинный – 20 пуд., кинжалы – 698 шт., пшено сарачинское – 115 пуд., кожи коровьи невыделанные – 34 шт.; ружья – 620 шт., пистолеты – 872 шт., замки ружейные – 1417 шт., балыки севрюги – 30 пуд., паюсная икра – 30 пуд., клей севрюжий – 20 фунтов, вязига – 1 пуд. Формы медные для литья пуль – 6 шт., жирничек – 25 шт., хозы – 15 шт., сафьян – 827 шт., сукно простое – 200 аршин и 4 куска, каракулевые шкурки – 27 шт., чехлы ружейные – 27 шт., шашки – 43, пояса ременные – 640, шапки, кувшины и тазы медные, лук репчатый и разные др. товары на сумму 10765 руб. 30 коп.»²⁴.

В 1848 г. в Амир-Аджи-Юртовском меновом дворе горцами было продано: оружия (ружья, пистолеты, ружейные замки и др.) – 9863 шт., кожи различных наименований – 2257 шт., изделия из кожи (чарыки, ремни, плети и т.п.) – 150, шкуры диких зверей (лисьи, куны, волчьи,

заячьи) – 847 шт., изделия из меди и железа (кувшины, ножницы, ножи и др.) – 346, паласы, ковры – 144, хлеб в зерне (сарачинское зерно, пшеница, просо, ячмень, кукуруза, крупа перловая, мука пшеничная, кукурузная и др.) – 1346 пудов, продукты животноводства (ветчина, колбаса, сыр, сало говяжье, масло коровье, сальные свечи) – 263 пуда, фрукты, овощи и продукты из них (лук, орехи, яблоки, айва, изюм, вишня, чернослив, варенье) – 1153 пуда, вина разных наименований (донское, полшампанское, мадера, ром, рислинг, ликер, водка сладкая, кахетинское и др.) – 639 ведер, трубок деревянных – 177, другие товары (рыба, рыбные продукты, чай, сахар, пряники, уксус, корица, гвоздика и др.) – 3808 руб. сер. Всего около 90 наименований на сумму 19894 руб. 84 коп.²⁵

В свою очередь горцы приобретали ситцы, холст, кумач, выбойку, шерстяные изделия, шали, шелковые платки, бархат, зеркала, стаканы стеклянные, серебро в нитках, бумагу, мыло, хлебный спирт, чай разных сортов, кофе, конфеты. Всего в 1846 г. в меновом дворе, о котором идет речь, горцам было продано 149 наименований товаров на 94470 руб. 38 коп. сер., а в 1849 – разных товаров на сумму 104806 руб. 20 коп.²⁶ Горцы Дагестана вели торговые операции и в других меновых дворах и городах Северного Кавказа. В 40-х гг. XIX в. ежегодно в торговле принимало участие около 12 тыс. горцев.

Типичной формой внутреннего обмена для народов региона в изучаемый период являлась ярмарочная торговля в городах Кизляре, Моздоке, позже в Ставрополе и Георгиевске. Скот, хлеб, лен, лес, железо, шерсть, кожи, сельхозпродукты составляли основные предметы торговли сельских ярмарок. На городских ярмарках фигурировали в основном привозные промышленные изделия и бакалейные товары, хлопчатобумажные и шелковые товары и пр.

Ярмарки эти играли важную роль в деле дальнейшего вовлечения населения Северо-Восточного Кавказа в рыночные связи, проникновения в аул товарно-денежных отношений, развития торгово-экономической интеграции России с горскими и кочевыми народами края.

В России первой половины XIX в. действовала сложившаяся система ярмарок, функционировавшая по принципу цепи. Такая цепь ярмарок существовала и в Предкавказье: между Кизляром, Моздоком, Ставрополем и др. главными торговыми центрами края²⁷. Наличие определенного порядка в проведении ярмарок давало возможность купечеству последовательно бывать на каждой из них и «одновременно поддерживать оживленные торговые отношения с обеими столицами, с волжскими городами и «Макарием», ... Астраханью и с границей»²⁸.

Наряду с ярмарочной торговлей в первой половине XIX в. увеличивались обороты базаров, функционировавших во многих городах края, а также в крупных селениях и станицах круглый год. Эти постоянные го-

родские рынки отличались особой оживленностью и многолюдностью. «Говор, крик, стук делают этот базар шумнее берега Каспийского моря», – так образно характеризовал современник атмосферу, которая царила на этих торжищах²⁹.

С развитием товарно-денежных отношений в регионе все более увеличивалось значение постоянной оптовой и розничной торговли, сосредоточенной в лавках, складах, лавках и магазинах. Например, в Кизляре для постоянной торговли существовало 3 рынка отдельно для русских, армянских и северо-кавказских купцов. В самом городе торговля велась в местных лавках (в нач. XIX в. их насчитывалось до 250). Торговали в лавках «в малых количествах» бархатом, парчой, «посредственными» сукнами, изредка кисией и полотнами, а по большей части недорогими мелочными товарами³⁰. По данным Астраханской таможни в 1824 г. в Кизляре было купцов только нерусского происхождения: армян – 103, тезиков – 18, татар – 13 человек³¹. По одним данным в 1804 г. в Кизляре насчитывалось 324 купца и тезика, а в 1833 г. – 681, из коих 39 второй гильдии, а остальные – третьей. В том же 1833 г. Кизлярским окружным казначейством было выдано на право торговли 227 свидетельств и 681 билет.

Как отмечает Л.В.Куприянова, «В условиях изоляции кавказских горцев от экономически развитых стран и отдаленности от промышленных центров внутренней России, коммерческие операции кавказского купечества приносили ему высокие прибыли. Значительную прибыль извлекало местное купечество благодаря причастности к транзитной торговле России с Ираном»³². По свидетельству современника, многие торговые люди понимали, что «сей торг столько прибыточен, что из кизлярских армян, как говорят, иногда могут получить на один рубль 50 процентов. По такому выгодному торгу многие из них имеют видимые наличные капиталы, а некоторые из них находятся имущее называющихся богатыми людьми, от торговых оборотов быть могущей»³³.

Под влиянием все возрастающих экономических связей с Россией углубляются товарно-денежные отношения у самих народов Северо-Восточного Кавказа. Усиливается процесс дифференциации сельского общества. Появляется прослойка людей, частично или полностью лишенных средств существования. Об этом же свидетельствует рост отходничества и извоза в первой половине XIX в. «Население не только прибрежной морской полосы, указывает Н.П. Гриценко, но и на 150-200 верст от нее постепенно приспособляло свое хозяйство к потребностям российской промышленности, втягивалось во всероссийский рынок»³⁴. Это можно проследить на примере Дагестана, где ускоряется процесс развития товарно-денежных отношений, все новые и новые села, в том числе и горские аулы, втягиваются в торговые отношения. В

хозяйстве некоторых народов Дагестана уже культивируются технические культуры, такие, например, как марена, растет число отходников и извозчиков.

Горцы съезжались на Кизлярский базар и ярмарку не только для продажи или покупки необходимых товаров, но и в поисках заработка. В Кизляре «в осеннее время, когда бывает резка винограда, весной ... и летом при зеленой подвязке вся площадь между городом и крепостью усеяла толпами горцев, которые из своих аулов приходят ... в Кизляр на работу»³⁵. Наемный труд бедняков-горцев применялся преимущественно на полевых работах, а также в виноградарстве и садоводстве.

Одной из старейших отраслей хозяйства у терских казаков являлось виноградарство. Виноградарством занимались и коренные жители Северо-Восточного Кавказа там, где были благоприятные условия для этого. Со второй половине XVIII в. центром виноградарства становится Кизляр. Уже в 60-70-х гг. XIX в. из Кизляра в Астрахань сухопутно и морем отправлялось бочками большое количество виноградного вина³⁶.

Наивысшего расцвета виноградарство в Кизляре и на Тереке достигло в последней четверти XVIII – первой трети XIX в. В 1800 г. в округе Кизляра виноградники занимали сотни десятин земли. Значительно позже корреспондент газеты Кавказ писал: «Виноделие Кизляра было так значительно, что могло удовлетворить потребность почти половины России». В 1800 г. в Кизляре было до 1400 виноградников, а в 1818 г. их число доходило до 4500. В 1808-1810 гг. вина здесь производилось до двух миллионов ведер. На месте вино продавалось по 4–8 руб. асс., а в Астрахани – по 16–20 руб. за ведро. Для поощрения развития виноградарства в 1805 г. в Кизляре была создана школа виноделия. Школа имела свой питомник лучших заграничных лоз, были приглашены иностранные мастера-виноделы. Там изготовляли вино разных сортов: кизлярское, кишмишное, кахетинское, рейнское, кукуре, рислинг и др.³⁷

Спиртокурительные заводы появляются на Тереке еще в сер. XVIII в. В 1810 г. в Кизляре насчитывалось 46 таких «заводов», изготовлявших 57040 ведер водки и спирта в год³⁸. В 1827 г. в Кизляре таких заводов было 78 и в округе – 37³⁹. В первой трети XIX в. кизлярская водка имела большой спрос на внутреннем рынке, о чем можно судить по следующим данным⁴⁰.

Годы	Вывезено кизлярской водки (в ведрах)	Сумма (в руб.)
1831	142749	426969
1832	146179	440564
1833	36313	109086
1834	119103	359303
1835	171634	514902

Кизляр отличался высокоразвитой крестьянской промышленностью. Значительная часть ее изделий шла исключительно на продажу, что было уже новым явлением в экономической жизни края. В связи с увеличением спроса на изделия кустарной и ремесленной промышленности среди русского и казачьего населения региона это производство все больше и больше приобретало товарный характер, превращалось в производство на рынок. Так значительная часть горского населения Кизляра в эти годы работала мастерами на фабриках и заводах, в мастерских кузнецами, медниками, слесарями, печниками, малярами, портными, сапожниками, часовщиками, оружейниками, кинжальщиками и т.д. Большинство бедняков-горцев приходило в город на заработки и затем возвращалось в родные аулы. Некоторые оставались в самом Кизляре, нанимались к купцам и богатым предпринимателям в мастерские, на промышленные предприятия, в торговые склады и лавки. Л.В.Куприянова подчеркивает, что «это были новые производственные отношения, вызревавшие в недрах феодального строя и получившие затем свое дальнейшее развитие при капиталистическом способе производства»⁴¹. Так, по далеко неполным данным в 1839 г. в Кизляр прибыло 7514 горцев, в том числе из Аксаевского владения – 1078 чел., Андреевского – 2242, Казакумукского – 1572, Дженгутаевской деревни – 345 человек⁴².

В 1841 г., по данным начальника Кавказской области, численность горцев, пребывающих в Кизляре, «с весны до осени ... простирается от 10 до 22 иногда и более» тысяч человек⁴³. В период с 1848 по 1852 гг. на 74122 чел., приходивших в Кизляр на заработки, более 6 тыс. чел. не вернулось на прежнее место жительства (но здесь дается число всех посещений горцами, т.е. приезжавших на заработки было значительно меньше). В число 74122 горцев, приезжавших в Кизляр, включены все, кто приходил в город не один, а несколько раз в месяц и даже в неделю для продажи своих товаров, покупок и т. д. В то же число включены и те, кто приходил в Кизляр только один раз в году, чтобы наняться для садовых работ на все лето. Некоторые из них приходили осенью и оставались на всю зиму до начала весны, но таких было меньше. Число горцев, оставшихся на постоянное жительство и окончательно порвавших связь с родными местами, было невелико⁴⁴. Оставшиеся в городе – «горцы-казакумыки, тавлинцы и лезгины, преимущественно мастера, кузнецы, медники, башмачники, сапожники; другие в малом числе из кумык служат работниками у горожан за плату от 30 до 50 руб. в год, с некоторой одеждой и содержанием от хозяина: а прочие, также большей частью кумыки, занимаются извозом, деланием арб и других к ним принадлежностей»⁴⁵. Однако некоторая часть горцев прочно оседала в городе, нанималась в мастерские и на промышленные предприятия.

У определенной части близлежащего населения основным источником жизни являлась работа по найму. Ежегодно тысячи ногайцев занимались извозом. Множество горцев было занято сезонной работой на рыбных промыслах⁴⁶. Северные рукава Терека (борозда, Таловка, Бекетей и др.) и прилегающая к их устьям часть Каспия были чрезвычайно богаты рыбой, в том числе осетровых пород. Поэтому здесь часто промышляли рыбной ловлей «ватаги» рыбаков из Южной России, с Дона и др. областей, заходили на своих судах с Волги предприимчивые люди, занимавшиеся тюленьим и рыбным промыслом. Так был организован астраханским купцом один из первых рыболовецких промыслов (1776 г.) тогда на острове Бирюзьяк, ныне – сел. Старый Бирюзьяк.⁴⁷

Широкое распространение рыболовство получило и у нижнетерских казаков. Лов производился как в самом Тереке, так и в его многочисленных рукавах и озерах. Казаки объединялись в рыболовецкие ватаги на острове Чечень и морском побережье, занимавшиеся ловом рыбы в открытом море, а зимой и тюленьим промыслом.

Рыболовством занималось и большинство жителей Кизляра. По свидетельству архивных данных только в 1783 г. из Кизляра было вывезено 1 тыс. белуг, 5 тыс. севрюг, 5 бочек икры, 1 бочка жиру и 10 бочек рыбьего клея.⁴⁸

В 1783 г. в низовьях Терека «в пустоте лежащие» земли (около 65 тыс. десятин) были «пожалованы за службу» ген.-губернатору, князю А.А.Вяземскому. Ему же отошла и прилегающая к этим землям часть Каспийского моря, простирающаяся от Кумского прорана до Суюткиной косы. Для освоения этих земель Вяземский из внутренних губерний России переселил как своих, так и купленных крепостных крестьян. Причем, расселив их по речке Брянце, Коктюбее и Таловке, стали «приучать» к рыбному промыслу. В сел. Черный Рынок были обустроены складские помещения, погреба для засолки рыбы и другие службы.

Помещиком Всевожским были устроены промысла на Емелькином ерике, протоке Средней и на Суюткиной косе.

Ловили большей частью красную рыбу: белугу, осетров и севрюг. Вблизи берегов и в устьях рек ловили неводом сомов, судаков, сазанов, вылавливалось и большое количество разной мелкой рыбы (вобла, шемая и др.).

Особого расцвета рыбные промыслы Всевожских достигли в первой половине XIX в. Так, в 1849 г. ими было добыто: «белуг – 31213, осетров – 75678, севрюг – 7813, лососи, жереха – 3000, сомины – 11596 пудов, шемаи – до 50000 штук, судака – 98398, щуки – 2769 пудов, икры красной рыбы 2100 пудов, вязиги – 400, икры лососевой – 125, клею – 45 пудов».⁴⁹ Кроме того, у помещиков Всевожских имелся тюлений промысел, располагавшийся на Тюленьем острове, где ежегодно добывалось до 12500 пудов тюленьего жира и до 50000 шкур. Общий годо-

вой доход Всевожских от рыбного и зверобойного промыслов в 1850 г. составил 260000 руб.⁵⁰ Большая часть рыбы и рыбопродуктов вывозилась в Астрахань, Саратов, Казань, Москву, на Макарьевскую ярмарку.

Следует отметить, что техника рыболовства и обработка рыбы в низовьях Терека были крайне примитивны. Так казаки часто солили рыбу в земляных ямах, вырытых на берегу Терека, отчего качество рыбной продукции оставляло желать лучшего. Известно, что долгое время рыболовы на Тереке не знали, что делать с селедкой и выбрасывали ее. И хотя русское правительство и предпринимало меры с целью повысить культуру рыболовства в низовьях Терека, например выписало из Голландии специалистов сельдяного дела, мало что изменилось: использование рыбных ресурсов края по-прежнему осуществлялось хищническими методами, а техника и культура рыболовства оставались крайне низкими. Сезонная работа по найму на богатейших рыбных промыслах Кизлярщины была немаловажным подспорьем, а то и источником существования для некоторых дагестанцев и других народов региона. Так, в 1839 г. из Дагестана в Кизляр прибыло на заработки 7514 горцев, в том числе: из Аксаевского владения 1425 человек; из Андреевского – 2242, из Казакумукского – 1572, Дженгутаевского – 354 человек⁵¹. В поисках работы многие приезжали также в казачьи станицы. К середине XIX в. в казачьих станицах постоянно проживало около 500 инородцев, в сезон их число увеличивалось за счет приезда на заработки батраков до 15 тыс. чел.

Таким образом, отходничество, извоз и другие формы наемной работы в Кизляре и казачьих станицах все более и более втягивали народы Дагестана в углубленные экономические взаимоотношения с Россией и производили большие перемены в их социально-экономической жизни, в быту и культуре⁵². Через хозяйственное обращение с русскими переселенцами и казаками «горское крестьянство втягивалось в сферу всероссийского рынка, а затем и мирового хозяйства»⁵³.

В 40-х гг. XIX в. на Северном Кавказе вырастают новые города, в частности Ставрополь, который становится важным административным и экономическим центром, постепенно оттесняя Кизляр на задний план.

В 40–50-х гг. прошлого века население Кизляра почти не увеличивается. Промышленность города по-прежнему носит кустарный характер. Многие крупные кизлярские купцы переселяются в другие, перспективные в экономическом отношении города. Постепенно Кизляр теряет самостоятельное значение как торговый центр, превращается только в перевалочный пункт товаров, шедших с Нижегородской ярмарки и из Центральной России водным или сухопутным путем Астрахань–Кизляр, а дальше – в Дагестан, Чечню, Ингушетию, Закавказье. Оставшись в стороне от важнейших торговых дорог, Кизляр в 60-х гг. XIX в. превращается в обыкновенный уездный город.

§ 2. Торгово-экономические взаимодействия Засулакской Кумыкии и шамхальства Тарковского с Россией

В первой половине XIX в., как и прежде, в развитии экономики кумыков немаловажную роль играла торговля. Главным предметом торговли был хлеб, который реализовывался не только на внутреннем рынке Дагестана, но и за его пределами, в частности, в Кизляре⁵⁴. «Хлебопашество там столь значущее, что до учреждения карантин Кизляр отсюда запасался большею частью своего хлеба»⁵⁵. Самым крупным хлеботорговым пунктом Засулакской Кумыкии являлось сел. Аксай. Торговля кумыков вне Дагестана ориентировалась преимущественно на внутренние регионы России. В этой торговле, как уже отмечалось, первое место занимали продукты земледелия: зерно, фрукты, виноград, продукты животноводства, скот, ремесленные изделия, а также рыба, воск, мед, шелк-сырец, хлопок, строевой лес и др.⁵⁶ Весьма важным предметом вывоза кумыков в Россию в первой половине XIX в. являлась марена, производившаяся в больших количествах и отличавшаяся высоким качеством⁵⁷. Предметами вывоза из России служили железо, медь, различные изделия из металла, хлопчато-бумажные ткани, посуда фарфоровая и фаянсовая, бумага, сахар и т.п.⁵⁸

Как и в предыдущее время, в первой половине XIX в. сел. Аксай продолжало играть важную роль в развитии русско-дагестанских торгово-экономических взаимоотношений. Это было крупное, богатое селение. В 1804 г. там было 500, а в 1812 – 800 дворов⁵⁹. В 1818 г. Аксай по приказу ген. Ермолова был до основания разрушен, население его было вынуждено разойтись по разным аулам. Позже, в 1825 г. был основан новый Аксай, но на другом месте, на правом берегу реки в урочище, известном под названием Таш-Кичу. Новый Аксай рос быстро. Скоро ему стал уступать первенство даже Эндирей. Жители его занимались земледелием, скотоводством, садоводством, различного рода ремеслами и, конечно же, торговлей. Они привозили в Кизляр на продажу горское сукно, бурки, мед, воск, фрукты⁶⁰. Для иллюстрации данного факта приведем данные архивных документов. В 1812 г. из «Аксаевской деревни» различными людьми было доставлено в Кизляр на продажу 361 бурка, 51 палас, 53 ковра, 126 сафьянов, 40 намазлыков, 39 зипунов и чекменей и 122 сукон⁶¹. Одна из записей, зафиксированная Кизлярским пограничным карантинном, сообщает, что из Аксая вывез в Кизляр кизлярский армянин сукна на зипуны – 37 кусков, кубачинского сукна – 3 штуки, а аксаевец Мурза Гебеков – 65 бурок, другой житель Аксая Алхан Танжеханов привез продавать в Кизляр 50 бурок. Тогда же, как сообщает, архивный документ, прибыл из «аксаевской деревни (товар) тамошнего чиновника Девлетгирея Мытыкова сукна – 24 штуки, сукна же лоскутами – 12 кусков, сафьянов – 19, кинжалов – 10»⁶². В сентябре того же 1812 г. аксаевец Гирей Тушаев привез в Кизляр продавать горского сук-

на 10 концов. 28 сентября того же года аксаевец Жанмурза Урусханов получает разрешение на ввоз в Кизляр двух бочек и 12 бочонков нефти для продажи⁶³.

Аксаевцы же, как и жители других дагестанских сел, приобретали в Кизляре главным образом изделия русской промышленности. Только с февраля по декабрь 1847 г. через Кизлярский карантин прошло из Аксая 2687 чел. Естественно, что все они направлялись в Кизляр не только по торговым делам, но и на заработки в притеречных виноградниках, на различных предприятиях города и в казачьих станицах. Несколькими позже современник писал: «К добру или к худу, в нашем многолюдном (в 1840 г. население его составляло 16 тыс. чел.) Аксае страсть к торговле доходит почти до мании. Число торговцев растет с каждым днем, постройка новых лавок и переделка старых на новый лад идет безостановочно...»⁶⁴.

Как и в предыдущее время в первой половине XIX в. большую роль в традиционной торговле по плоскостному Дагестану и в качестве связующего звена между плоскостным и нагорным Дагестаном и Россией играл древний Эндирей. Как отмечал один из современников нач. XIX в., в Эндирее «каждую пятницу бывает базар и на самом многочисленном находится всегда 1600 чел. из других мест... Там живут армяне, жиды и имеют торг со всеми горцами». Здесь имелся особый торговый квартал Албераул⁶⁵. В 1812 г. в «Андреевской деревне» находилось до 1500 дворов, жители которых занимались земледелием, скотоводством, пчеловодством, отдельными видами ремесел, в частности, как сообщают источники, «кинжалы лучшие по Кавказу в Андреевском селении выделяются»⁶⁶. В нач. XIX в. в Эндирее существовал большой базар, куда приезжали кизлярские и др. купцы, привлекая своим товаром «всегдашнее стечение соседственных горцев»⁶⁷. В 1840 г. в Эндирее насчитывалось 14 тыс. населения. Но будущее Эндирея не предвещало дальнейшего развития его в качестве экономического центра региона. Появление Хасавюрта в месте, где пересекались дороги, связывающие разные экономически важные районы, и особенно проведение железной дороги и послужило причиной того, что Эндирей постепенно утрачивает свое бывшее экономическое значение, уступая первенство вначале Аксаю, а затем Хасавюрту.

Главным пунктом, через который кумыки отправляли торговлю с Россией в I пол. XIX в. оставался Кизляр. По сведениям архивных данных в 1812 г. в общей сложности из Эндирея, Костека, Казирюрта и Тарков в Кизляр на продажу было доставлено около 1400 бурок, до 200 ковров, до 800 паласов, 1169 сафьянов, 330 овчин, сотни аршин горского сукна, мед – 1441 пуд, воска – 136 пуд, марены – 286 мешков, коровьего масла – 154 пуда, сыра – 64 пуда, шелка-сырца – 160 тюков, шкур диких зверей – 2183 шт., ножниц – 924 шт., ножей – 473, кумганов – 401, мелкой посуды – 326 шт., ружейных замков – 153 шт., кинжалов – 299 шт.⁶⁸

Для иллюстрации ассортимента товаров, поступавших в Кизляр из Эндирея в нач. XIX в. приведем данные архивных документов. В январе месяце 1812 г. из «Андреевской деревни» кизлярскому армянину поступает следующий товар: «орехов грецких – 6 полухаралов, палазов и один ковер – 7 штук, орехов мелких – 1 мешок, воску желтого – 150 кругов, бурок – 93»⁶⁹.

Другая запись из журнала регистрации Кизлярской пограничной конторы сообщает, что «13 января 1812 г. из Эндирея в Кизляр вывезено кизлярским армянином вина горского – 5 бочек. Тогда же жители Эндирея Зурхаев Жамболат привез на продажу табак курительного – 9 мешков, ножиц для стрижки баранов – 100 шт., меду – 4 тулука», а Мамат Алакаев – «кумачей красных – 30, алажей полупелюковых – 17»⁷⁰.

В архивных документах довольно часто упоминаются поставляемые из Дагестана в Кизляр мед и воск в довольно больших количествах, что подтверждает тот факт, что «пчеловодство составляет довольно важный промысел. Кумыки сбывают на меновых дворах и в других местах меду и воску до 500 пудов»⁷¹.

Архивные документы хорошо иллюстрируют и то, что в Засулакской Кумыкии «...шелководством занимается до половины населения, получая 3-5 фунтов коконов на семью. В плоскостной Чечне, – отмечал О.В. Маргграф, – ежегодно производят шелку около 830 пудов, а в кумыкской плоскости – 857 пудов»⁷². В реестре товаров, привезенных из Дагестана в Кизляр в 1807 г., самая большая зафиксированная сумма приходилась на шелк-сырец, потом на марену. А именно: шелку-сырцу было доставлено на сумму 78788 руб., а марены – на 28872.⁷³ Только 4 и 6 января 1812 г. по архивным данным из Костека в Кизляр было доставлено Кизлярскому 1-ой гильдии купцу Ломидзеву 30 полухаралов шелку-сырцу, кизлярскому 1-ой гильдии купцу Александру Качкачеву 13 полухаралов шелку-сырцу; 11 января из Эндирея кизлярскому армянину Степану Чидарадзеву 32 полухарала шелку-сырца⁷⁴.

Шелководство в Дагестане, как и повсюду, в изучаемый период носило сугубо товарный характер. Лишь незначительная часть шелка шла для удовлетворения потребностей местных жителей. Почти весь полученный шелк шел на продажу в Россию. Имеются данные, говорящие о вывозе из Дагестана шелка-сырца в 30-х гг. XIX в.: «В 1838 г. на фабриках Москвы и ее окрестностей было обработано закавказского и иностранного шелка-сырца в количестве 38180 пудов. Из этого количества более 5/8 падало на долю Закавказского шелка и 3/8 – на долю иностранного. Из общего количества обработанного закавказского шелка-сырца 1000 падает на кубинский уезд, 2000 пудов – на долю Дагестана, 1200 пудов на Имеретию и Кахетию, 1500 пудов на Джаро-Белаканский округ. Таким образом, из Дагестана было вывезено шелка-сырца значительно больше, чем из Кахетии и Имеретии вместе взятых»⁷⁵.

До присоединения к России жители равнинного Дагестана занимались возделыванием хлопка. Об этом в источниках и литературе встречаются вполне определенные сведения. Еще И. Гербер сообщал в начале XVIII в. о том, что жители Тарков «собирают много хлопчатой бумаги, которая там растет в великом множестве». В дальнейшем хлопок, видимо, не имел здесь большого товарного значения, а шел главным образом на домашние нужды. Причина заключалась, как пишет С.Ш. Гаджиева в своей монографии «Кумыки», в следующем: «К концу XVIII в. в результате расширения притока русских хлопчато-бумажных тканей возделывание хлопка кумыками значительно сокращается, а к середине XIX в. почти прекращается»⁷⁶. В нач. XIX в. А.М.Буцковский писал о засулакских кумыках, что здесь «бумага хлопчатая в малом количестве...»⁷⁷.

В первой половине XIX в. промышленные круги России стали проявлять повышенный интерес к кавказскому хлопководству. В собственности царской казны находились специальные хлопковые плантации, на которых производились опыты по внедрению египетского, американского и бразильского сортов хлопчатника. В 30-х гг. XIX в. в Южном Дагестане были предприняты попытки внедрить лучшие сорта хлопчатника. Однако опыты не всегда были эффективными и удачными⁷⁸.

В первой половине XIX в. хлопководство в Дагестане не достигло заметного развития. Основную причину этого, подчеркивает в своем исследовании проф. Х.Х. Рамазанов, следует искать в серьезной конкуренции марены – этой самой высокодоходной технической культуры того периода. Хлопководство сделалось экономически невыгодным⁷⁹. На наш взгляд именно этот факт был решающим и в сокращении в первой половине XIX в. посевов хлопка в Терско-Сулакской низменности. В 1840-50 гг. под марену в равнинном Дагестане, особенно в Терско-Сулакской низменности и в Дербенте были заняты обширные площади. И это процесс имел тенденцию к интенсивному росту. Так, кумыкский князь Али-Султан Казаналипов в 1859 г. сдал эндирейскому узденю Шихмурзе Аджаматову в аренду под маренную плантацию около 1000 десятин земли⁸⁰. Шефи Темиров в 1869 г. посеял маренную плантацию в 40 сабу марены⁸¹. В Хасавюртовском округе в 1875 г. маренные плантации занимали 3192 десят. земли и ожидался урожай в 134000 пудов⁸². По данным 1875 г. на копке марены в Хасавюртовском округе работали в течение 40 дней 3990 человек⁸³.

Каспийское море является и являлось уникальным местом обитания десятков ценных пород рыб. Богаты были рыбой реки Терек, Сулак, Самур, Гюргенчай, Рубас. Как отмечали в свое время А.И. Ахвердов, С.М. Броневский и др., р.Самур была изобильна рыбой⁸⁴, особенно ее низовья, начиная от Султан-Янгиюрта до самого моря. Архивные данные дают нам многочисленные свидетельства о проникновении российского капитала в эту область хозяйства плоскостного Дагестана еще во II половине XVIII в., когда российские купцы брали на откуп у кумыкских

владельцев рыбные угодья и эксплуатировали их, поставляя ценные породы рыб на рынки центральной России⁸⁵. В 1 пол. XIX в. еще более усиливается эксплуатация рыболовных участков на Тереке, Сулаке, Самуре. Лучшие угодья, как правило, находились во владении ханов, бекков, которые путем сдачи их на откуп получали немалые доходы. Откупщиками теперь выступали крупные российские рыбопромышленники, купцы или чиновники колониальной администрации. В Аграханском заливе, в устье рек Терека, Сулака, Самура и по берегам Каспия стали возникать рыбные промыслы.

Один только тарковский шамхал, которому принадлежало устье р. Сулак, получал в год от рыбопромышленников до 10 тыс. руб. серебром⁸⁶. Он же получал большой доход от рыбной ловли на Каспийском море, в частности у острова Чечень. С 1838-1850 гг. рыболовные угодья, принадлежавшие тарковскому шамхалу (Лопатин, Сулак, Турали, Бурун, Буйнак), находились на откупе у коллежского асессора Давыдова⁸⁷. До 1846 г. последний платил владельцу ежегодно по 3000 руб. сер., а с 1864 – 4000 руб. в год⁸⁸.

Рыба и рыбопродукты почти всецело вывозились в центральные районы России. В отчетах военного губернатора Дербентской губернии 1854-1855 гг. в числе вывезенных из Дагестана в Россию товаров указан «рыбный товар». Так, в 1855 г. из Дербента и Низовой пристани морем было вывезено 8310 пудов рыбной продукции, в 1856 – 9674 пуда, в 1857 г. – 8345 пудов. Но по настоящему промышленная добыча рыбы еще только начиналась. И определяющую роль в развитии рыбной промышленности Дагестана сыграл русский капитал⁸⁹.

Крупным торговым центром Северного Дагестана в первой половине XIX в. оставалась и резиденция шамхала Тарки. «Жителей в Тарку, – сообщает в описании 1831 г., – полагается до 10000 душ, из коих большая часть ведет торговлю с Кизляром...». В Тарках, как и в Эндирее, был даже особый торговый квартал – Базар-аул⁹⁰. Здесь постоянно жили российские и др. купцы, имея свои лавки. Тарки исторически являлся связующим звеном между нагорным Дагестаном и плоскостным, а также с Россией. Более всего с шамхальством были связаны даргинские и кайтагские общества. «...Торговлю жители (шамхальства), – писал в свое время И. Гербер, – производят по большей части с соседними владениями, как то уцмиевым, с кумыками и акушинцами, а также с Россией, скотом, пшеницей, медом и воском»⁹¹.

В экономике шамхальства большое значение в XIX в. приобретает мареноводство. Д.И. Тихонов отмечал, что в шамхальском владении «довольно родится марены, которую он (шамхал) имеет власть отдавать на откуп армянам и другим каким купцам»⁹². И.Н.Березин сообщал, что в шамхальстве «первое место занимает сеяние и собирание марены: огромные огороды этого растения находятся около Низового укрепления и здешняя почва считается очень способной для произрастания марены.

На эти работы собирается в Тарку толпы горцев»⁹³. Для приморского Дагестана марена являлась очень древней технической культурой и с давних пор играла немаловажную роль в международной торговле. В самом конце XVIII в. современник сообщал, что жители шамхальства «марену продают в Кизляр, а иногда доставляют и в Астрахань», и также «из шерсти овечьей делают на продажу ... простые сукна: синие, черные и белые, ... ковры. Делают и хлопчатую бумагу. Сами же покупают: сукна лучшие и материи на свои одежды из России ..., также из этих мест получают серебро, золото, медь, свинец и железо»⁹⁴.

Занимались жители шамхальства и выведением шелковичных коконов, что подтверждал в середине XIX в. И.Н.Березин, писавший, что тарковцы «занимаются дома выделыванием шелка и содержат для этого шелковичных червей»⁹⁵. Выше мы уже приводили данные архива, подтверждающие этот факт.

Шамхальство, как и в XVIII в., продолжает оставаться основным поставщиком в Кизляр фруктов. Как сообщает архивный документ, в сентябре 1812 г. из Тарков в Кизляр Юнусов Курма привез 9 арб с фруктами, а Аджиев Мирза – 3 арбы. Другой таркинец Усенов Иса тогда же привез на продажу в Кизляре: яблоков – 21 четень, сушеной фрукты – 3 четня, орехов – 3 мешка, чесноку – 1 мешок и т.п.⁹⁶ Еще к концу XVIII в. было торговое значение Тарков начинает угасать, а к середине XIX в., с возникновением новых городов – Темир-Хан-Шуры и, тем более, Петровска, древний Тарки стремительно превращается из экономического центра Северного Дагестана в пригород Порт-Петровска.

§ 3. Дербент как центр развития русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов в первой половине XIX в.

Особое место в развитии торгово-экономических взаимоотношений Дагестана с Россией в первой половине XIX в. занимал Дербент. Пережив невзгоды, выпавшие на его долю в XVIII в.: нашествие Надир-шаха, кровавые междоусобицы, Дербент не теряет своего значения крупного торгово-ремесленного центра. П.Г. Бутков в 1796 г. писал, что в Дербенте к тому времени имелось 6 караван-сараев, 500 торговых лавок, монетный двор, 30 «фабрик» по изготовлению шелковых и 115 «фабрик» по изготовлению хлопчато-бумажных тканей. Вокруг Дербента располагались сады и огороды, в которых выращивались виноград, гранаты, каштаны, персики, сливы, айва, миндаль, груши, яблоки, черешня, шелковица⁹⁷. Через восемь лет после П.Г. Буткова, в 1804 г. Дербент посетил А.И. Ахвердов, который сообщал, что там было более двух тысяч домов с населением до 10 тыс. человек⁹⁸. Горожане занимались шелководством, выращивали виноград превосходных сортов, разводили марену и шафран.

Как и в XVIII в., в первой половине XIX в. мареноводство играло определенную роль в развитии сельского хозяйства Дагестана, способствуя росту его товарности, поскольку основная часть этой технической культуры шла на рынок⁹⁹. О состоянии мареноводства Дагестана до 40-х гг. XIX в. можно судить по следующей таблице, составленной на основе архивных данных Х.Х. Рамазановым¹⁰⁰.

Годы	Количество в году	Цена пуда марены в рублях
1832	30473	6 руб.
1833	26306	5 руб.
1834	21306	3 руб.
1835	32346	2 руб. 50 коп.
1836	20698	2 руб. 80 коп.

«Благодаря быстро развивающейся хлопчатобумажной промышленности, — отмечает В.Г. Гаджиев, — где в качестве красителя наряду с голландским крапом употреблялась и кавказская марена, стало расширяться и мареноводство в Дербенте, южной части Табасарана, Кайтаге, шамхальстве и в Засулакской Кумыкии»¹⁰¹. Если в 1807 г. из Дербента вывозили 6-7 тыс. пудов марены¹⁰², то в 30-х гг. вывоз ее достиг уже 35 тыс. пудов. Она сбывалась главным образом в Астрахани, Казани, Нижнем Новгороде, в Москве¹⁰³.

В 40-х гг. XIX в. картина резко меняется: из Дербента марены стало вывозиться ежегодно на 40 тыс. руб. серебром в Кизляр и на 65 тыс. руб. серебром в Астрахань¹⁰⁴. «С начала сороковых годов XIX в. мареноводство в Дербенте принимает обширные размеры, — сообщал Е. Козубский, — что находится в связи с ходом русской промышленности... Русская промышленность, ознакомившись с отличными качествами дербентской марены, приняла непосредственное и деятельное участие в размножении ее плантаций и в усилении производительности»¹⁰⁵.

Русские фабриканты заинтересовались кавказской мареной с целью ее промышленного использования и провели серию опытов в промышленных условиях. Пионером в этом деле выступил фабрикант из г.Александрова Владимирской губернии И.Ф. Баранов. Оказалось, что дагестанская марена по содержанию красящих веществ намного превосходит импортируемый крап. Это обстоятельство и «открыло дербентской марене обширный рынок Центральной России»¹⁰⁶. «Убедившись, что содержание красильных пигментов в ней (дербентской марене — Е.И.) гораздо обильнее и лучше... тот час же отправил ... своего приказчика ... для закупки дербентской марены... Баранов вел все дело широкой рукою, давал постоянно задатки плантаторам..., делая с ними контракты, забирал их урожай за несколько лет вперед, входил в товарищества с ханами-землевладельцами, снабжая их капиталами... Вслед за Барановым двинулись и другие торговцы... Зубовы, Лепешкины и др., люди с огромными капиталами... появились спекулянты, которые

не имея собственных земель, нанимали их у владельцев за третью часть урожая, засевали большие пространства не занятые за очень большие проценты, деньги и все-таки оставались с барышами. Мареноводство охватило обширный район, заключавший в себе, начиная от р. Кубинки в Кубинском уезде, всю долину бывшего Мушкурского магала, Дербентское градоначальство, Кюринское ханство, Кайтаг, Табасаран и доходившими до Дешлага...»¹⁰⁷. Приведенные выше строки из книги Е. Козубского как нельзя красноречиво подтверждают факт широкой интеграции русского капитала в развитие сельского хозяйства Дагестана, в частности в мареноводство.

Росту популярности дагестанской марены способствовали краевые, общероссийские и всемирные выставки, где она демонстрировалась. В 1850 г. дагестанская марена получила положительную оценку специалистов на Закавказской краевой выставке в Тифлисе. Дагестанская марена демонстрировалась и на Всероссийской выставке в Петербурге. Комитет выставки присудил золотую поощрительную медаль управляющему Южным Табасараном полк. Ибрагим-беку Карчагскому за разведение в большом количестве марены отличного качества. Среди отправленных в Лондон на Всемирную выставку 21 экспоната была и дербентская марена¹⁰⁸.

Таким образом, «разведение марены обратилось в манию, поглотившую все капиталы края...», даже стало причиной того, что хлебопашество в регионе пришло в упадок до такой степени, что «добываемого хлеба не доставало даже для съестных потребностей»¹⁰⁹. С другой стороны, эта отрасль хозяйствования принесла много положительного, сказавшись на повышении благосостояния многих предприимчивых дагестанцев. Как писали позже, обращаясь к царю, дербентские мареноводы, «...можно утвердительно сказать, что производство наше, послужив основанием благосостояния горцев, имело на них цивилизирующее влияние». Далее они утверждали, что на их глазах многие жители Казикумухского, Даргинского округов, Аварии и др. районов Дагестанской области, еще недавно нищенствовавшие, теперь ездят на пароходах в приволжские города и в Нижний Новгород на ярмарку, по торговым делам¹¹⁰.

Как отмечает профессор В.Г. Гаджиев, «столь бурно развивающееся мареноводство в первой половине XIX в. являлось важнейшим источником доходов населения мареносеящих районов Дагестана. И не случайно дербентцы говорили: «Сеять марену, значит сеять золото». Следует также особо отметить, что развивающееся в равнинных и предгорных районах мареноводство являлось значительным подспорьем и для жителей нагорного Дагестана»¹¹¹. Источники сообщают, что в Дербенте, Тарках и др. местах горцы с весны до осени работали на маренниках. В 1850 г. только в Дербентский уезд для обработки марены пришло до 20 тыс. горцев¹¹².

Таким образом, русский капитал, интегрируя в мареноводство Дагестана, порождает новые экономические отношения; все шире применяется наемный труд, заметно развиваются товарно-денежные отношения. Мареноводство превращается в хозяйство с товароцелевым назначением. Оно становится в отдельных районах Дагестана в 1 пол. XIX в. основным видом занятий населения.

Дербент и в первой половине XIX в. был экономически тесно связан с Кизляром и через Кизляр (сухопутно) – с Астраханью. Что же вывозилось из Дербента в Россию? В 1801 г. Мурза Азизов привез в Кизляр шелковой ткани разных цветов 251 штуку, шелка-сырца 22 пуда; Атабаба Биев – корня марены – 350 пудов; армянин Хачатур Арзуманов – 30 пудов табака, 130 шкур диких животных; Тагир Аллегиров – пряденой бумаги 2,5 тая, некоторое количество шелка-сырца, белой персидской кисеи и марены¹¹³. По данным Броневского в 1807 г. из Дербента и Ширвана в Кизляр было вывезено вина, риса, орехов, свежих и сушеных фруктов, меда, масла, рыбы, марены и др. товаров на сумму 181564 руб., а в Астрахань – на сумму 1073390 руб. Ввезено товаров из этих городов в Дагестан и Ширван: из Кизляра на 160028 руб., из Астрахани на 476212 руб.¹¹⁴ В 1812 г. Кизлярская таможня выдала билеты на въезд в город Кизляр дербентским купцам 50 раз. С 15 августа по сентябрь 1817 г. из Дербента и Баку в Кизляр прибыло более 520 купцов. В 1824 г. дербентские купцы привезли в Кизляр товары на 62957 руб., отвезли на 74337 руб.¹¹⁵

Россия была заинтересована в укреплении и развитии торговых связей с Дербентом, о чем красноречиво свидетельствует тот факт, что 26 ноября 1814 г. министр финансов дал указание дербентской таможенной заставе выдавать без ограничения свидетельства купечеству на провоз товаров в Астрахань¹¹⁶.

К началу XIX в. дербентский рейд утрачивает свое былое значение международного. В 1848 г. наместник Кавказа князь Л.С.Воронцов предложил местному начальству улучшить дербентский рейд «для доставления убежища судам», потому что, не имея безопасной якорной стоянки, суда вынуждены были отправляться из Дербента в Баку или Петровское укрепление. Устройство в Дербенте хотя бы небольшого порта, утверждал Воронцов, «чрезвычайно оживит город и промышленную деятельность Дагестана»¹¹⁷. Моряки неохотно приставали у берегов Дербента, особенно во времена парусного флота. Плосководные одномачтовые судна (так называемые расшивы) обычно плавали вблизи берега, главным образом в северной части Каспия до Шандруковской пристани, на которой кизлярские купцы получали привозные товары, а военные интенданты – различного рода припасы. Более совершенными были деревянные парусные шхуны. Они ходили по Каспийскому морю, но, по заключению специалистов, «до того слабо скреплены и имеют такое непрочное сооружение, что после каждого рейса шхуна требует значи-

тельного исправления, вредного не одною тратою денег, но и потерей времени»¹¹⁸.

Для парусных судов неблагоустроенный Дербентский порт был очень опасен. Каждый каспийский моряк, побывавший там, говорил об этом как о победе: «Был против Дербента». Более поздние попытки благоустроить дербентский порт ни к чему не привели. Его конкурентом в 50-е гг. XIX в. становится Порт-Петровск. Однако, установление, начиная с 1846 г., пароходного сообщения на Каспии, отмечал В.Г.Гаджиев, способствует в середине XIX в. росту торговли Дербента и Астрахани. О характере торговли Дербента с Астраханью и темпах ее роста можно судить по официальным данным, приводимым в таблице, составленной на основе архивных документов, извлеченных В.Г. Гаджиевым в ЦГА РФ, ф.3, ЦГИАСПб., ф.1268¹¹⁹.

Годы	Марена	Груши сушеные	Орехи грецкие
1845	80520 пуд.	7196 пуд.	9045 пуд.
1846	64761 -/-	15624 -/-	11305 -/-
1847	41397 -/-	2810 -/-	19049 -/-
1848	44791 -/-	5080 -/-	96049 -/-
1849	44654 -/-	6828 -/-	4583 -/-
1850	72632 -/-	7200 -/-	14881 -/-
1851	79305 -/-	16487 -/-	24257 -/-
1852	141138 -/-	9057 -/-	14702 -/-
1853	131307 -/-	16664 -/-	31055 -/-
1854	130190 -/-	30340 -/-	47058 -/-
1855	129881 -/-	19934 -/-	33497 -/-

Кроме того, из Дербента только в 1854 г. было вывезено 1034 пуда рыбы, 58696 ведер вина, а также в значительных размерах семена марены, разные выделанные кожи, «сарачинское зерно», ореховое дерево, дубовые бочки и др. Товары эти в Дербент привозились из различных районов Дагестана: орехи – из Табасарана и Кюры, рыба и рыбные продукты – с промыслов, расположенных по берегу Каспия и в устье реки Самур, доски дубовые – с берегов Самура, сухофрукты – из Южного Дагестана, марена – из Дербентского уезда, Кайтага и Кубы¹²⁰. В 1843 г. через дербентский порт прошло всего 36 судов с грузом на 80980 рублей. В 1854 г. на рейде в Дербенте и Низовой стояло уже 218 судов. Было вывезено 1034 пуда рыбы и 58696 ведер вина¹²¹.

В Дербенте и Дербентской губернии было развито виноградарство и садоводство. Этому способствовал образцовый сад («рассадник»), созданный здесь в 1848 г. по предложению кн. М.С. Воронцова¹²². По данным газеты «Кавказ», в 1848 г. в Дербентском уезде было 860 садов¹²³. В 1849 г. на месте пустыря был заложен сад, «посажены кусты и деревья, значительное количество земли засеяно посевами, и в числе всходов ты увидишь кипарисы, лавры, белую акацию и многие сорта растений и де-

ревьев, неизвестных в окрестностях Дербента. Тут находятся также несколько отличных груш, слив, выписанных ... из Крыма. Посажены чинары – 400 штук»¹²⁴. Здесь же была создана плантация виноградных лоз европейских сортов, также выписанных из Крыма. В 1850 г. было посажено еще 80 груш, привезенных из Крыма, а в следующем году построены оранжерея и теплица, посажено до 3500 деревьев. В 1853 г. сад занимал около 5 десятин и имел до 4800 деревьев, до 7000 виноградных лоз и до 50 сортов овощей. В том же году из сада разослано для рассадки до 2000 шт. деревьев и до 1000 черенков винограда. В саду производились и агрономические опыты по выведению новых сортов¹²⁵. В 1851 г. в Дербентском уезде насчитывалось уже 1500 фруктовых садов¹²⁶.

Из России в Дагестан через Дербент поступали хлеб, черные и цветные металлы, хлопчато-бумажные и шерстяные ткани. Как известно, в Дербенте с древнейших времен производились шелковые, бумажные ткани, но к 30-м гг. XIX в. это производство стало сокращаться¹²⁷.

Шелковые материи, говорится в «Обзрении российских владений за Кавказом», изготовлялись в Дербенте «хорошо и в довольно значительном количестве; даже в недавнее время» работало 200 станков, «но теперь считается не более 40». Спад объяснялся тем, что привозные шелковые ткани и русские хлопчатобумажные изделия вытесняли изготовление шелковых и хлопчатобумажных тканей в Дагестане. Русские ситцы, шанка, хлопчатобумажные изделия сбывались в Дагестане в большом количестве по выгодным ценам, «они решительно берут преимущество перед тканями персидскими, так что ... употребление наших бумажных тканей невысокой цены распространяется с каждым годом все более и более»¹²⁸.

В первой половине XIX в., как и прежде, в Дербент из России поставлялось железо. К середине XIX в. ежегодно в Дербент привозилось 10000 пудов железа, которое здесь покупали горцы. Как сообщает Е. Козубский, в 1852 г. «кн. Аргутинский, в бытность в Дербенте, приказал полицмейстеру отнестись к цудахарскому кадию, чтобы он в выдаваемых им тамошним жителям письменных заверениях на покупку в Дербенте железа ограничивался бы как можно меньшим количеством железа и чтобы цудахарцы покупали железо для своих домашних потребностей, а никак не для торговли. Несмотря на это цудахарцы приходили с записками по 10 пуд. на человека, хотя полиция (к тому времени в ведении полиции было наблюдать за городской торговлей в Дербенте – Е.И.) не позволяла покупать им более 3-х пудов на человека. Но в 1854 г. горцы начали являться в Дербент значительными толпами с требованиями разрешения на покупку каждому по 3 пуда, что прежде не случалось, так что бывали закупки до 100 пудов разом. В виду этого, губернатор ... предписал полиции вовсе не допускать горцев к закупке в Дербенте железа, но в конце того же года было разрешено одному из лучших ружейных дел мастеров сел. Кубачи, Амир-Амзе Ахмедхан оглы,

выделывавшему в товариществе с сыном кубачинского кадия, Абдул Рашидом, до 800 ружей по заказу нашего правительства (подчеркнуто нами – Е.И.) купить 100 пудов железа в Дербенте. Железа было приобретено горцами в Дербенте: в 1849 – 512 пуд., 1850 – 955 пуд., в 1851 – 1287 пуд., в 1852 – 1694 пуд., в 1853 – 3299 пуд.; самое большое из того количество вывезено жителями сел. Харбук»¹²⁹.

Вышеприведенные данные говорят о многом. Нам ясно, что спрос на железо в Дагестане все возрастает, что связано, вероятно, с развитием в горах ремесленного производства и подтверждается фактом заказа российского правительства на производство кавказских ружей (вероятно и не только ружей). Ясно и то, что российские власти пытались как-то контролировать производство оружия в горах, что по всей видимости связано с главными историческими событиями, имевшими место в нагорном Дагестане в то время. Известно, что еще в 1831 г. в Дербенте была воспрещена продажа горцам селитры, серы, кремней, свинца и пороха¹³⁰.

Итак, предметами ввоза в Дербент из России были: железо, медь, металлические изделия, фарфоровая и стеклянная посуда, строевой лес, сукно, сахар, чай, кондитерские и бакалейные изделия, не считая мануфактуры.

§ 4. Характер и тенденции торгово-экономических отношений Нагорного Дагестана с Россией

Товарооборот, обмен и производство товаров занимало значительное место и в экономике Нагорного Дагестана. Процесс специализации отдельных районов по естественно-географическим зонам и наличие сырьевой базы способствовали развитию различных ремесел, игравших большую роль в хозяйстве. Кроме того, в любой семье, как правило, изготавливали одежду, обувь и т.п. не только для удовлетворения собственных нужд, но и на обмен и продажу. Как сообщается в актах Кавказской археографической комиссии, Шамиль считал большую часть дагестанцев склонной к торговле, к промышленности, но наиболее коммерческими он называл андийцев¹³¹. Иван Загорский, будучи дважды в Анди, замечал, что до 1839 г. андийцы отличались от прочих горцев видимой зажиточностью, благодаря обширному скотоводству и торговле бурками, славившимися на всем Кавказе¹³². По более поздним данным в одном только Цудахаре было 38 хозяйств, которые признавали главным источником своего дохода торговлю¹³³.

Торговля и торговый оборот имели настолько ощутимый удельный вес в системе горского хозяйства, что командующий войсками Прикаспийского края Ключи фон Клогенау, очень внимательно изучавший своего противника, предлагал в 1841 г. для покорения горцев завладеть торговлей, которая шла по крупной коммерческой артерии из Кюры и

Нухи в Чечню по Аварскому Койсу. «Вся торговля гор, – говорит он в своем докладе, – производится казикамухцами и андалальцами через Гидатлинский мост, занятием Аварского Койсу она будет в наших руках. Это одно обстоятельство будет иметь сильное влияние на совершенное покорение гор»¹³⁴.

В 1841 г. российскими властями были арестованы андалальские купцы, находившиеся по коммерческим делам в различных торговых центрах Кавказского края. Таких купцов было арестовано около 4000, из которых, в свою очередь, каждый «являлся как бы поверенным от 3–4 человек, вручивших ему свои капиталы». Иначе говоря, задержанных арестом торговцев насчитывалось до полутора тысяч¹³⁵. Андалальцы, – писал А. Берже, – «отличались предприимчивостью и в давнее время служили главными проводниками нашей торговли с горцами»¹³⁶.

Методом Ключки фон Клюгенау кавказское командование пользовалось не один раз. К этому «верному делу» оно прибегало обычно, когда ему надо было принудить горцев выполнить то или иное требование. В таких случаях оно грозило закрыть торговые пути¹³⁷ и прекратить сношения с русскими «базарными и хлебными областями». И мера эта, как сообщается в «Актах», тотчас же отзывалась потоком заявлений со стороны «строптивных» обществ с изъявлением покорности и с просьбами о разрешении им торговать.

Для аварцев, например, главным местом для коммерческих предприятий Ермолов считал Шеккинское ханство¹³⁸ и Эндирей¹³⁹. Их можно было также встретить в Ширване, Гянце и Кизляре. Повсюду можно было встретить и андийцев. Их бурки являлись одинаково желанным товаром и в Тифлисе, и в Кизляре, и в Гянце, и в Баку. Засулакская Кумыкия, по свидетельству А.Ш. Буцковского, «с вольными ... обществами Андии и Батлук, на северной стороне Кавказа в снежных горах обитающими, в добром сношении и торг имеют»¹⁴⁰.

В сел. Анди, сообщал Н. Дубровин, «производился знаменитый торг лошадьми и оружием. На бурки андийцы ведут свою меновую торговлю, ежегодно съезжаются туда торговцы, которые закупая гуртом андийские бурки, отправляют их на линию (т.е. терским линейным казакам – Е.И.) и в Тифлис, а андийцам взамен их продают красный товар, железо, оружие, соль и кукурузу»¹⁴¹.

Имея целью подчинить горцев своей власти, царские власти блокировали целые районы, население которых осмелилось проявить какую-то самостоятельность. В случае же нарушения, разрешалось арестовать ослушников, а товары, привезенные ими, конфисковать. Армянским и др. купцам, ведущим торговые операции в Нагорном Дагестане, «под опасением строжайшей ответственности» запрещалось отвозить в заблокированные районы для продажи какие-либо товары.

Горцы вынуждены оказались искать выход из сложившейся ситуации, как-то приспособившись, чтобы не прекращать жизненно необхо-

димый им товарооборот с Россией. Как видно из рапорта ген.-м. Вельяминова управляющему гражданской частью на Кавказе, «акушинцы, выезжающие по билетам ... во многие наши города, имея с аварцами связи, кои сделались теперь непозволительными, провозят их (аварцев – Е.И.) с собою ... и дают им случай иметь вместе же с акушинцами торговлю в Российских городах...»¹⁴². Царские власти в Дагестане, обнаружив это, предприняли меры, «чтобы строго было наблюдаемо за проезжающими в наши города акушинцами и если между ними скажутся (мятежные – Е.И.) аварцы, не имеющие билетов за печатью Сурхан-хана аварского, то их, равно и акушинцев, привезших с собой аварцев, ... арестовать»¹⁴³.

Со времени назначения на пост главнокомандующего Кавказской армией ген. Ермолова отношение русского командования к внешней торговле горцев ужесточается. Ермолов применяет ряд репрессивных мер, стесняющих или вовсе запрещающих горцам вести торговлю. А в 1823 г. последовало к тому же запрещение посредникам – армянам и евреям вести торговлю с аварцами¹⁴⁴. Кроме того, всем постам вменялось в обязанность не пропускать аварцев и на Кумыкскую плоскость¹⁴⁵.

Ген. П.Х. Граббе, узнав о покупке четырьмя казикамухцами в Анди бурок для продажи их в Тбилиси, приказал командующему в Чечне ген. Пулло, а также командующему в Дагестане Ключки фон Клюгенау, ген.-м. И. Галафееву и коменданту Владикавказа Широкому задерживать все бурки, провозимые от андийцев. Так 23 мая 1840 г. были «пойманы и заарестованы 13 чел. акушинцев с 20-ю лошадиными вьюками бурок, 540 шт., искупленными ими в Анди», – свидетельствует документ¹⁴⁶.

Подобные меры, естественно, сказывались на положении горцев крайне отрицательно, тормозя развитие товарно-денежных отношений в регионе. И тем не менее, как отмечает исследователь истории терского казачества И.П. Омельченко, в период Кавказской войны «торговые отношения казаков с горцами частично суживались, местами ограничивались, но не прекращались совсем»¹⁴⁷. «Жители Кизляра, – говорится в официальном документе, – не только передают товары в Андию непокорную, но и получают из оной взамен бурки. Если некоторые непокорные нам горские народы будут получать все им нужное, – подчеркивал министр финансов России, – и беспрепятственно сбывать свои изделия и избытки, то не будет настоять им надобности и покоряться нам»¹⁴⁸. Царская администрация предпринимала решительные меры запрета продавать горцам железо. Но приостановить эту торговлю кавказское командование так и не смогло. При этом в торговле железом контрабандой участвовали даже союзники России. «Подданные шамхала Тарковского, покупая полосное железо на судах, приходящих к дагестанским берегам из Астрахани, перепродают оное некоторым горским племенам», – свидетельствует документ¹⁴⁹. По сообщению ген. Галафеева жители, «живущие за Терекон, покупают зерновой хлеб ... перепродают при-

верженцам Шамиля ... обеспечивая тем продовольствие его скопищ»¹⁵⁰. «Я крайне удивляюсь, – говорил один из царских военачальников, – той приязни казаков к туземцам и искреннему желанию способствовать в сближении туземцев с гражданами с любовью, которая проявлялась и проявляется казаками»¹⁵¹.

Акушинцы и Цудахарцы вели обмен главным образом с Эндери и Кизляром, куда они вывозили фрукты¹⁵², ввозили в основном хлеб¹⁵³. О том, насколько были развиты в изучаемое время торговые связи с Кизляром и какое жизненное значение они имели для жителей этих обществ, можно судить по предписанию гр. Гудовича от 1807 г., где кизлярскому коменданту приказывалось «в наказание за участие в разбое и грабежах задерживать лезгин (читай: горцев Дагестана – Е.И.), которые будут приезжать в Кизляр для торговли, без чего они обойтись не могут»¹⁵⁴. В том же году гр. Гудович приказывал, чтобы жителям сел «Осоколо (читай: Унцукуль – Е.И.) и Цудахар ... непрерывно бывающим в Кизляре, Андреевской и Аксаевской деревнях для разных покупок, ни под каким видом не разрешать продавать им в этих провинциях чего-либо, паче же хлеб»¹⁵⁵. В тот же год, по свидетельству архивного документа, из числа горцев, «производивших торговлю» в Эндирее и в Кизляре, были «пойманы в наказание ... из деревни Цудахар и ближайших к оной 24 чел.»¹⁵⁶. В качестве строгой меры наказания гр. Гудович в 1807 г., если горцы не усмиряться, запрещал «строжайше всякую с ними торговлю Кизляра, Джар, Нухи, Шемахи, Баку, Дербента до Тефлиса...»¹⁵⁷.

Все эти меры далеко не способствовали развитию торгово-экономических взаимоотношений Дагестана с Россией. От этого страдали как горцы, так и линейное казачество. Так в 1810 г. кизлярцы жаловались, что запреты горцам приезжать в город заметно ухудшили деловую жизнь Кизляра, а между тем «эти народы, – сообщалось в документе, – продавали в Кизляре лес...», продукты сельского хозяйства, нанимались на сезонную работу. Вследствие чего «прежде работник нанимался за 49 коп. в день, а теперь за 2 руб. 40 коп., а лес покупался по 5 руб. за арбу, а теперь по 25 руб. ...»¹⁵⁸ и т.д.

Однако, несмотря на все сложности политической обстановки в регионе, в первой половине XIX в. торговые связи Нагорного Дагестана все усиливались. Если, например, осенью 1805 г. в Кизляре было задержано 27 чел. из Цудахарского и Акушинского союзов сельских обществ, то в 1824 г. только за один день в Кизлярскую пограничную карантинную контору для получения разрешения на торговлю в Кизляре прибыл 31 чел. одних только цудахарцев, а за сентябрь месяц 1824 г. в Кизлярской пограничной карантинной конторе было зарегистрировано пять таких групп (т.е. более 150 чел.)¹⁵⁹.

Торговые связи цудахарцев продолжали расширяться и с другими крупнейшими торговыми центрами Кавказа, а через них с Россией. Цу-

дахарцы приезжали в Астрахань для закупки верблюжьей шерсти для изготовления известного всем своим высоким качеством цудахарского сукна. Готовое же сукно вывозили в Нуху, Шемаху¹⁶⁰. С Кизляром цудахарцев соединяла дорога Цудахар – Унцукуль – Койсубулинское общество – Сулакский каньон – Салагавия – Эндирей – Кизляр. Цудахар был связан с Прикаспием, а через порты Каспия с Россией так называемой «Ханской дорогой», которая вела из Цудахара и Акуша, шла через шамхальство Тарковское, уцмийство Кайтагское в Дербент¹⁶¹. Существовала и дорога Акуша – Хаджал-Махи – Леваша – Чоглы – Урма – Кака-шура – Параул и далее¹⁶².

Как известно, в развитии связей, обмена и торговли, наряду с другими условиями, одну из главных ролей играет наличие транспорта и путей сообщения. Транспорт в Нагорном Дагестане в изучаемое время был слабо развит. Для верховой езды применяли лошадей, для перевозки грузов, товаров применяли в основном ослов, мулов и лошадей. Основным грузовым транспортным средством у горцев была арба в бычьей упряжке. В исторической литературе прошлого часто утверждалось, что Дагестан представлял из себя «каменный мешок», абсолютно изолированный от внешнего мира. Это далеко не так. Наличие связей между различными обществами и союзами, между различными естественно-географическими зонами, торгово-экономических связей с другими народами и государствами, отгонная система животноводства и т.д. подтверждают несостоятельность подобных мнений. «Без развитой сети дорог, связывающих отдельные союзы сельских общин ... с другими дагестанскими союзами, невозможна была бы специализация микрорайонов края по производству продуктов сельского хозяйства и ремесла»¹⁶³. Нельзя конечно отрицать, что географические условия в какой-то степени и затрудняли связи народов Дагестана. Но, тем не менее, горцы экономически и политически в изучаемое время были связаны как между собой, так и с соседними народами, а также с Россией. Эта связь осуществлялась по существовавшим издревле дорогам и тропинкам.

Весь горный Дагестан был пересечен сетью дорог, которые связывали одни села с другими. Правда, в основном это были не колесные дороги, а тропинки, но по ним свободно могли передвигаться нагруженные лошади и ослы¹⁶⁴. Так, Ф.И. Гене писал: «В Дагестане, как и во всякой стране, весьма много есть тропинок, служащих к взаимному общению жителей»¹⁶⁵. Нет необходимости здесь говорить подробно о внутренних дорогах, по которым жители различных сельских обществ поддерживали связи между собой. Их было много, каждое селение было связано с соседними, а также с центрами союзов сельских общин или феодальными владениями Дагестана, которые в основном и являлись центрами внутренней торговли. Было много дорог, которые связывали горные общества с равниной и далее с другими народами и государствами.

Горцы уделяли большое внимание дорожному строительству. Зобота о дорогах была обязанностью сельской общины, ремонт старых и закладка новых начиналась по решению джамаата. На это требовалось много сил и средств. Известны старинные дороги, связывавшие нагорный Дагестан с Северным Кавказом, Россией, Закавказьем. Подробно об этом писал Х.М. Хашаев: «Это дороги через Ахты, Нуху до Баку, через Казикумух и Закаталы; через Бежта в Кахетию; через Анди в Харачой, в Терскую область; через Чирката; Аргуни, Нижний Буртунай в Хасавюрт; через Гимры, Верхний и Нижний Каранай в Темир-Хан-Шуру, через Аймаки, Джунгутай в Темир-Хан-Шуру; через Левашаи, Дешлагар, Каякент в Дербент; через Кумух, Хосрек, Касумкент в Дербент; через Уркарах, Маджалис в Дербент; Дербент – Ахты – Нуха; Ахты – Куба – Старая Шемаха – Баку и т.д.»¹⁶⁶.

В 30-х гг. XIX в. доставка, например, одного пуда груза морем из Дербента в Астрахань обходилась от 1 руб. 40 коп. до 2 руб., в то время как стоимость доставки по суше колебалась от 3 руб. до 3 руб. 25 коп.¹⁶⁷, не считая многочисленных пошлин, взимаемых по пути следования. Так, чтобы доставить товар сухим путем из Дербента до Кизляра, надо было платить рахтарный сбор в Дербенте, Тарках и Казииюрте: «В самом Дербенте ... 2 р. 50 коп., в Тарху – 5 р. 20 коп. сер. и в Казииюрте – 3 руб. сер. с арбы товаров, заключающей обыкновенно от 40 до 50 пудов; сверх того, во владениях шамхала Тарковского взимается серебром: с каждого тая (тюк весом примерно в 6 пудов) шелка по 2 руб. ..., за верблюда 1 руб., за лошадь и рогатый скот по 50 коп. ...»¹⁶⁸. Рахтарные сборы в Дагестане сильно тормозили развитие торговли. Положение усугублялось еще тем, что сбор рахтара отдавался на откуп. Транспортировка товаров была также дорога. Таким образом, торговля была сопряжена с большими расходами и не всякий мог пуститься во все тяжкие коммерческого бизнеса в горном крае. Транзитная торговля могла стать прибыльной либо в виде оптовой, либо такими партиями, чтобы вырученный от продажи капитал не только окупал бы транспортные и торговые расходы, но и приносил бы определенные барыши. Этот факт и желание обезопасить себя и товары в пути и побуждало дагестанских купцов объединяться в компании и транспортировать товар посредством караванов. Это, в свою очередь, исключало участие в транзитной торговле как непосредственно производителя-ремесленника, так и мелкого торговца, но открывало широкое поле деятельности оптовику-скупщику.

Главные товары экспорта из Нагорного Дагестана это бурки, сукна, ковры, паласы, обувь из шерсти и т.п., т.е. все что изготавливалось женщинами, которые производили эти вещи наряду с выполнением многочисленной и тяжелой работы по хозяйству. И безусловно прав Воронов, записавший во время своего путешествия по Дагестану в нач. 60-х гг.

XIX столетия, что наиболее искусная ткачиха общества Кель, произведения которой пользовались на Закавказском рынке большим спросом, могла за зиму приготовить не более 5 шт. «шалей»¹⁶⁹. Естественно, что ее мужу не было большого коммерческого интереса пускаться в трудное путешествие на далекие рынки Закавказья или России с этими пятью кусками сукна. Стало быть, существовали своего рода специалисты, которые вели эту торговлю за других, получая за это посреднический процент.

Несколько позже О.В. Марграф свидетельствовал, что первыми посредниками, к которым попадало сукно, производством которого славился нагорный Дагестан, являлись местные торговцы, сбывавшие товар непосредственным потребителям или крупным торговцам оптом в крупных торговых центрах¹⁷⁰. Сбыт товаров был организован следующим образом: «по аулам разъезжают скупщики, которые, закупив партию, везут ее в более крупные торговые центры...»¹⁷¹. Таким образом, значительная часть мастеров была занята исключительно производством товаров и сбывала изделия свои через скупщиков, попадая к ним в зависимость. Возникновение скупщика-посредника между мелкими товаропроизводителями являлось формой новых, капиталистических отношений в среде дагестанского общества¹⁷².

Определенный негативный баланс в развитии товарно-денежных отношений в Дагестане приходился на факт существования здесь чрезвычайного разнообразия метрических мер, денежных систем. Вследствие этого наблюдалась необычайная трудность и запутанность коммерческих расчетов. В торговле дагестанцев с Россией имели хождение различные денежные знаки, попадавшие в Дагестан с рынков Закавказья. Например, в Тифлисе наиболее ходкими были серебряные российские рубли и червонцы. Но тот же рубль при покупке считался за 4 руб. меди, а при размене его за 3 руб. 60 коп. Из мелких серебряных монет имели хождение грузинские абазы и двойные абазы, которые в переводе на русское серебро расценивались в 20 и 40 коп. Кроме того, имели хождение и мелкие серебряные монеты как русские, так и грузинские¹⁷³.

Еще более сложными были денежные расчеты в Нухе и в Шеккинском магале, где дагестанцы были завсегдатями торгов. Употребительнейшей ханской серебряной монетой являлся чурюк ценой в 20 коп., заключающий в себе 4 медных карапула или пятикопеечника, чурюк на русское серебро стоил 8 коп.¹⁷⁴ Шеккинские абазы Гусейн-хана, например, в переводе на русское серебро составляли по 11 1/2 коп., на медь по 36 коп., а на чурюки по 30 коп. Ширванские абазы на серебро расценивались по 12 коп., медная монета карапул – 2 коп., червонец голландский принимался на 3 руб. 11 1/2 коп.¹⁷⁵ Неудивительно поэтому, что среди дагестанцев наблюдалось стремление, чтобы все это разнообразие в расчете свести к определенному единообразию и потому

§ 5. Темир-Хан-Шура, Порт-Петровск, Хасавюрт и перспективы расширения и углубления русско-дагестанского экономического интегрирования

В первой половине XIX в. царское правительство в стратегических целях прокладывало в глубь гор шоссейные и грунтовые дороги и в наиболее важных местах строило крепости, часть из которых со временем разрослись в города. Как подчеркивает В.Г.Гаджиев, «несмотря на цели и намерения царизма, это строительство объективно способствовало развитию экономики края...»¹⁸². В начале XIX в. царское правительство силами воинских частей и местного населения улучшило имевшиеся дороги и провело почтовый тракт через приморский Дагестан, соорудив 15 почтовых станций. Но наиболее усиленно правительство стало строить дороги в горы, начиная с 40-х годов XIX в.¹⁸³ Была сооружена дорога от сел. Хозлора Кубинского уезда до Кази-Кумуха протяженностью в 140 верст, а от нее проложены так называемые побочные дороги – первая от сел. Рича до сел. Хив, а оттуда до Касумкента; вторая от сел. Чирах до границ Кайтага; третья от сел. Курах до Хива; четвертая от Кумуха до сел. Чох. Были также проведены дороги от кр. Низовой в Темир-Хан-Шуру и оттуда в Хунзах и в Кази-Кумух; благоустроена дорога от Кизляра до Дербента и далее на Кубу. По этому тракту реставрированы старые каменные мосты и вновь построены деревянные, установлено 10 станций¹⁸⁴.

Как уже отмечалось, в наиболее важных пунктах царское самодержавие строило крепости, которые вскоре стали играть важную роль в развитии экономики края, превратившись в крупные торговые центры. В 1832 г. в центре шамхальских владений, на соединении нескольких главнейших выходов из Нагорного Дагестана на месте небольшого промыслового аула, заложили укрепление Темир-Хан-Шура¹⁸⁵. Оно господствовало над богатой и плодородной равниной, простирающейся до Каспийского моря и служившей границей для большей части горцев и пастбищем, а с другой стороны, стратегически представляло «выгоднейшее и удобнейшее основание для действий в горы»¹⁸⁶. Укрепление было создано почти в центре Дагестана, связывая между собой северные и южные кумыкские владения. Оно находилось в узле дорог через Казийорт в Кизляр, через Чиркей – в Салатавию, через Казанище – в Аварию, через Дженгутай и Охли – в Акуша, через Буйнак – в Дербент, через Тарки – к морю. В 1834 г. укрепление было расширено. Сюда стали прибывать торговцы, особенно кизлярские «армяне и несколько русских из торгового сословия, особенно астраханского, каковы купцы: Голиков, Азаров, Долгополов, Братья Юдины и др.». Они-то и «положили первые основания торговле в зарождавшейся Шуре»¹⁸⁷.

Разрастающиеся торговые связи с жителями Дагестана осуществлялись в Темир-Хан-Шуре через еженедельные воскресные базары, а так-

серебряные российские рубли были «в большом уважении» и дагестанцы их предпочитали другой монете¹⁷⁶.

Также дело обстояло и в местной системе мер и весов, различавшихся в разных местах своим объемом или весом. Как пишет профессор С.Ш. Гаджиева, «Для измерения емкости сыпучих тел у кумыков, как и во всем Дагестане, применялось «сабу», которое, впрочем, далеко не везде было одинаковой величины. Так, например, сабу сел. Буйнак вмещало 27 кг., Башлы – 21-23 кг., Казийорта, Эндирея и др. сел засулакских кумыков – 64 кг., Нижнего Казанища – 32 кг., и т.п.». В ряде мест применялось сабу двух размеров: «харман сабу» для определения количества урожая зерна, равнявшееся 30 кг., и несколько меньшее сабу – «сатув сабу», применявшееся при продаже зерна. Более мелкой единицей измерения сыпучих тел служил «сагь». В одних местах он равнялся 2,5 кг., в других – 3,5 – 5 кг. и т.д. Сабу засулакских кумыков составлял 10 сагь зерна. В некоторых местах была еще меньшая мера для сыпучих тел – «ярым аякъ», которая равнялась 0,5 сабу»¹⁷⁷.

Для таких продуктов, как мясо, сыр, мед, масло, а также для шерсти, шелка и т.д. самой распространенной мерой веса был батман. Как отмечал А.В. Комаров, батман в Дагестане также имел различную величину. В некоторых селениях, например, Башлы, Янгикент, Туменлер и др. батман равнялся 10 фунтам, в Тарковском шамхальстве – 2-5 фунтам¹⁷⁸.

Мерой длины повсеместно служил ханский аршин, который был равен примерно 20-22 вершкам и «кари», который равнялся 10-11 вершкам, т.е. 1/2 ханского аршина¹⁷⁹ и т.д. и т.п. «Наличие такого большого числа различных единиц измерения, – подчеркивает С.Ш. Гаджиева, – являлось значительным препятствием на пути развития торговли в Дагестане». После присоединения Дагестана к России широкое распространение получила система русских мер и весов, что имело положительное значение для развития торговли дагестанцев. Существовавший разнобой был постепенно ликвидирован¹⁸⁰. В 1824 г. дано указание военной администрации в Дагестане о необходимости «сделать точнейшую меру, употребляемую жителям при отдаче в казну хлеба», а также «жителей приучать к весу российскому и иметь верные весы»¹⁸¹.

Другим прогрессивным явлением, имевшим большое значение для дальнейшего развития торговли в Дагестане и способствовавшим росту товарно-денежных отношений, являлась отмена в 1831 году права местных владельцев (тарковского шамхала, мехтулинского хана и пр.) на взимание пошлин. Был создан Закавказский таможенный округ, в состав которого входил и Дагестан.

же ежедневно через различные лавки, которых в Шура в 1858 г. было: каменных – 3, из самана – 50, трактиров – 3, кондитерских духанов до 40¹⁸⁸. В 1857 г. в Темир-Хан-Шуре торговое сословие имело 117 домов и 108 лавок¹⁸⁹. как сообщал современник П. Егоров, характеризуя торговлю в Темир-Хан-Шуре, она в основном была розничной и ежегодно здесь сбывалось товаров более чем на 300 тыс. руб. В каждое воскресенье базар и «Шура принимает праздничный, деятельный торговый характер. Утром большая квадратная площадь покрывается народом двух племен: русские и татары (читай: дагестанцы – Е.И.), принадлежавшие к различным обществам. Еслиходишь на базар с улицы от аварских ворот, то прежде всего видишь толпу татарских всадников, продают лошадей, скот; полевее от конной толпятся большею частью татары, между ними мешаются солдаты и прочие разночинцы. Татары продают оружие, лезгинское сукно, тулупы, полушубки, овчины; солдаты носят произведения своего мастерства: рубашки, папахи, сапоги и прочее, тут же тянется ряд сидящих татар, продающих дешевый курительный табак и деревянные трубки ... пониже сидящие татарки составляют свои линии ..., они продают молоко, яйца, масло, кур и т.п.»¹⁹⁰.

Как сообщал М.С. Воронов в своем «Всепопданейшем отчете за 1849-51 гг.» жители Темир-Хан-Шуры состоят преимущественно из людей торгового класса. Население Шуры насчитывало в 1857 г. до 7000 чел., в том числе торговцев: русских – 60, армян – 64, грузин – 23, персиан – 52, греков – 3, евреев – 6¹⁹¹.

29 ноября 1866 г. Шура была возведена в степень города. В этот период население города насчитывало 7100 чел. Из них купцов второй гильдии – 35 мужчин, 41 женщина, вольных ремесленников 227 чел. Из лиц, занимавшихся торговлей и промыслами, было: русских – 178 чел., грузин – 25, армян – 129, евреев – 92, мусульман – 187, из них дагестанцев – 62 чел.¹⁹². Один их архивных документов «О торговле железом в укр. Темир-Хан-Шура», относящийся к 1852 г., сообщает, что только купцы Шуры ежегодно закупали в Астрахани до 1000 пудов железа и в Кизляре до 200 пудов железа и 100 пудов чугуна¹⁹³, не говоря уже о поставке железа и др. товаров купцами из России.

Из всего вышесказанного следует, что к середине XIX в. Темир-Хан-Шура, появившись как военное укрепление, бурно развивается как экономический, торговый центр, через который российский капитал активно интегрирует в экономику края.

В 1844 г. рядом с морем на каменной гряде Анжи-Арка, где по преданию останавливался Петр I во время Персидского похода, была создана по всем военно-инженерным правилам того времени прочная крепость с толстыми каменными стенами и многочисленными амбразурами. Это укрепление в честь Петра I получило название Петровское¹⁹⁴. Когда укрепление было возведено, были заложены кварталы форштадта. В первое время в этих кварталах насчитывалось до 30 усадеб семейных

офицеров и солдат, а также представителей торгового сословия. Позже сформировалось девять небольших кварталов, четыре улицы, пять переулков и две площади, из которых одна торговая, а другая – для военных парадов¹⁹⁵.

Петровск со времени основания являлся одной из основных баз снабжения Кавказской армии. Выгодно расположенное у моря, Петровское уже в первые годы своего существования привлекало астраханских, саратовских и др. купцов, многие из которых переселялись к стенам этой крепости. Вскоре здесь уже были открыты лавки, духаны и т.п.

Роль Петровска в торговых связях с центральными районами России все усиливалась. Согласно правительственному указу от 24 октября 1857 г. в целях «развития торговли и промышленности на северо-западном берегу Каспийского моря» Петровск был превращен из крепости в портовый город, а лицам, желавшим селиться в нем, были предоставлены льготы и преимущество. Один из современников писал: «Городу Петровску многие предсказывают блестящую будущность, основываясь на том, что даже без всякой помощи со стороны науки морская торговля Петровска развивалась сама»¹⁹⁶. В городе появились купеческие дома, складские помещения, торговые лавки и магазины. Сюда из окрестных и далеких мест переселялись люди, которые стали заниматься виноградарством, ремеслами, рыболовством, торговлей, перевозкой грузов.

В связи с развитием судоходства по распоряжению кавказской администрации в 1852 г. в Петровском укреплении был сооружен маяк, имевший важное значение для навигации. В Порт-Петровске создаются два рейда, один для купеческих судов, другой – казенный, где останавливались суда с военным снаряжением и съестными припасами¹⁹⁷.

С развитием российского капитализма вширь Порт-Петровск приобретает большое экономическое значение для всего Северо-Восточного Кавказа. Жизнь диктовала создание порта для безопасной стоянки судов. Для этой цели были выделены большие суммы денег и составлены проекты защитных сооружений. В 1861 г. было начато, а в 1867 г. закончено строительство южного мола, через два года – северного мола и гавани.

В середине XIX в. на Каспии появляются и первые пароходы, построенные на уральских заводах по заказу правительства России. Они предназначались для торговых и почтовых перевозок по Каспию¹⁹⁸.

В 1858 г. при финансовой помощи правительства России образовалась акционерное общество «Кавказ и Меркурий». Роль пароходства «Кавказ и Меркурий» была огромной: оно связывало Северо-Восточный Кавказ и Закавказье с центральными районами России. Вплоть до Октябрьской революции это общество занимало монопольное положение на Каспийском море.

С каждым годом число судов, прибывающих в Порт-Петровск, постоянно увеличивалось. Только за семь лет с 1858 по 1864 годы по данным Петровской карантинной таможенной заставы, в этот порт прибыло 33780 судов, на которых было привезено купеческих товаров на 6588615 руб. С Нижегородской ярмарки ежегодно в осеннее время в Порт-Петровск прибывало более 50 тыс. пудов товаров, всего за навигацию до 100 тыс. пудов¹⁹⁹. Через Порт-Петровск из России промышленные товары поступали в Дагестан, Чечню, Ингушетию и в Закавказье. Через этот порт в города Северо-Восточного Кавказа и Закавказья отправлялось железо, сталь, чугун, металлические изделия, лесоматериалы. Из этого региона через порт отправляли в Россию сырье для промышленности, ремесленные и ювелирные изделия, продукцию сельского хозяйства, морепродукты.

Удобно расположенный на побережье моря в северной части Дагестана, он способствовал экономическому развитию этого региона. Город и порт рос от год от года, в будущем ему была предуготована роль и судьба столицы союзного.

История возникновения Хасавюрта связана с событиями 40-х гг. XIX в. в Дагестане, с подъемом движения горцев под руководством Шамиля. Его попытки расширить сферу своих действий и вовлечь в движение народы Северного Кавказа насторожило царскую администрацию. Царизм стал укреплять левое крыло Кавказской линии. В числе возведенных в эти годы было укрепление Хасавюрт.

9 июня 1846 г. на правом берегу р. Ярык-сув при выходе ее из гор на плоскость ген.-м. Козловским было заложено укрепление. Местом для него был избран один из сторожевых кумыкских пунктов Сувук-Туршумук²⁰⁰. Место это, находясь на расстоянии 19 верст от укр. Ташкичу (близ Аксая) и 11 верст от укр. Внезапное (близ Эндирея) в центре между Аксаем, Костеком и Эндиреем, контролировало выход из гор на Кумыкскую плоскость и дорогу на Кизляр. Понимая необходимость укрепления этого места, еще раньше, по приказу военной администрации из Эндирея и Костека сюда было переселено по 100 семейств для основания населенного пункта. Сюда же переселился на жительство местный князь Хасав Хамзаев и давший имя этому новому поселению²⁰¹.

Кроме достижения военных целей, новое поселение Хасавюртовское сразу же стало оказывать большое влияние на экономическое развитие региона. Через 20 лет со времени основания в слободе Хасавюрт насчитывалось 1247 душ постоянных жителей²⁰². В формировании ее населения преобладающим элементом были военный и торговый. Большинство составляли русские, а также горские евреи и совсем незначительное число – местное население. Но население быстро росло. Через некоторое время Хасавюрт по количеству населения перерос крупные кумыкские села Эндирей, Аксай, Костек. В городе было построено 19 казенных и 290 частных зданий, из них 52 лавки, 6 харчевень, кирпич-

ный завод. Вода подавалась в город из Акташа, что было сделано на пожертвования кизлярского купца Фабрикова, «ассигновавшего на это капитал в несколько тысяч рублей серебром единственно из благородного побуждения к общественному благу Хасавюрта»²⁰³.

В будущем Хасавюрту была предопределена роль крупного экономического центра Засулакской Кумыкии. Первая ярмарка, имевшая место в Хасавюрте 15 августа 1860 г., была уже значительна, она продолжалась неделю. Было привезено товаров на сумму 95000 руб., скота на 4000 руб., разных продовольственных припасов на 1000 руб., марены на 2800 руб. серебром. Здесь также продавались холсты, ситцы из России, местное сукно, войлок, бурки, овчины, рогатый скот и т.п. В ярмарке было задействовано население соседних Аксая, Эндирея, Костека, купцы из Нагорного Дагестана, Чечни²⁰⁴.

Все эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что возникшие новые города и слободы с момента своего основания играли важную роль в экономическом развитии края, оказывая огромное влияние на развитие товарно-денежных отношений в Дагестане, способствуя его дальнейшему вовлечению в единую экономическую систему России.

Приведенный выше материал не оставляет сомнения в том, что торговля народов Дагестана с Россией в первой половине XIX в., несмотря на политическую нестабильность в регионе, имела тенденцию к росту, экономические отношения – к основательности и прочности. Под влиянием все возрастающего русско-дагестанского торгово-экономического интегрирования углублялись товарно-денежные отношения у народов Дагестана, усиливался процесс дифференциации сельского общества, все новые и новые села Нагорного Дагестана втягивались в торговые отношения, в хозяйстве некоторых дагестанцев уже культивировались технические культуры, предназначавшиеся только на рынок, росло число отходников и извозчиков, активно использовался наемный труд бедняков-горцев. Все это свидетельствовало о вызревании качественно новых производственных отношений, получивших дальнейшее развитие при капиталистическом способе производства.

¹ Маркова О.П. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке. М.: Наука, 1966. С.479.

² ГААО. Ф.681. Д.3130. Л.100-123; Джахияев Г.А. Северный Кавказ во взаимоотношениях России с Ираном и Турцией в конце XVIII – перв. трети XIX в.: Дисс... д-ра истор. наук. Махачкала, 1989. С.49.

³ Там же. Д.3136. Л.88, 89, 104-114.

⁴ Там же. Ф.679. Д.48. Л.80-96.

⁵ Там же. Д.61. Л.1-74; Ф.681. Д.3144. Л.56-73.

⁶ Заболоцкий П. Путевые записи из Астрахани, через Кизляр в Баку в 1835 и 1836 гг. Б. м. Б. г. С.16-17.

⁷ Равинский И.П. Указ. соч. С.446.

- ⁸ ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.12; Ф.344. Оп.1. Д.2. Л.1, 8, 11, 12, 14, 15; Ф.354. Д.2. Л.26.
- ⁹ ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.2. Л.1-55; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие Притеречных районов в XVIII – перв. пол. XIX в. Грозный, 1961. С.74.
- ¹⁰ Там же. Ф.344. Оп.1. Д.2. Л.1-15; Ф.354. Оп.1. Д.16. Л.1-78.
- ¹¹ ГААО. Ф.681. Д.3130, 3144, 3140, 3127; Ф.379. Д.48, 61; ЦГА РД. Ф.374. Оп.1. Д.137. Л.6; Джахиев Г.А. Указ. соч. С.57.
- ¹² ЦГА РД. Ф.374. Оп.1. Д.137. Л.43-46.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Фадеев А.В. Экономические связи Северного Кавказа с Россией в дореформенный период // История СССР. 1957. №1. С.148.
- ¹⁵ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во всероссийский рынок. Нальчик, 1962. С.25.
- ¹⁶ АКАК. Т.4. С.47, 49.
- ¹⁷ Крупианова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX в. М., 1971. С.35.
- ¹⁸ АКАК. Т.V. С.850.
- ¹⁹ Там же. Т.IV. С.836.
- ²⁰ Там же. С.39.
- ²¹ Кумыков Т.Х. Указ. соч. С.177-178; АКАК. Т.IX. Ч.2. С.662.
- ²² Куприянова Л.В. Указ. соч. С.36; Кумыков Т.Х. Указ. соч. С.27-84; Фадеев А.В. Указ. соч. С.211-228.
- ²³ Кавказ. 1849. №12; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М., 1965. С.267.
- ²⁴ Данные приводятся по кн.: Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.267.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Миронов Б.Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М.: Наука, 1981. С.226.
- ²⁸ Там же. С.225.
- ²⁹ Куприянова Л.В. Указ. соч. С.33.
- ³⁰ Равинский И.В. Указ. соч. С.446-447.
- ³¹ ЦГА РД. Ф.374. Оп.1. Д.137. Л.43.
- ³² Куприянова Л.В. Указ. соч. С.36-37.
- ³³ Равинский И.В. Указ. соч. С.447.
- ³⁴ Гриценко Н.П. Указ. соч. С.89.
- ³⁵ Записки о Кизляре. С.107.
- ³⁶ ЦГА РД. Ф.379. Оп.8. Д.8. Л.6.
- ³⁷ Данные приводятся по кн.: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа... С.97.
- ³⁸ АКАК. Т.IV. С.98.
- ³⁹ См.: Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.52.
- ⁴⁰ Там же. С.53; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.256.
- ⁴¹ Куприянова Л.В. Указ. соч. С.37.
- ⁴² Фадеев А.В. Указ. соч. С.191.
- ⁴³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.255.
- ⁴⁴ Куприянова Л.В. Указ. соч. С.41-42.
- ⁴⁵ КК на 1953 г. С.285.
- ⁴⁶ АКАК. Т.2. С.923-924; Т.5. Ч.1. С.334, 923.

- ⁴⁷ См.: Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека. Досоветский период. Махачкала, 1986. С.126-127.
- ⁴⁸ Там же. С.150.
- ⁴⁹ Там же. С.154.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития... С.191.
- ⁵² Там же. С.168.
- ⁵³ Там же. С.400.
- ⁵⁴ См.: Гаджиева С.Ш. Экономическое развитие кумыков в 1-ой пол. XIX в. С.51.
- ⁵⁵ АКАК. Т.V. С.37.
- ⁵⁶ ИГЭД. С.139; Броневский С. Указ. соч. Ч.П. С.200.
- ⁵⁷ Гаджиева С.Ш. Экономическое... С.54.
- ⁵⁸ Обзорение Российских владений за Кавказом... Ч.IV. С.184-185.
- ⁵⁹ ИГЭД. С.214, 242.
- ⁶⁰ Гриценко Н.П. Указ. соч. С.73.
- ⁶¹ ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.2. Л.1-55.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ Цит. по кн.: Мансуров М. Засулакская Кумыкия. Махачкала, 1994. С.59.
- ⁶⁵ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.51.
- ⁶⁶ ИГЭД. С.243; Гриценко Н.П. Социально-экономическое развитие... С.72.
- ⁶⁷ ИГЭД. С.242.
- ⁶⁸ Архивные данные приводятся по кн.: Гриценко Н.П. Социально-экономическое... С.74.
- ⁶⁹ ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.2. Л.1-55.
- ⁷⁰ Там же.
- ⁷¹ Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.XVI. Ч.1. СПб., 1851. С.150; Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.20.
- ⁷² Маргграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа. М., 1882. С.201-202.
- ⁷³ Броневский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч.П. С.454.
- ⁷⁴ ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.2. Л.1, 2.
- ⁷⁵ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С.95.
- ⁷⁶ Гаджиева С.Ш. Кумыки... С.
- ⁷⁷ ИГЭД. С.244.
- ⁷⁸ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.252.
- ⁷⁹ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.92.
- ⁸⁰ ЦГА РД. Ф.147. Оп.3. Д.43. Л.45.
- ⁸¹ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.17.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ ИГЭД. С.214.
- ⁸⁵ Умаханов М.-С.К. Развитие товарно-денежных отношений в Дагестане // Проникновение и развитие капиталистических отношений в Дагестане. Махачкала, 1984. С.34-35.
- ⁸⁶ Нахшунув И.Р. Экономические последствия... С.45; Хашаев Х.М. Указ. соч. С.260; Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.182.

- ⁸⁷ Хашаев Х.М. Указ. соч. С.45; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.260; Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.24.
- ⁸⁸ ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.14. Л.5.
- ⁸⁹ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.184.
- ⁹⁰ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.
- ⁹¹ ИГЭД. С.135.
- ⁹² Там же. С.130.
- ⁹³ Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. Ч.1. Казань, 1849. С.65.
- ⁹⁴ ИГЭД. С.135.
- ⁹⁵ Березин И. Указ. соч. Ч.1. С.69–70.
- ⁹⁶ ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.2. Л.1–55.
- ⁹⁷ ИГЭД. С.202.
- ⁹⁸ Там же. С.219.
- ⁹⁹ Рамазанов Х.Х. Сельское хозяйство и промышленность Дагестана в пореформенный период. Махачкала, 1972. С.72.
- ¹⁰⁰ Там же. С.73.
- ¹⁰¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.250.
- ¹⁰² Броневский С. Указ. соч. С.250.
- ¹⁰³ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.250.
- ¹⁰⁴ Данные приводятся по кн.: Хашаев Х.М. Общественный строй... С.118.
- ¹⁰⁵ Козубский Е. История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1905. С.226.
- ¹⁰⁶ Газета «Кавказ», 1863. №14; Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.74.
- ¹⁰⁷ Козубский Е. Указ. соч. С.226.
- ¹⁰⁸ Рамазанов Х.Х. Указ. соч. С.74.
- ¹⁰⁹ Там же. С.75.
- ¹¹⁰ Там же. С.80.
- ¹¹¹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.251.
- ¹¹² Там же.
- ¹¹³ Данные приводятся по кн.: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа... С.68.
- ¹¹⁴ Броневский С. Указ. соч. Ч.П. С.454–457.
- ¹¹⁵ ЦГА РД. Ф.20. Оп.2. Д.36. Л.6–7; Ф.354. Оп.1. Д.11. Л.1–96; Ф.354. Ч.1. Д.15. Л.1–56; Д.16. Л.1–75.
- ¹¹⁶ Там же. Ф.20. Оп.1. Д.4. Л.206; Хашаев Х.М. Указ. соч. С.114.
- ¹¹⁷ АКАК. Т.10. С.871.
- ¹¹⁸ Цит. по кн.: Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа... С.71.
- ¹¹⁹ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.270 (Вероятно здесь следует учитывать, что Дербент в это время обслуживала и пристань в Низовой, а иногда и Бакинская пристань).
- ¹²⁰ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.270–271.
- ¹²¹ Данные из отчета дербентского военного губернатора приводятся по кн.: Хашаев Х.М. Указ. соч. С.118.
- ¹²² Козубский Е. История города Дербента. С.219.
- ¹²³ Кавказ. 1848. №11; КК на 1852 г. С.323.
- ¹²⁴ Там же. 1849. №25; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.254.
- ¹²⁵ Козубский Е. Указ. соч. С.220.
- ¹²⁶ КК на 1857 г. С.341; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.254.
- ¹²⁷ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.260.
- ¹²⁸ Обзорение российских владений за Кавказом. Ч.IV. С.178–179; Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.260–261.

- ¹²⁹ Козубский Е. Указ. соч. С.206.
- ¹³⁰ Там же. С.149.
- ¹³¹ АКАК. Т.ХП. С.1447.
- ¹³² Загорский И. Восемь месяцев в плену у горцев // КС. Тифлис, 1898. Т.19. С.229.
- ¹³³ ЦГА РД. Ф.354. Оп.5. Д.101. Л.17–72.
- ¹³⁴ КС. Т.ХХХП. С.453; Алферьев П.Г. Дагестанская торговля и торговый капитал // Рук. фонд ИИАЭ. Ф.1. Оп.1. Д.63. Л.1; Хашаев Х.М. Указ. соч. С.102.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. Роль России... С.272.
- ¹³⁷ АКАК. Т.1. С.657.
- ¹³⁸ АКАК. Т.4. Ч.П. С.26.
- ¹³⁹ Там же. С.30.
- ¹⁴⁰ Буцковский А.М. Выдержки из описания Кавказской губернии и соседних горных областей. 1812 г. // ИГЭД. С.240.
- ¹⁴¹ Дубровин Н. Указ. соч. Т.1. С.500.
- ¹⁴² ДГСВК. С.37.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ АКАК. Т. Ч.П. С.30.
- ¹⁴⁵ Там же. С.29.
- ¹⁴⁶ ДГСВК. С.264.
- ¹⁴⁷ Омельченко И.П. Терское казачество. Владикавказ, 1991. С.242.
- ¹⁴⁸ АКАК. Т.ХП. С.145.
- ¹⁴⁹ Цит. по статье: Гаджиев В.Г. К вопросу о социально-экономической базе государства Шамиля // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала. С.130.
- ¹⁵⁰ Там же.
- ¹⁵¹ Там же.
- ¹⁵² АКАК. Т.3. С.530.
- ¹⁵³ Там же. С.3703.
- ¹⁵⁴ АКАК. Т.3. С.281; Мансурова А.Г. Торговые связи Цудахарского союза сельского общества в конце XVIII – перв. пол. XIX в. // Товарно-денежные отношения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1991. С.101.
- ¹⁵⁵ АКАК. Т.3. С.370.
- ¹⁵⁶ Там же. С.371.
- ¹⁵⁷ Там же. С.281.
- ¹⁵⁸ Там же. Т.V. С.923.
- ¹⁵⁹ Мансурова А.Г. Указ. соч. С.101; ЦГА РД. Ф.354. Оп.1. Д.36. Л.10; 78–80; 98–104.
- ¹⁶⁰ Там же.
- ¹⁶¹ Алиев Б.Г., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.К. Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С.147.
- ¹⁶² ИГЭД. С.296.
- ¹⁶³ Асиятилов С.Х. Историко-этнографический очерк хозяйства аварцев XIX – перв. пол. XX в. Махачкала, 1967. С.85.
- ¹⁶⁴ Хашаев Х.М. Указ. соч. С.84.
- ¹⁶⁵ Гене Ф.И. Сведения о горном Дагестане. 1835–36 гг. // ИГЭД. С.347.
- ¹⁶⁶ Хашаев Х.М. Указ. соч. С.110.
- ¹⁶⁷ Нахшунов И.Р. Экономические последствия присоединения Дагестана к России. Махачкала, 1956. С.47.
- ¹⁶⁸ Обзорение... Ч.IV. С.182–183; Нахшунов И.Р. Указ. соч. С.47.

- ¹⁶⁹ Воронов Н.И. Из путешествия по Дагестану // ССКГ, Тифлис, 1868. Т.1. С.13.
- ¹⁷⁰ Марграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С.108.
- ¹⁷¹ Там же. С.38.
- ¹⁷² Нахшунов И.Р. Указ. соч. С.90.
- ¹⁷³ Обзорение... Ч.1. С.263; Алферьев П.П. Указ. соч. Л.4. с об.
- ¹⁷⁴ Обзорение... Ч.III. С.391.
- ¹⁷⁵ Там же.
- ¹⁷⁶ Там же.
- ¹⁷⁷ Гаджиева С.Ш. Экономическое развитие кумыков в I пол. XIX в. С.57.
- ¹⁷⁸ Комаров А.В. Адагты и судопроизводство по ним // ССКГ. Вып.1. Тифлис, 1868. С.73.
- ¹⁷⁹ Там же. С.75.
- ¹⁸⁰ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.50.
- ¹⁸¹ АКАК. Т.VI. Ч.II. С.68.
- ¹⁸² Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.262.
- ¹⁸³ Мансурова А. Россия и строительство колесных дорог в Нагорном Дагестане // Дагестан в составе России: эволюция государственно-правового статуса: материалы научно-практической конференции. Махачкала, 1997. С.70.
- ¹⁸⁴ Гаджиев В.Г. Указ. соч. С.263.
- ¹⁸⁵ См. Козубский Е. Очерки истории города Темир-Хан-Шуры // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.19. Тифлис, 1894.
- ¹⁸⁶ Цит. по работе В.Г. Гаджиева «Роль России...» С.263.
- ¹⁸⁷ Козубский Е. Указ. соч. С.11.
- ¹⁸⁸ Там же. С.41.
- ¹⁸⁹ Там же. С.11.
- ¹⁹⁰ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. «Роль России...» С.269–270.
- ¹⁹¹ Козубский Е. Указ. соч. С.28, 41.
- ¹⁹² Там же. С.45.
- ¹⁹³ ЦГА РД. Ф.3. Оп.1. Д.19. Л.14.
- ¹⁹⁴ Гриценко Н.П. Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края V – сер. XIX в. Ростов-на-Дону, 1984. С.138.
- ¹⁹⁵ КК на 1851 г. Тифлис. 1850. С.72.
- ¹⁹⁶ Петриченко К. Каспий, его промышленность торговля // Морской сборник, 1862. №9. С.305; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.139.
- ¹⁹⁷ Там же.
- ¹⁹⁸ АКАК. Т.X. С.305.
- ¹⁹⁹ Путеводитель по Дагестану. Тифлис, 1871. С.3; Гриценко Н.П. Указ. соч. С.139.
- ²⁰⁰ Гаджиева С.Ш. Кумыки. М., 1961. С.105.
- ²⁰¹ Там же.
- ²⁰² КК на 1884 г. Тифлис, 1885 г. отд. III. С.279; Гашимов Ч.М. Из истории органов административного управления гор. Хасавюрта в XIX в. // Государства и государственные учреждения в дореволюционном Дагестане. Махачкала, 1989. С.130.
- ²⁰³ Возникновение и развитие слободы Хасавюрта // Терские ведомости. 1881. №4; Хасавюрт и первая в нем ярмарка // Журн. МВД, СПб., 1861. Ч.47.
- ²⁰⁴ Гаджиева С.Ш. Указ. соч. С.60.

Анализ изложенного материала позволяет нам сформулировать следующие выводы.

С установлением и укреплением политических взаимоотношений России с Дагестаном развивались и торгово-экономические связи. Россия придавала большое значение транзитной торговле по волжско-каспийскому пути. На восточной торговле складывались крупные купеческие капиталы, которые впоследствии способствовали промышленному развитию России. Страна нуждалась в сырье для развития текстильной промышленности, с одной стороны, и в рынках сбыта – с другой. Со своей стороны, дагестанским феодалам развитие торговли с Россией приносило большие выгоды. Занимаясь реэкспортом восточных товаров, они постепенно были втянуты в транзитную торговлю между Западом и Востоком.

Торгово-экономические связи Дагестана с Россией на рубеже XVII–XVIII вв. поддерживались через Каспий и по сухопутной караванной дороге (Астрахань–Терки–Эндирей–Тарки–Дербент и далее). Эти связи интенсивно развивались год от года, ослабевая лишь в периоды политической нестабильности в регионе.

Русское правительство уделяло большое внимание Каспию и Астрахани как исходному пункту своей восточной экономической политики. Совершенствовалось и увеличивалось количество торговых судов, предназначенных для перевозки грузов по Волге и Каспию.

Важную роль в развитии торговли России с Дагестаном и народами Северо-Восточного Кавказа на рубеже XVII–XVIII вв. играл Терский городок, стоявший в дельте р. Терек, бывший крупным торговым центром, где имелись торговые ряды и гостиные дворы, в которых велась торговля между русскими, северокавказскими, закавказскими и восточными купцами. Два раза в неделю в базарные дни местные северо-кавказские жители пригоняли в Терский городок лошадей и скот на продажу. Образовавшийся в районе Терека полиэтничный конгломерат представителей разноразличных народов прекрасно уживался между собой.

Крупным торговым центром Дагестана был древний Тарки. Тарки, центр Тарковского шамхальства, в изучаемое время обслуживался торговой пристанью на Каспии, через которую народы Дагестана вели оживленный обмен товарами с Астраханью. Во то же время Тарки являлся центром транзитной сухопутной торговли Востока с Западом, перевалочной базой товаров с караван-сараями. Казна шамхала тарковского беспрерывно пополнялась доходами как от торговли, так и от таможенных сборов. В Тарках появляется небольшая купеческая прослойка, постоянно ведущая торговлю по этой трассе. В Тарки стекались товары из внутреннего Дагестана, а из Тарков они поступали как на Запад, так и на

Восток. В свою очередь, товары, имевшие хождение транзитом по торговой трассе, оседали в Тарках и вывозились во внутренней Дагестан.

Другим крупным торговым центром Дагестана являлся Дербент. Дербент в изучаемое время продолжал играть особую роль в восточной торговле России. Это крупный ремесленный центр с различными предприятиями кустарной промышленности; центр внутренней торговли Дагестана, на рынки которого поступали товары как из Южного Дагестана, так и из древних ремесленных центров Внутреннего Дагестана. В то же время это крупнейший центр транзитной торговли между Европой и странами Востока, торговый порт на Каспии, имевший свой флот, соответствовавший, конечно, своему времени.

Ассортимент взаимовыгодной торговли с обеих сторон был широк и разнообразен. Из Дагестана в Россию шли платки, паласы, ковры, кожи, овчины, сабли, кинжалы, нефть, марена, орехи, курага. Дербентские купцы, имевшие собственные суда, систематически занимались реэкспортом в Русское государство из Закавказья и стран Ближнего Востока товаров, пользовавшихся особым спросом на Руси, таких как шелк-сырец, хлопок-сырец, киндяки, дараги, камка, атлас, парча, бархат, кисея и т.п. Перепродажа шелка-сырца и изделий из него приносила огромные доходы занимавшимся этим промыслом торговцам Дагестана и русским купцам.

Большое влияние на развитие торговли в регионе оказывала деятельность индийских и армянских купцов, занимавшихся посреднической торговлей между Востоком и Россией, вкладывавших огромные по тем временам капиталы в торговые и кредитные операции по Волжско-Каспийской коммерческой трассе.

В ассортименте товаров, привозившихся из России в Астрахань, а из Астрахани в Терский городок для продажи местным жителям региона, важнейшее место занимали изделия, изготовлявшиеся в России, а также поступавшие через Россию западно-европейские товары: сукна, холст, кожи, меха, скорняцкие изделия, дорогие и дешевые шубы, шапки собольи, башмаки, сапоги, деревянные изделия (ларцы, коробки расписные, сундуки, блюда, решета), металлы и металлические изделия (тазы, котлы, наперстки, иголки, булавки, ларчики, проволока, ножницы), зеркала и, что важно подчеркнуть, в большом количестве «писчая бумага». Привозились соль, мука, животные жиры.

Торгово-экономические связи Дагестана с Россией все более и более крепились. Постоянно увеличивался не только объем, но и ассортимент товаров как ввозимых, так и вывозимых.

Первая половина XVIII в. в истории Дагестана насыщена сложными политическими событиями, определившими судьбы народов Страны гор. Дагестан в 20-х годах XVIII в. в планах и целях кавказской политики России обретает одно из ведущих мест. Его природные ресурсы, продукты

хозяйственной деятельности населявших его народов, важное стратегическое положение занимали экономические и политические интересы России. Присоединение к России Прикаспия и экономические преобразования Петра I в регионе сыграли большую роль в дальнейшем развитии русско-дагестанского торгово-экономического интегрирования. Решив освободить русскую мануфактурную промышленность от зависимости иностранного сырья, Петр I стремился увеличить производство в Дагестане шелка-сырца, хлопка, шерсти, марены, шафрана, улучшить виноградарство, садоводство, овощеводство, проводились в жизнь конкретные меры по налаживанию и развитию торговли в регионе. Немаловажное значение в расширении торговли придавалось Дербенту. Жителям Дербента грамотой Петра I было объявлено, что они от всех их неприятностей в защите и обороне твердой «будут и позволяется им пребывания свое и купечество [в России] иметь, и отправлять свободно»¹.

Документы свидетельствуют, что из Дербента в Астрахань привозили шелк-сырец, «шелк вареный», парчевые товары, вино, выделанные кожи, шерстяные ткани местного производства и т.п. Указом Сената от 1724 г. было разрешено вывозить из России в Дагестан железо, свинец и порох, а также был открыт беспоплатный провоз и свободная продажа вина, табака и «всяких хлебных и мясных припасов и скота в Дербента, крепости Святого Креста и других местах новых провинций»².

Дербент первой половины XVIII в. являлся важным рынком сбыта для продуктов основных районов Дагестана и главным «окном» для экспорта местных товаров. Дербент – не только важнейший партнер и посредник в русско-дагестанской торговле, он – крупнейший феодальный город Восточного Кавказа с обширной местной торговлей.

Большую роль в дальнейшем развитии русско-дагестанского торгово-экономического взаимовлияния, правда, короткое время, играла крепость Святого Креста, построенная русскими на земле шамхала Тарковского Адиль-Гирея. У крепости горские поселенцы, по сообщению И.Гербера, построили себе городок, этнический состав которого был многонационален. Здесь жили выходцы из Дагестана, Кабарды, Чечни, Армении, Грузии. Занимались жители этого городка скотоводством, различного рода промыслами и, что особенно важно для нас, торговлей. Через крепость Святого Креста из России товары поступали в Дагестан, через Дагестан шли транзитом дальше. У крепости торговали скотом, хлебом, рисом, пшеницей и др. Через нее товары из Внутреннего Дагестана включались в международный товарооборот в Прикаспии.

В силу различных политических обстоятельств, Россия в 1735 г. уступила прикаспийские «провинции» шахскому Ирану. Южные границы России отодвинулись за Терек. Крепость Святого Креста была уничтожена. У небольшого поселения на Тереке у Кизлярского перевоза и была заложена Кизлярская крепость. Кизляру было суждено сыграть осо-

бую роль как в политической, так и в экономической жизни народов Северо-Восточного Кавказа. Кизляр представлял собой уникальное явление: здесь в первой половине XVIII в. сложилось разноязычное, разноконфессиональное сообщество русских, армян, грузин, кумыков, ногайцев, кабардинцев, черкесов, чеченцев, ингушей, осетин, татар, персов, евреев и др., которые, мирно сосуществуя, активно участвовали как в экономическом, так и в культурном взаимодействии и взаимообогащении. Возникнув на древней сухопутной международной транзитной трассе, связующей Европу со странами Востока, Кизляр стал выполнять функции важного транзитного узла в торговле России со странами Востока. Через Кизляр из России поступали жизненно важные для народов Дагестана товары: железо, изделия из железа, олово, свинец, дешевые ткани и т.п.; через Кизляр в Россию шло важное для российской текстильной промышленности сырье: шелк-сырец, хлопок-сырец, марена, шерсть, а также изделия из шерсти, рис, рыба, различные фрукты.

Исторически на территории Дагестана существовал ряд крупных торговых центров. Такие селения, как Эндирей, Аксай, Костек – центры феодальных владений Засулакской Кумыкии, являлись, в свою очередь, известными и признанными центрами как внутренней, так и внешней, в частности русско-дагестанской, торговли. Через них проходила и древняя международная транзитная трасса, связующая Россию с народами Северо-Восточного Кавказа и Закавказья. Эндирей, кроме того, являлось воротами в горы, связующим звеном между Кизляром и нагорным Дагестаном. Через Эндирей "произведения" хозяйственной деятельности горцев поступали на рынок России.

С переносом границы России за Терек экономической и политической стабилизации в регионе пришел конец. В длительных войнах с полчищами Надира народы Дагестана понесли огромные жертвы. Производительные силы были подорваны, хозяйство запущено и разрушено, торговля прекращена. В этих условиях для народов Дагестана покровительство России и укрепление торгово-экономических связей с ней стало жизненной необходимостью. Россия также была заинтересована в этом и предприняла меры, чтобы неуклонно их развивать, что было очень важно для восстановления экономики народов Дагестана, сильно пострадавшей от неоднократных нашествий.

Вторая четверть XVIII в. принесла потерю Россией стран западного побережья Каспия, но это было компенсировано усилением ориентации местного населения на Россию, что, в свою очередь, послужило залогом оживления, стабилизации и дальнейшего развития русско-дагестанского торгово-экономического взаимодействия.

Таким образом, русско-дагестанское торгово-экономическое интегрирование в первой половине XVIII в. определяется крупными политическими событиями этого периода: присоединение в итоге Каспийского

похода Петра I Прикаспия, экономические и политические преобразования и усиление в связи с этим русско-дагестанского экономического взаимодействия. Дагестан из участника международной транзитной торговли между Востоком и Западом превращается и в своего рода поставщика сырья для нарождавшейся текстильной промышленности России.

Подводя итог сказанному выше, следует отметить, что особенности социально-экономического и политического положения Дагестана и во второй половине XVIII в. способствовали дальнейшему развитию разносторонних русско-дагестанских интеграционных процессов, одной из форм которых была все более расширяющаяся и развивающаяся обоюдывыгодная торговля России с Дагестаном. Народы Дагестана испытывали жизненную необходимость в развитии и укреплении торговли. Российские хлопчатобумажные ткани, железо, изделия из него, разного рода краски, бумага, продукция крестьянской промышленности, а также продукты питания (пшеница, масло коровье, постное, сахар, соль и др.) находили широкий спрос на Кавказе и в Дагестане.

В свою очередь правительство Российской империи отводило Дагестану важное место в своих экономических планах на Кавказе, рассматривая его как поставщика сырья для текстильной промышленности, с одной стороны, и рынок сбыта товарной продукции – с другой. В то же время, расширяя торговые связи с горцами Дагестана, Россия рассматривала их как одно из средств распространения своего влияния в регионе.

Архивные документы показывают, что во второй половине XVIII в. Кизляр является крупным экономическим центром для народов региона. Российское правительство отводило Кизляру важную роль в развитии и укреплении торговых отношений с народами Северного Кавказа, в том числе и с народами Дагестана. В расширении торговли России с народами региона немаловажную роль сыграла отмена русским правительством пошлин с кабардинцев и дагестанцев в Кизляре, а также беспошлинный ввоз шелка-сырца и разрешение на вывоз из России многих запрещенных к продаже на Кавказе товаров, как железа, лошадей.

В Дагестане во второй половине XVIII в. торговлей с Россией занимались представители феодальной знати, но вместе с тем наблюдается некоторое обособление лиц, занимающихся только торговлей. Архивные документы называют их «купецкими людьми». Большую роль в русско-дагестанской торговле играли купцы-посредники из числа кизлярских армян, грузин, евреев.

Участие широкого числа горцев Дагестана в торговле с Россией, проникновение изделий российской промышленности в горы – все это не могло не вызвать известных сдвигов в экономике Дагестана, главным из которых было развитие товарно-денежных отношений.

Архивные документы дают нам интересный материал для освещения таких форм русско-дагестанского торгово-экономического интегри-

рования как откупная система, использование векселей в качестве платежного документа, кредитно-ростовщические сделки между владельцами Дагестана и кизлярским купечеством, использование крупными русскими купцами широкой сети скупщиков марены, шелка-сырца, хлопка. Дагестан во второй половине XVIII в. начинает активно интегрировать в орбиту складывающегося общероссийского рынка. Прослеживается постепенное становление и укрепление регулярности взаимовыгодных торговых операций, наблюдается эволюция в составе участников торговли, а также значительное расширение ассортимента товаров с обеих сторон. География этих контактов интенсивно расширялась год от года. Они ослабевали, не прекращаясь, лишь в периоды политической нестабильности в регионе.

Тем не менее, ряд источников свидетельствует о длительном сохранении отсталых форм в торговле, особенно в Нагорном Дагестане. Основным видом торговли еще оставалась меновая, в большей степени во внутренней торговле, в меньшей – в международной, которая постепенно перерастала в денежную. В обращении были русские, турецкие, персидские деньги. Следует также отметить, что торговля с Россией стимулировала развитие торговли внутри Дагестана. Вместе с тем, развитие взаимовыгодного русско-дагестанского торгово-экономического взаимодействия укрепляло ориентацию народов Дагестана на Россию.

Привлеченный нами фактический материал свидетельствует о том, что в первой половине XIX в. Дагестан постепенно втягивается в сферу экономического развития России, что положительно сказывается на экономике Дагестана. Под влиянием все углубляющихся торгово-экономических интеграционных процессов в изучаемое время углубляются товарно-денежные отношения у самих народов Дагестана. Усиливается дифференциация сельского общества. По-прежнему основной статьей в торговле горцев оставались изделия домашней промышленности и ремесла, продукты животноводства, лесоматериалы, но вместе с тем горцы начинают поставлять на рынок земледельческие продукты. Сельское хозяйство начинает приобретать товарный характер. «Население не только прибрежной морской полосы, но и на 150-200 верст от нее постепенно приспособляло свое хозяйство к потребностям российской промышленности».

В Дагестане ускоряется процесс развития товарно-денежных отношений, но они еще не становятся господствующими, все новые и новые села, в том числе и горные, втягиваются в торговые отношения. Выращивание на больших площадях таких технических культур, как марена, требовало много рабочих рук. Наемный труд бедняков-горцев начинает применяться на полевых работах, в виноградарстве, садоводстве, на рыбных промыслах и т.п. Многие из них шли в Кизляр, где нанимались к купцам, в мастерские, на промышленные предприятия, в торговые

склады, лавки и т.п. Это были новые производственные отношения, получившие затем свое дальнейшее развитие при капиталистическом способе производства. В рыночные связи втягивались крестьянские промыслы и ремесла.

В русско-дагестанских торговых взаимоотношениях возникает фигура скупщика-посредника, между товаропроизводителем и потребителем, что также являлось новой формой общественных отношений. Из среды горцев начинают выделяться профессиональные торговцы, хотя их еще мало.

Большую роль в развитии торговли Дагестана с Россией сыграло учреждение меновых дворов, хотя меновая торговля и носила колониальный характер. В основном дагестанцы были связаны с Амир-Аджиуртовским меновым двором и с ярмарками в Кизляре и Науре. Так же, как и прежде, в первой половине XIX в. в Дагестане основными центрами русско-дагестанских торгово-экономических отношений и транзитной торговли с Нагорным Дагестаном оставались Аксай, Эндирей, Тарки, Дербент, значение которых к середине XIX в. начинает падать в связи с появлением новых городов: Темир-хан-Шуры, Петровска, Хасавюрта, которые все более и более оказывают влияние на экономику края. Назревает этот процесс и в Кизляре, который к середине XIX в., пережив пик своего развития, превращается в обыкновенный уездный город.

Однако развитию торговли мешали военно-феодальные методы политики царизма. Нередко торговля с горцами запрещалась для оказания на них политического давления. Не способствовали расцвету торговли и экономики и военные действия в горах Дагестана. Другим тормозящим торговлю явлением были рахтарные сборы с товаров, взимаемые дагестанскими феодальными владельцами, которые были отменены в 1831 г., и был создан единый Закавказский таможенный округ, в состав которого входил и Дагестан.

К середине XIX в. в Дагестане получает развитие система российских мер и весов на смену разнородным в многочисленных местных метрических системах, что было положительным явлением, способствующим развитию товарно-денежных отношений в крае. В Дагестане нарастает стремление привести к определенному единообразию различные денежные системы; имевший хождение в торговых расчетах русский серебряный рубль зарабатывает приоритет в денежных расчетах. Российский торговый капитал все более и более интегрирует во все сферы хозяйства Дагестана первой половины XIX в., что вело к важнейшим изменениям в социальных отношениях.

¹ Цит. по кн.: Гаджиев В.Г. Сочинение И.Гербера... С.222.

² Там же. С.222–223.

**СЛОВАРЬ АРХАИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ,
РЕДКИХ И МАЛОПОНЯТНЫХ СЛОВ¹**

абаз	– 20 и 40 коп. монета
агач	– мера измерения расстояния
аладжа	– цветастое шелковое полотно
аманат	– заложник
анбарное (амбарное)	– вид русских таможенных сборов
ансиденция	– вид русских таможенных сборов
ансырь	– мера веса, равная 1 фунту (409 гр.)
аталык	– «дядька», воспитатель; по обычаю аталычества детей (преимущественно из семей феодалов) с младенчества отдавали на воспитание в чужую семью (в основном в крестьянской среде), где они оставались чаще всего до совершеннолетия. (См. подробно: Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. XVIII – нач. XX вв. Махачкала, 1995)
атлас золотный	– атлас, затканый золотыми нитками
бадж	– здесь – вид таможенных сборов в Дербенте
бархат (бархент)	
венецейский	– бархат из Венеции
бархат изорбат	
(изорбаф)	– вид персидской бархатной ткани
батман	– мера веса в Турции от 2,5 до 10 кг; у кавказских народов – 32 кг
баранта (барамта)	– у кавказских горцев обычай захвата скота или имущества обидчика до возмещения убытка
бобровая струя	– настойка из выделений желез бобра, употребляемая в лечебных целях, а также в кожевенном производстве
бот	– небольшое мореходное судно; лодка
братина	– медная чаша для питья вина, меда, пускавшаяся по кругу

¹ При составлении словаря были использованы следующие источники: Даль В.И. Толковый словарь. М., 1935. Т.1–4; Он же. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.–М., 1880–1882. Т.1–4; Кабардино-русские отношения. XVI–XVII вв. М., 1957. Т.1; Фехнер М.В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI в. М., 1956; Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30^е годы XVII в. М., 1963; Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док-ов / Под ред. В.Г. Гаджиева. М.: Наука, 1988; Русско-чеченские отношения. Вторая половина XV–XVII в.: Сб. док-ов / Выявлен. и составл., введен. коммент. Е.Н. Кушевой. М.: «Восточная литература». РАН, 1997.

бриг	– двухмачтовый парусный военный корабль
бурметь (бурмет)	– грубая бумажная ткань
буса	– морское судно малой осадки; большая дубовая, плоскодонная долбленая лодка. Обычно буса шла от Астрахани до Дербента вдоль берега при хорошей погоде около недели.
бязь-шуста	– вид грубой хлопчатобумажной ткани
владелец	– в русских документах XVII–XVIII вв. глава феодального владения, иногда – глава сельского общества
выбойка	– грубый ситец, по которому узор набит одним штампом в одну краску
выбойчатые	– ткани с набивным рисунком
голеот (голет)	– небольшое двухмачтовое купеческое судно
городки казачьи	– укрепленные поселения терских и гребенских казаков
дарай	– восточная шелковая материя
джауза (джевази)	– мера веса, равная 25,5 гр.
дорога́, дорогú, дарага́	– наиболее дешевая шелковая ткань, одноцветная и полосатая. Были известны дороги кизыл-баишские (персидские), гилянские (из Гиляна), турецкие (из Турции) и др.; персидская тафта
епанча	– бурка, длинный, широкий шерстяной плащ
есырь	– см. ясырь
жийад	– здесь – вид таможенных сборов в Дербенте
инде	– где-либо еще
казабханская пошлина	– вид пошлины в Дербенте
казгырей	– читай: газырей
камка	– плотная, шелковая, одноцветная или многоцветная ткань, иногда с золотой или серебряной нитью
камка адамашка или	
камка шамская	– произведенная в Дамаске
камка брусская	– из турецкого г.Бурса
камка - куфтерь	– сорт итальянской камки
канавус (коноват)	– шелковая ткань разноцветного переплетения
канцельное (канцелярское) семя	– см.: кошениль
караван-сарай	– гостиный двор на Востоке
караезя	– реденькая, грубая шерстяная ткань
кари	– единица измерения длины, равная 1/2 ханского
	– аршина
кармазин	– ярко-алое сукно

катырь (кавк.)	– ослик, лошак, мул
каюк	– лодка, речное грузовое судно
кизылбашский киндяк	– персидский – восточная хлопчатобумажная ткань с набивным одноцветным рисунком
кипа	– крупная упаковочная единица текстильного сырья (хлопка-сырца, шелка-сырца); единица измерения некоторых товаров (сукна, марены и др.)
киржим (куржум)	– морское судно
китайка	– вид тонкой хлопчатобумажной ткани
кисея амадинская	– легкая, прозрачная ткань из персидского города Амадан
контарное	– вид русских таможенных пошлин
корвет	– трехмачтовый парусный корабль
косяк	– мера измерения
кошениль	– краситель ярко багряного цвета, получаемый из насекомого, водящегося на кактусах; кармин; в торговле – кермес, канцелярное или канцелярское семя
кошенилевый	– багряный
кошма	– полсть, войлок, войлочная подстилка
крап	– краска, выделяемая из корня марены
кумач	– хлопчатобумажная ткань ярко красного или синего цвета
кунак (канак, конак)	– приятель, лицо, связанное с кем-либо обязательством гостеприимства на Кавказе
кутня	– ткань полушелковая типа атласа, чаще полосатая, вывозилась из Персии
курпетчатый	– от слова курпей (сорт каракуля, иногда мех ягненка с мелким тугим завитком)
мавраш	– значение слова определить не удалось
марена	– растение в Дагестане и на Восточном Кавказе, из корней которого получали красящее вещество – крап; сам корень
маркитант	– торговый человек, следующий в военное время за войском, торгуя съестными припасами, напитками и др.
мерлушка	– густой, с мелким завитком мех ягненка
мерлушчатый	– от слова мерлушка
мизан	– весы; мера веса
мизанный	– вид таможенного сбора в Дербенте
миткаль	– неокрашенная бумажная материя

мови (шелковые, полушелковые)	– вид шелковой ткани
музур	– матрос на купеческом и промысловом судне на Каспийском море
мунжук	– значение слова определить не удалось
мичигиш (мичкизы)	– жители Северо-Восточной Чечни, их селения располагались по р. Мичик, притоку р. Сунжи
мичкизское	– здесь – изготовленное мичкизами
московитин	москвич, из Москвы; русский
мухмаль	– (арабск.) бархат
намазлык	– молитвенный коврик
новокрещен	– здесь – мусульманин, перешедший в православную веру
ноговицы	– элемент традиционной кавказской обуви типа гамашей из сафьяна, войлока, домотканного грубого сукна, которые носили в сочетании с различного рода кожаной обувью
объярь	– восточная плотная шелковая ткань репсовой выделки, нередко с золотыми и серебряными нитями
однорядка	– мужская верхняя одежда из шерстяной ткани, сукна, иногда из выделанного меха, широкая, длинная, на застежке без воротника, с зауженными к запястью рукавами
окочане (ококи)	– чеченцы-ауховцы (выходцы из горного общества Акки в верховьях р. Гехи в Западной Чечне, в XVI-XVII вв. переселившиеся в верховья рек Аксай, Ямансу, Акташ, Ярыксу в Восточной Чечне); жители Окоцкой слободы Терского города
Окоцкая слобода	– слобода Терского города, населенная служилыми окочанями, располагалась за р. Тюменкой, протокой р. Терек в ее нижнем течении
острог	– крепость, укрепление
оченские (учинские)	– ногайцы, жившие на Уч-Косе (Аграханский пов)
татары	– панцирь, кольчуга
пансырь	– панцирь, кольчуга
Порта Высокая, Блистательная, Оттоманская	– (от фр. la Haute Porte, la Sublime Porte – неточный перевод турецкого выражения «Паша – капысы» – высокие ворота перед султанским дворцом Долма-бахче в Стамбуле); здесь – Османская империя, правительство Османской империи
пешась	– заботясь

полотно вендерское	– читай: полотно венгерское, вид ткани из Венгрии
портище	– пластина меха, хребтовый мех без брюшка (портище пупковое – мех брюшка)
посад	– часть города вне крепостных стен
промемория	– предписание, приказ
проторно	– свободно
полутайка	– (см.: тая) – половина таи
полухарал	– см.: харал – половина харала
расшива	– плоскодонное, одномачтовое морское судно
рахтарный (рахдарный) сбор, рахдар	– пошлина с товаров, провозимых через территорию феодального владения
ретраншемент (транжемент)	– военное укрепление
работные люди	– здесь – работники на морских судах и промыслах
рухлядь	– пожитки, снаряжение; мягкая рухлядь – меха
сабу (сатув сабу, харман сабу)	– ед. измерения сыпучих тел
савры	– кожаные подколенники у седла
сагь (сах)	– ед. измерения сыпучих тел
сапетка	– плетеная из прутьев большая корзина для перевозки фруктов
сарачинское, сорочинское (читай: сарачинское) зерно	– рис
сафьян	– род тонко обработанной козловой кожи различной окраски
скарлат	– пурпурная ткань, красное сукно
сороки, сорок	– единица счета ценных мехов; 40 шт. – сорока соболей
стамед гарусной	– шерстяная ткань
струг, струшок	– старинное русское гребное речное деревянное судно, ходившее у побережья Каспия
суркайского (читай сурхайского)	– т.е. принадлежащее Сурхай-хану Казикумухскому
тай (тая)	– мешок, тюк, кипа товара примерно 0,5 вьюка, во вьюке от 5 до 10 пудов
тастарь	– вид ткани; русск. серпинка, рядинка
тезик	– восточный купец
толмач	– переводчик, посредник в разговоре с иностранцем
транжемент	– см. ретраншемент

туман	– золотая монета
Терский город (Терки, Терской город, Тюменский город)	– русская крепость и город с многонациональным посадом, основанный русскими в 1588-1589 гг. в дельте р. Терек, на ее протоке р. Тюменке
уздень	– лично свободный крестьянин
узол (читай: узел)	– здесь – вид упаковки товара
усмейский (уцмийский)	– принадлежащий уцмью
уцмий (усмей, усмий, исмит)	– титул феодального владельца Кайтага
учнут	затеют, начнут
фаты бумажные	– мягкая, прозрачная, хлопчатобумажная ткань
фирман (перс.)	– указ, повеление
фортеция	– военное укрепление
форштадт	– предместье, слобода
фунт	– русская мера веса в 409,51 гр.
фельдшанец	– полевое укрепление
халиса	– здесь – вид таможенных сборов в Дербенте
харал	– мешок, тюк, ящик товара
хозы (гзы)	– «задок» конской шкуры особой выделки, предназначались для изготовления ножен для сабель, кинжалов
цесарец	царевич
цолнер	– сборщик пошлины, таможенник
чекмень	– кафтан, вид одежды
четень	– корзина для перевозки фруктов
чилим	– водяной опех (Jrapa natans)
шамхал, шавкал	– титул тарковских феодальных владельцев
шанец	– военное полевое укрепление
шерех	– читай: жерех
шертъ	– присяга в восточных странах
шибуты (шебуты, шебутяне)	– общество в горной Чечне по р. Аргун
шмакрос	– вид морских судов
шхербот	– " –
эверсы	– " –
экбот	– " –
эмчек (эмчег)	– здесь – молочный брат, приближенный феодального владельца, телохранитель. Подробно см.: Гаджиева С.Ш. Аталычество и побратимство в Дагестане. XVIII – нач. XX вв. Махачкала, 1995.
юк	читай – тюк

юртовские татары	– часть астраханских ногайцев
юфть	– русская мера, упаковка; второе значение – кожа; красная юфть – окрашенная кожа
яловичьи (сырые)	– сыромятный кожевенный товар для изготовления конской упряжи и ремней
шкуры	– изготовленный из грубой шерстяной ткани
яринный	– единица измерения сыпучих тел, равный 0,5 сабу
ярым аяк	
ясырь (есырь)	– пленник, невольник, раб

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦНЦ РАН**

instituteofhistory.ru

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААО	– Архив Астраханской области
АВПР	– Архив внешней политики России
АКАК	– Акты, собранные Кавказской археографической комиссией. Тифлис.
в.	– век
ВИ	– Вопросы истории. М.
ВИД	– Вопросы истории Дагестана (досоветский период). Махачкала.
ВИЭД	– Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала.
Вып.	– выпуск
г.	– год
Д.	– дело
ДГСВК	– Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50 гг. XIX в. Махачкала.
е. и. в.	– его (ее) императорское величество
ИГЭД	– История, география и этнография Дагестана XVIII – XIX в. М.
ИЗ	– Исторические записки. М.
ИИАЭ ДНЦ РАН	– Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
ИИЯЛ ДагФАН	– Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР
СССР	
ИСКНЦ ВШ	– Известия Северо-Кавказского научного центра Высшей школы. Ростов-на-Дону
КК	– Кавказский календарь. Тифлис.
КРО	– Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв. М.
КС	– Кавказский сборник. Тифлис.
Л.	– лист
НИИ ИЯЛ	– Научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
Оп.	– опись
ПСЗ	– Полное собрание законов Российской империи. СПб.
РГАДА	– Российский государственный архив древних актов
РГВИА	– Российский государственный военно-исторический архив
РДО, 1958	– Русско-дагестанские отношения в XVII – первой четверти XVIII в.: Сб. док-ов / Сост. Р.Г.Маршаев. Махачкала, 1958.

– Русско-дагестанские отношения в XVIII – начале XIX в.: Сб. док-ов / Под ред. В.Г.Гаджиева. М., 1988.

ССКГ – Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис.
Т. – том
ЦГА РД – Центральный государственный архив Республики Дагестан

УЗ – Ученые записки

Ф. – фонд

Ч. – часть

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I. РАЗВИТИЕ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ НА РУБЕЖЕ XVII–XVIII В.....	25
§1. Место Дагестана в кавказской экономической политике России.....	25
§2. Российские города Прикаспия и их роль в развитии торговли на Северо-Восточном Кавказе.....	30
§3. Роль экономических центров Дагестана в развитии русско-дагестанской торговли.....	43
ГЛАВА II. РАЗВИТИЕ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.....	59
§1. Развитие экономики Прикаспийского Дагестана в связи с присоединением к России и расширением русско-дагестанской торговли.....	59
§2. Роль кр. Святой Крест и Кизляра в русско-дагестанском торгово-экономическом интегрировании.....	66
§3. Русско-дагестанская торговля в 30-40 ^е гг. XVIII в.....	76
§4. Место торговых центров Северного Дагестана в русско-дагестанских экономических взаимоотношениях.....	80
ГЛАВА III. ПРОБЛЕМЫ РУССКО-ДАГЕСТАНСКИХ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ЗАИМОТНОШЕНИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII В.....	92
§1. Расширение и укрепление русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов.....	92
§2. Характер таможенной политики контрагентов.....	107
§3. Экономические центры Дагестана как центры русско-дагестанской торговли.....	114
ГЛАВА IV. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИНТЕГРИРОВАНИЕ РОССИИ И ДАГЕСТАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.....	131
§1. Кизляр – центр торгово-экономической интеграции России и Дагестана.....	131
§2. Торгово-экономическое взаимодействие Засулакской Кумыкии и шамхальства Тарковского с Россией.....	142
§3. Дербент как центр развития русско-дагестанских торгово-экономических интеграционных процессов в первой половине XIX в.....	147
§4. Характер и тенденции торгово-экономических отношений Нагорного Дагестана с Россией.....	153
§5. Темир-хан-Шура, Порт-Петровск, Хасавюрт и перспективы расширения и углубления русско-дагестанского экономического интегрирования.....	161
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	171
СЛОВАРЬ АРХАИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ.....	178
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	185

Верстка и дизайн **Камилов Г.С.**
Художник **Малагитинов М.М.**

Формат 60x84_{1/16}. Печать ризографная. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Усл. п. л. 14,25. Тираж 350 экз.

Размножено в типографии Султанбекова

Иноземцева Елена Ивановна – старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук. Сфера научных интересов – торгово-экономический аспект взаимоотношений народов Дагестана с Россией и народами Северо-Восточного Кавказа в XVII – первой половине XIX в., а также историческая география старожильского русского населения Дагестана, история, истоки и источники формирования нижнетерского казачества. Она является автором более 40 научных публикаций, осуществленных как в Дагестане, республиках Северного Кавказа, в Москве, Санкт-Петербурге, Ростове, так и за рубежом.

**Электронная библиотека
Института истории,
археологии и этнографии
Дагестанского ЦН РАН**

ISBN 5-905784-14-0

9 785905 784149

instituteofhistory.ru